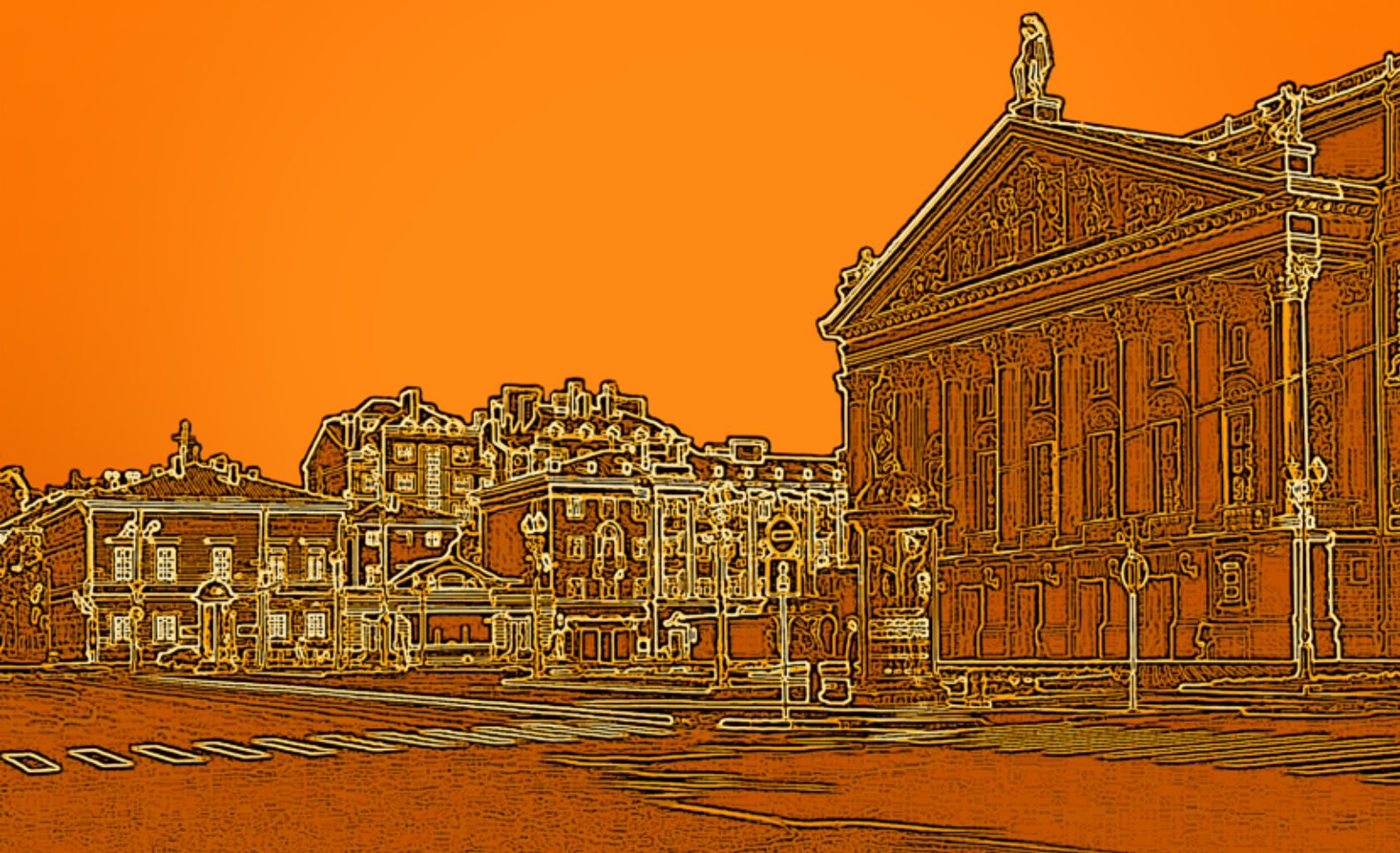

IV Международная научная конференция

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Казань

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

*М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов,
Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова,
В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев,
М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров,
В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко,
М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин,
А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова*

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

*З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия),
К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина),
Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан),
А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан),
А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан),
К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева
(Россия), Е. П. Колпак (Россия), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес
(Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев
(Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов
(Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан),
А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)*

Исторические исследования: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май
И90 2016 г.). — Казань: Изд-во «Бук», 2016. — iv, 130 с.

ISBN 978-5-906873-01-9

В сборнике представлены материалы IV Международной научной конференции «Исторические исследования».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Аверин Д. Н. Первая мировая война. Военнопленные в Тобольской губернии.	1
Айзенштадт Е. О. Церковная политика Генриха II Святого. Германия, XI в.	14
Капорина Ю. В. Феномен детского правления: факторы возникновения и развития.	18
Мисрбекова М. М. Культурные, архитектурные памятники в Узбекистане.	21
Салимов В. А. Реформа здравоохранения Б. Обамы на начальном этапе её реализации: сторонники и противники. ...	24
Ситникова М. Г. Формирование и деятельность Союза Спартака (1915–1919 гг.)	26

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Кабылтаева С. К. Роль батыров в сохранении целостности Казахского государства в первой четверти XVIII – первой половине XIX вв.: историографический обзор.	29
Капорина Ю. В. Рожденные править: детское правление во Франции в конце XVIII – начале XIX века.	37
Стрельцов Р. В., Бураков А. Ю., Синагатов Р. С. Становление войск внутренней охраны Республики РСФСР.	40

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алтаева А. Э. Общекультурные процессы развития бурятского общества и Копыловы из династии священнослужителей Иркутской епархии.	43
Асфандиярова А. А. Иностранцы как субъекты предпринимательской деятельности в России первой половины XIX в.	45
Бабин И. Э. Морально-психологические аспекты коллаборационизма.	48
Вдомина Ю. Р. Особенности формирования образов Первой мировой войны в исторической памяти советского общества в 1930-е гг.	50
Гуров К. А. Криминал как часть жизни города Иркутска в конце XIX – начале XX вв.	53
Гусев К. Д. Сложности политической интеграции Малороссии в состав Русского государства: 1689–1764 гг.	55
Забелин В. М. Ставропольский городской драматический театр в 1943 году.	58
Ибрагимов Г. Ш. 1 Проблема фальсификации событий Великой Отечественной Войны.	61

Кочетовский И.Е., Коренева Д.А.	
Опричнина (1565–1572). Ивана IV Грозного	63
Марыжихин В.Е.	
Влияние опыта русско-японской войны на процесс вооружения Российской императорской армии начала XX в.	65
Секирин А.А.	
Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви и церковная политика в отношении сектантства и старообрядчества во второй половине XIX века	67
Селдушев В.Н.1	
Коллективизация в СССР	71
Синчина Е.В.	
Положение виноградарско-винодельческого удельного имения Абрау-Дюрсо в начале XX в.	73
Чиркунов И.В.	
Обзор политики по содействию развитию кустарной промышленности в Нижегородской губернии во второй половине XIX века	77
Ягмурова Л.М., Джумаева Г.Н., Розьева Г.Г.	
Роль права в формировании правовой культуры.	79

5. АРХЕОЛОГИЯ

Степанова Е.А.	
Народная дипломатия в эпоху зарождения Древнерусского государства	82

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Гасанов Э.Л.	
Об историческом аспекте исследования культурного наследия Гянджи XIX века (на примере творчества М.Ш.Вазеха)	85
Hasanov E.L.	
About research of historic-cultural heritage of Ganja.	91
Диванкулиева Б.Х.	
Эпос «Гёр-оглы» и его значение как историко-этнографического источника	93
Попов М.Е.	
Вера в магию и духов у индейцев Северной Америки	97
Райкина Е.Н.	
Кавказская кухня. Лэкьюм	99
Тленшина Г.М., Паршин И.А.	
Институт ханской власти в традиционном обществе казахов (историография проблемы)	102
Февралёв Е.А., Наволокин Р.Е.	
Агулы	107

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Бабенко О.В.	
К вопросу об источниковой ценности мемуаров Ф. И. Шаляпина	113
Белых О.А.	
Отражение проблем современных российско-американских отношений в российской интернет-периодике	121
Кожухарь А.И.	
Потенциал проекта экскурсионного маршрута по зданиям и памятным сооружениям, связанным с историей иркутской чаеоторговли.	124
Соловьев Р.А.	
Роль источников по униформологии и фалеристике в изучении истории Вооруженных сил СССР в 1945–1991 гг.	126

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Первая мировая война. Военнопленные в Тобольской губернии

Аверин Дмитрий Николаевич, студент

Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

Истории XX столетия принадлежит множество масштабных трагедий и мировых катастроф, искалечивших массу человеческих судеб. Среди них не последнее место занимает Первая мировая война. В России за время войны было мобилизовано около половины всех трудоспособных мужчин. По отношению ко всему населению, без различий пола и возраста из каждой тысячи человек 112 было призвано в армию. Во время войны около 8 млн. человек стали **военнопленными**. При этом все страны, участвовавшие в Первой мировой войне, обязались соблюдать статьи Гаагской конвенции о военнопленных. Половину потерь России в войне составили пленные (более 2,4 млн. человек). Около 3 млн. солдат и офицеров противника были захвачены в плен русской армии. (РГ-ВИА.Ф. 2003.оп.11.Д.324.Л. 238). Люди оказались оторваны от своих мирных занятий, а оставшаяся часть населения должна была взять на себя не только все заботы об удовлетворении всех насущных потребностей страны, но и обслуживание нужд многомиллионной армии. В таких условиях возникла необходимость использования любой возможности для покрытия все возрастающего спроса в рабочей силе. Именно для этого и были использованы военнопленные, которые стали прибывать с фронтов в Тобольскую губернию и в Ишимский уезд уже в начале войны.

В Тобольске 7 сентября 1914 года остановился эшелон с австрийцами и венграми, в Тюмень пленных доставили 9 сентября. К зиме 1915–1916 гг. военнопленные были распределены следующим образом: в Тобольск, Тюмень по 5 тысяч, в Ишимском уезде около 3 тысяч военнопленных и 4115 беженцев, о чем свидетельствуют документы Ишимского архива (фонды 10, 135.) Безусловно, что численность пленных в уезде можно установить приблизительно, поскольку часто менялись места расквартирования. На каждого пленного заводилось удостоверение (ГБУТО ГА.Ф.18. Оп.3.ЛД 2). Такое количество прибывших людей нужно было где-то разместить. Крайне ограниченный жилищный фонд в губернии не мог вместить всех их. Проблема теплого жилья в условиях Сибири — одна из главных проблем, и жизни тысяч пленных оказались в полной зависимости от ее разрешения. Военное ведомство, заранее не озаботившееся строительством специальных помещений для военнопленных, нашло очень простой выход из создавшегося положения: оно обязало городские власти лю-

быми путями изыскать жилье для прибывающих пленных. Города должны были обеспечить отопление и освещение этих помещений, военные же брали на себя обязательство выплатить мизерный «квартирный оклад»: на одного военнопленного выдавалось по 10 руб. 50 коп. в год. Где же размещали пленных? В Ишиме под казармы для пленных городские власти арендовали частные дома, общежития, винный склад, казармы, дом инвалидов и т.д. (ГБУТО ГА.Ф 18.оп.5.Лд.2–40). Сибирские города потратили на размещение пленных огромные суммы: Тюмень — 58 тысяч рублей, Ишим 30 тысяч, все же, несмотря на большие затраты, помещения для военнопленных не отвечали даже минимальным требованиям санитарии. Теснота, в которой жили пленные, способствовала распространению инфекционных заболеваний. В казармах Тобольска и Тюмени осенью 1914 г. появились больные сыпным тифом, скарлатиной, дизентерией. Правда, массовой эпидемии среди военнопленных не было. Хотя и с большим трудом, но сибирским медикам все же удалось локализовать очаги инфекционных болезней (см.: Греков, 157–158). Положение военнопленных в разных уездах Тобольской губернии было примерно одинаковым. По архивным документам можно составить портрет пленного солдата австро-венгерской армии. Выглядел он так: мужчина 20–45 лет, рядовой, беспартийный, неграмотный или малограмотный бедняк — горожанин или крестьянин, являющийся гражданином Польши, Румынии, Сербии, Австрии, Чехословакии, Германии.

В течение 1914–1915 гг. формируются документы с основными требованиями к военнопленным и правила использования их труда в различных сферах хозяйственной деятельности: «Положение о военнопленных», «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», «Правила об отпуске военнопленных в частные промышленные предприятия». Согласно последним двум правилам пленных использовали в сельском хозяйстве и на промышленных предприятиях. Труд пленных использовался и в хозяйстве отдельных крестьян. Не стоит, правда, думать, что все крестьяне брали пленных для сельскохозяйственных работ. Некоторые крестьяне отказывались от помощи пленных, аргументируя это решение тем, что не хватает средств на их содержание. Такие крестьяне согласны были принять военнопленных только в том случае, если все расходы на содержание пленных оплачи-

вались из казны. И все же в губернии была и такая категория крестьян, которые не хотели брать военнопленных ни при каких условиях (Гос. архив в г. Тобольске, ф. 344, оп. 1, д. 108, л. 17–28). В Государственном архиве города Тобольска сохранились документы лесничеств, благодаря которым стало известно, какие работы выполняли военнопленные. Они занимались заготовкой и доставкой дров, починкой саней и телег, ремонтом дорог, прореживанием молодняка и расчисткой противопожарных полос в лесничестве, сплавом леса и т. п. (ГУТО ГА. Ф. 167, оп. 1, д. 185). Офицеров, в отличие от лиц имевших чины, к обязательному труду не привлекали. Зато часть пленных могла подыскать себе в городах хорошо оплачиваемую работу. Их приглашали в качестве учителей. В основном этим промыслом занимались австрийские поляки, реже немцы. Широко использовался труд военнопленных инженеров, бухгалтеров и т. д. Эти категории работников в основном комплектовались из немцев (см.: Греков, 164–165).

К месту работ военнопленных сопровождали под конвоем. Кроме того, для пленных были введены ограничения в перемещении, причем за соблюдение их отвечал наниматель. Уволенным на работу военнопленным ни в коем случае не разрешалось ходить и ездить по городу одним без сопровождающих лиц от работодателя, сидеть за воротами домов, в коих живут военнопленные. На улицу без сопровождающего нельзя выходить, после 8 часов вечера выход военнопленным на улицу, безусловно, запрещен. Замеченные в нарушении изложенного военнопленные арестовывались военными властями и полицией, а работодатель взамен арестованного не только не получал другого военнопленного, но по усмотрению уездного воинского начальника у него могли быть сняты с работ прочие военнопленные.

В Тобольском архиве также сохранился документ, (Ф.152. Оп. 27. Д. 191. Л. 55) в котором объяснен порядок надзора за военнопленными, работающими в сельской местности. Для надзора за военнопленными в каждое селение назначались ратники народного ополчения: один унтер-офицер на 250–300 военнопленных и по одному рядовому в качестве взводного на каждые 50 человек. Сельский староста обязан был вести список учета домохозяев, у которых есть военнопленные, а также самих военнопленных. Если военнопленные совершали какое-либо преступление, то арестовать их имело право не только военное начальство, но и гражданские власти. Военнопленные обязаны были ночевать у тех домохозяев, к которым были назначены на проживание, а если пленный не являлся на ночлег, хозяин обязан был немедленно заявлять об этом сельскому старосте или кому-либо из ратников (Гос. архив в г. Тобольске, ф. 344, оп. 1, д. 108, л. 382–385). Таким образом, наниматели несли полную ответственность за поведение и охрану военнопленных, работающих у них. Кроме того, они должны были обеспечивать приемлемый уровень жизни пленных, снабжение продовольствием, одеждой, медицинской помощью. Наниматели часто сообщали, что пленные самовольно остав-

ляют работы, «предъявляют незаконные требования». Для восстановления порядка против таких пленных принимались решительные меры вплоть до суда. (Гос. архив в г. Тобольске ф. 344, оп. 1, д. 108, л. 467).

Согласно списку военнопленных, состоящих на учете в Ишимском уезде, здесь работали поляки, русины, словенцы, немцы, словаки, чехи, хорваты, румыны, мадьяры. (ГБУТО Ф.18.Оп.5 лд.2) Какого-то особенного различия между национальностями не делалось, ни в одном документе нет отдельного подсчета немцев и славян. Итак, по архивным документам к 1 января 1917 г. в Тобольской губернии насчитывалось 26700 пленных, из которых на сельскохозяйственные работы было направлено 10800 чел., в промышленность, торговлю и на транспорт — 5200, в городском хозяйстве занято — 600, на лесоразработке — 10100. В Ишимском уезде — 2867 пленных.

Гражданское население в Ишимском уезде к военнопленным относилось лояльно. В периодической печати тех лет практически нет статей с негативными отзывами о военнопленных. Можно сказать, что если не возникало конфликтов на почве оплаты труда или содержания военнопленных, то отношение к ним было хорошим. Хотя следует отметить, что в метрических книгах все же зарегистрированы браки с русским населением, что является одним из важнейших признаков ассимиляции. Вернуться домой военнопленные смогли не все. Некоторые остались на чужбине, так как не было личных документов или из-за неверно написана фамилия при переводе с иностранного на русский. Мой информант Ваганов Анатолий Степанович, 1936 года рождения, рассказал мне о том, что в селе Мизоново Ишимского уезда проживал пленный австриец (имени его он не помнит) но отмечал, что он был очень добрый, говорил на ломаном русском языке, чинил всей округе обувь, был классным сапожником. Мальчишки часто заходили к нему в гости, а он, увидев их, улыбался и угощал вареной картошкой. Жил он один, так как его русская жена умерла, а детей у них не было. В Ишимском госархиве сохранились запросы полномочных иностранных представительств в управление Ишимской уездной рабочей — крестьянской советской милиции о розыске своих граждан (ГБУТО. Ф.18.оп.5. Лд 3; ЛД.27; ЛД 10.). По окончании войны представительства направляли отношения с просьбой «навести справки» о военнопленных, проживающих на территории округа. В случае смерти военнопленного предлагалось «соболаговолить препроводить оформленное о том свидетельство» или «метрическую выписку о смерти» (ГБУТО. Ф.18.Оп.5.Лд. 13). Из некоторых документов управления следует, что некоторые военнопленные, прибывшие в Ишимский округ, по окончании Первой мировой войны пожелали остаться в России. Сохранились заявления на ломаном русском языке, в которых они писали, что не желают возвращаться на родину, так как здесь имеют свое крестьянское хозяйство, «свою хату и семейство и 5 лет занимаюсь хлебопашеством, а на родине не имею клочка земли...», к этому было добавлено: «существующую советскую власть уважаю и не желаю под-

чинятся капиталистам, которые управляют на моей родине... В чем и расписался Осип Шапер (другие имена: Леймарт Егор, Simo Domokos). «В 1915 году я попал в плен во время Империалистической Австро-Германской войны в пределы России, где обвязался семейным положением, а поэтому я решил навсегда остаться на территории РСФСР с обязательством, верноподанным Республике. К сему подпишусь Данчес Петр...». (ГБУТО. Ф.18. Оп.5.Л.д.68)

Итак, делаю вывод: решение остаться в России для многих военнопленных я считаю, что не было легким, но ради детей, семьи, которую обрели, они пожертвовали родиной. Получив российские гражданство и паспорт, они остались в Ишимском округе и здесь продолжили свой род.

В Ишимском архиве хорошо сохранились документы еще об одной категории граждан, пострадавших от империалистической войны, — беженцы с оккупированных территорий Украины, Белоруссии, Прибалтики и других государств. Целыми семьями, бросив дома, имущество, хозяйство, люди уезжали из родных мест (ф.18.оп.3.л.д.15.). Жизнь в Сибири для них стала настоящим испытанием судьбы. Репатриация граждан и их семей за счет иностранных дипмиссий закончилась в декабре 1924 года. Перед выездом на родину беженцы обязаны были в трехмесячный срок «соблюсти формальности, указанные в инструкции НКВД № 25», собрать множество различных справок. Иногда процесс возвращения домой затягивался на несколько лет. В документах Ишимского архива сохранился билет беженца и путь его следования (Ф.18.Оп.5.Лд.9). Сохранились многочисленные заявления и прошения в «соответствующие органы» о выдаче нужных справок Петра Францевича Видунаса — репатрианта Литвы с 1915 года, временно проживающего в г. Ишиме по Малой Садовой улице в землянке № 42, напротив нового кладбища». Отчаявшись получить запрашиваемые документы, П. Видунас обратился к ишимскому окружному прокурору с жалобой на административный отдел «за не выдачу мне документов и за опсмейвание мне... Начальник канце-

лярии сказал, что надо мне обратиться к врачу, потому что у меня ума не хватает. Признал меня дураком. Я обратился к начальнику аминотдела. Он сказал, что иди куда хочешь, мы тебе никаких документов не дадим Мы твои деньги пропили». Из документов видно, что необходимые справки П.Видунас собрал и получил визу до 15 декабря 1924 года, и его семье был разрешен выезд за пределы СССР в Литву, но в 1928 году семья Видунасов еще проживала в г. Ишиме. По какой причине не была вручена адресату виза, приходится лишь догадываться и чем закончилась данная история неизвестно.

По данным Ишимского архива беженцев в округе насчитывалось 4115 человек (ГБУТО.Ф.18.Оп.3 Л.д.с 15—17) (Ф.18.Оп.5.Л.д.5,60).

Сколько же поломанных судеб, искалеченных жизней, изуродованных людей. Военный плен Первой мировой войны передвинул и перемешал целые слои народонаселения различных стран. Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки. По воле «исторического случая» их «перенесли» в незнакомую им ранее среду других наций. Сколько осталось, на Ишимской земле военнопленных и беженцев, точно не известно, так как таких сведений в архивах я не нашел. Таким образом, Первая мировая война, беспрецедентная по своим масштабам и вовлеченным ресурсам, способствовала эволюции содержания и форм военного плена и полностью изменила само его понимание. Однако необходимо отметить, что отношение к военнопленным было более гуманным, цивилизованным, чем к военнопленным Второй мировой войны. Скорбный образ войны проступает сквозь многие документы того времени. Протоколы обследования, анкеты и опросные листы пострадавших семей наполнены горем, болью и какой-то безысходностью в поисках сострадания и помощи. Искалеченные войной люди выживали, кто как мог. Прошло сто два года с начала Первой мировой войны, но сегодня в мире неспокойно, события того времени вновь повторяются, история мировых войн так ничему и не научила.

Корешок удостоверение румынского военнопленного ГБУТО в г. Ишиме. Ф.18.Оп.3.л.д 2

2

С. С. С. Р.

Корешок удостоверения.

УПРАВЛЕНИЕ
Ишимской Уездной
Городской
Рабоче-Крестьянской
Советской
Милиции.

д, явитель сего действительно военно-пленный

Румынский

По части 1578 192 г.

№ 3

г. Ишим.

поданный 35 лет.

Губернии, Уезда

волости, села или деревни

Прибывший в Россию 1914 года

Семейное положение женат при нем находятся жена
Елена 35 лет дочь Евдокия 5 лет.

Основание зафиксировано в книге № 1162

Подпись лица получившего удостоверение от Начальника Милиции

Действительно по 15 Мар 1924 года

Начмилиции

Зав. паспортным столом

Делопроизводитель

Зак. № 439.

Страница из книги регистрации военнопленных [ГБУТО в г. Ишиме.Ф.18.Оп.5.л.д 2]

кому принадлежать		№ № вххх ст	кой предмет употреб-		№ № вххх ст
Руб.	К.		Руб.	К.	
Талы					Механик
Пиларий	украин	32	хлебопашец		Волост
Бартник					Замески
Густав	немец	25	хлебопашец		2
Баласк					Советская
Эде	мадьяр	34	парикмахер		Баля
Брошкина					Мелинов
Адамар	немец	35	мелоз. упряжчик		улица
Байшартнер					Мало-Лин
Флоршан	немец	31	хлебопашец		35
Бартусек					В. Козарки
Гозиф	мадьяр		хлебопашец		В. Пилея
Бара					на п. о. р. д. 1
Шитван	мадьяр	40	плотник		Завенка
Брандешиттер					3
Франц	немец	35	земледельец		городеня
Березинский	Украин	30	хлебопашец		Романов
Филиппов					г. Ишим
Браун					Молоков
Юган	немец	32	сапожник		А. 2
Билек					Б. Ванди
Гро	немец	31	фелер		24
Воньзю					Мало-Лин
Павел	украин	38	хлебопашец		26
Брантшвер					Б. Кудзю
Берн	немец	38	парикмахер		42
Бабин					М. Никола
Иван	мадьяр	24	Сапожник		Б. 1
Байбергер					Молоков
Гро	немец	32	Контрорщик		г. Ишим
Барт	мадьяр	40	земледельец		Завенка
Баста					Завенка
Петр	хорват	45	Чернорабочий		Завенка
Бенне	немец	41	Майер		Завенка
Отто					Завенка

Удостоверение военнопленного и беженки [ГБУТО в г. Ишиме Ф.18.Оп.3.л.д.5]

Р.С.Ф.С.Р.
ИШИМСКИЙ
Уездно-городской
Ревком
Отдел Управления
"11" 1920г.
г.Ишим.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие гражд
в том, что он действительно есть бывший военно-пленный
империалистической войны и в делопроизводстве пленбе
зарегистрирован, что подписями с приложением печати у-
достоверяется.

Завотдуправления
Зав. делопр. и пленбе
Секретарь

Р.С.Ф.С.Р.
ИШИМСКИЙ ВОЛОСТНОЙ
ПОПЕЧИТЕЛЬ
ИШИМСКОГО У. ГОРОДА И
19 декабря 1919г.
№ 479

Удостоверение

Выдано Ишымским Волостным
Исполкомом Велании Гордеевой Знаменской
взвешен бывшаго у него документа, выдан-
ного Ишымским Волостным Правлением
Врехи-Амтовского уезда, Гродненской губернии
6-го августа 1918г. за № 1644 в котором, что он
действительно есть гражданка Велания
Степановна Гордеева вышеуказанной
губернии, проживающая в селе Ишымском,
той же волости, что подписью и прило-
жением печати удостоверяется.

Председатель Исполкома А. Фролов
Секретарь В. Чилин

Билет беженца [ГБУТО.Ф.18.Оп.5.л.д.9]

9

УСТРОЙСТВО
БѢЖЕНЦЕВЪ
СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА

Брянскій ж. д. узелъ.

21 Сентября 1915 г.

№ 2463

Ст. Брянскъ.

БИЛЕТЪ БѢЖЕНЦА

Михаилъ Зиндерицъ, урожд. [?]
Свѣтлоярскій уѣздъ, [?]
Осетъ-Корганъ, наемъ и [?]
Всего [?]

Путь слѣдованія

Гужевыми дорогами

До желѣзнодорожной станціи [?]

По желѣзной дорогѣ отъ ст. Брянскъ. Р.

до ст. Красный [?]

рубернъ

Опасающій за эвакуаціей бѣженцевъ

Остановки въ пути по случаю болѣзни и др. [?] причинамъ.

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА УСТРОЙСТВО БѢЖЕНЦЕВЪ

Запросы Австрийской дипмиссии о местонахождении военнопленных [ГБУТО.Ф.18.Оп.5.л.д.22]

АВСТРИЙСКАЯ МИССИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.
ЗЯ/МШ.

№ 650/22.

В Эвакуационный стол Административного П/отдела
Отдела Управления Губисполкома.

г. ТЮМЕНЬ.

Австрийская Миссия по делам военнопленных в Со-
ветской России, Москва, Садовая-Кудринская 13/, настоящим
просит навести справки о местонахождении нижепоименован-
ных бывш. австрийских военнопленных и результат, в возможно
скором времени, сообщить Миссии.

В случае смерти некоторых военнопленных, Миссия
Вас убедительно просит выслать ей официальные о том сви-
детельства.

1/ ШРЕФЛ Генрих: 1-го ландшт. пех. полка, родился в 1875г.,
родом из Вены, попал в плен в Октябре мес.
1914г. в Карпатах и находился, по последним
сведениям от Сентября мес. 1918г., в Тюмени.

2/ СЦИБЕР Рудольф: 1-го ландв. пех. полка, родился 24/XII-
1890г., родом из Вены, попал в плен 3/IV-1915
г. в Карпатах и находился 28/XI-1917г. в
Ишиме.

3/ ЦАУНЕР Антон: ефрейт. 14-го пех. полка, родился в 1887 году
в Гриискирхене, попал в плен 31/VIII-1914г.
и находился, по полученным из Вены сведениям,
в гор. Тюмени.

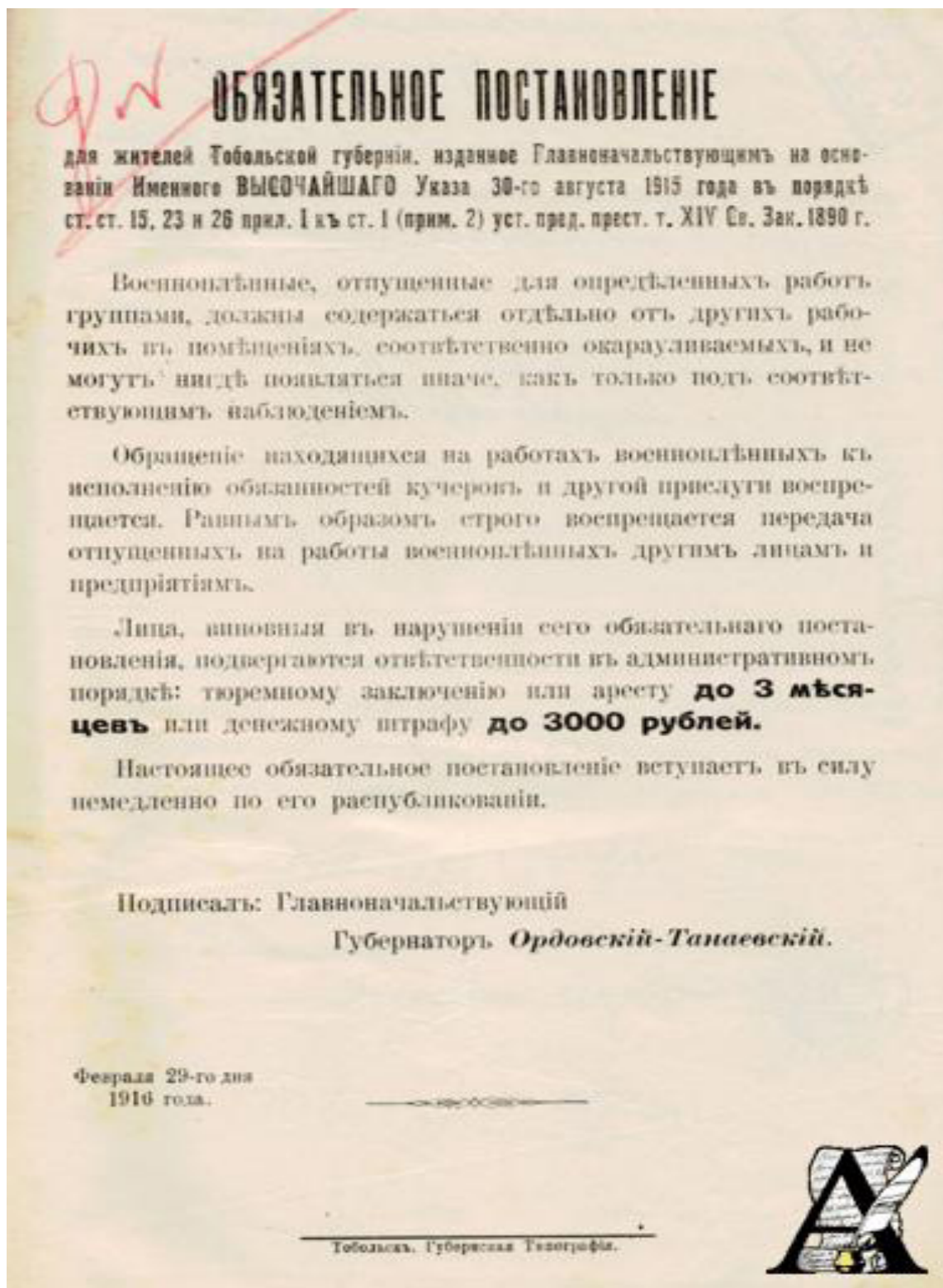
4/ РАТМЕЙР Франц: 2-го стрелк. полка, родился в 1895г. в Эберс-
талцелле, попал в плен 7/VIII-1916г. и нахо-
дился, по полученным сведениям, в Ишиме, Тю-
менской губ., в 1919г. на одном железо-ли-
тейном заводе.

см. на обороте.

Ходатайство о принятии русского гражданства [ГБУТО.Ф.135.Оп.1.л.д.17]

[illegible]

Постановление для военнопленных от 30.08. 1915 года [ГУТО ГА Тобольске. Ф. 344. Оп. 1. Д. 108]

Билет военнопленного или гражданского пленного [ГУТО ГА Тобольске. Ф. 344. Оп. 1. Д. 21]

СОСТАВЛЕНЪ на основаніи:
а) личнаго записанія плѣннаго.
б) представлѣ документовъ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОЛЛЕГІЯ
О ПЛѢННЫХЪ И ВЪЖЕНЦАХЪ.

Временно, до полученія
паспорта, видомъ на жи-
тельство служить можетъ.
Хранить при себѣ.

Статистическій и Справочный отдѣлъ.
МОСКВА, Воздвиженка, 4.

Билетъ военноплѣннаго
или гражданскаго плѣннаго.

(регистрац. кар.
или пріемной
книги).

1. Фамилія Обабровъ
2. Имя и отчество Николай Александровичъ
3. Воинское званіе: солдатъ, офицеръ, чиновникъ, лицо медиц. званія солдатъ
4. Гражданское состояніе *) (званіе или сословіе) крестьянинъ
5. Воинская часть: названіе Ягелевск. № 82 п.
6. Возрастъ 32 лѣтъ
7. Национальность Русскій вѣроисповѣданіе правосл.
8. Родъ занятій до войны (спеціальность, профессія) машинистъ
9. Семейное состояніе: холостъ, вдовъ, женатъ, разведенъ; дѣтей (до 21 г.)
10. Образованіе: низшее, среднее, высшее, профессіон машинистъ
11. Мѣсто постояннаго жительства до военной службы Тобольскъ губ.
Курганск. уѣздъ Менгерск. вол. Обаброво село дер.
12. Когда взятъ въ плѣнъ 30 мар 1918
13. Гдѣ взятъ въ плѣнъ пос. Сивирь
14. Гдѣ былъ (въ плѣну) въ Германіи, въ Австріи, въ Болгаріи, въ Турціи
Выданъ (наименов. учрежденія, выдававшего билетъ) Курганск. уѣзд. упр-е
Когда выданъ (билетъ) 9 дня Ноября мѣс. 1918 года.
Подпись лица, заставляющаго учрежденіемъ С. А. Давыдовъ

*) Заполняется только для гражданскихъ плѣнныхъ.

Высадка военнопленных в г. Тюмени

Потери: Первая мировая война

Стран	Всего мобилизовано	Убил и Умер	Раненых	Пленных и пропавших	Общие потери	Потери % мобилизо- ванных
Союзных Держав						
Россия	12,000,000	1,700,000	4,950,000	2,500,000	9,150,000	76.3
Франция	8,410,000	1,357,800	4,266,000	537,000	6,160,800	76.3
Британской Империи	8,904,467	908,371	2,090,212	191,652	3,190,235	35.8
Италия	5,615,000	650,000	947,000	600,000	2,197,000	39.1
Соединенные Штаты	4,355,000	126,000	234,300	4,500	364,800	8.2
Япония	800,000	300	907	3	1,210	0.2
Румыния	750,000	335,706	120,000	80,000	535,706	71.4
Сербия	707,343	45,000	133,148	152,958	331,106	46.8
Бельгия	267,000	13,716	44 ,686	34,659	93,061	34.9
Греция	230,000	5,000	21,000	1,000	17,000	11.7
Португалия	100,000	7,222	13,751	12,318	33,291	33.3
Черногория	50,000	3,000	10,000	7,000	20,000	40.0
Итого	42,188,810	5,152,115	12,831,004	4,121,090	22,104,209	52.3
Центральных Держав						
Германия	11,000,000	1,773,700	4,216,058	1,152,800	7,142,558	64.9
Австро-Венгрия	7,800,000	1,200,000	3,620,000	2,200,000	7,020,000	90.0
Турция	2,850,000	325,000	400,000	250,000	975,000	34.2
Болгария	1,200,000	87,500	152,390	27,029	266,919	22.2
Итого	22,850,000	3,386,200	8,388,448	3,629,829	15,404,477	67.4
Итого	65,038,810	8,538,315	21,219,452	7,750,919	37,508,686	57.6

Литература:

1. (РГВИА.Ф. 2003.оп.11.Д.324.Л. 238).
2. ГБУТО.Ф.18.Оп.3.Д.2
3. ГБУТО ГА в г. Ишиме Ф.18.Оп.5.Д.2–40
4. Греков, И. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997.
5. ГУТО ГА Тобольске. Ф. 344. Оп. 1. Д. 108.
6. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 167. Оп. 1. Д.185
7. Сибирский листок, 1912–1919 гг. / сост. В. Белобородов. Тюмень, 2003.
8. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 152. Оп. 27. Д.191.Л.55
9. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 344. Оп. 1. Д.108.Л.382–385
10. ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 344. Оп. 1. Д.108.Л.467
11. ГБУТО ГА в г. Ишиме Ф.18.Оп.5.Д.2
12. ГБУТО ГА в г. Ишиме Ф.18.Оп.5.Д.3.Д.27. Д 10
13. Меньшиков, В. Н. Первая мировая война. Омск, 2002
14. Шкундин, Г. Д. Мировые войны XX века. Первая мировая война. Москва, 2005
15. Информант Ваганов Анатолий Степанович.

Церковная политика Генриха II Святого. Германия, XI в.

Айзенштадт Евгений Олегович, студент

Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королева

Одной из центральных проблем, рассматриваемого исторического пространства, является взаимоотношение между церковной и светской властями, так как борьба между ними красной нитью проходит через всю историю Европы в средних веках.

И именно в Германии противостояние церкви и светской власти раскрываются наиболее ярко, особенно в период правителей Саксонской династии (919–1024), отличившейся яркой церковной политикой, начало которой положил Оттон I. Завершающим этапом стало правление Генриха II (1002–1024), получившего имя «Святой».

Данная тема является актуальной в связи с тем, что в советской историографии вопросы, связанные с взаимоотношениями светской и церковной властью в Европе изучались мало. Стоит сказать, что не рассматривались почти любые вопросы, связанные с церковью за исключением роли церкви в процессе феодализации. Это было связано с господствующей в то время атеистической идеологией, которая не способствовала любым исследованиям, связанным с религией и церковью.

Изменение историографической ситуации происходит после 90-х годов XX века, связанные с распадом СССР. Российская историческая наука по-новому взглянула на вопросы по изучению церкви, стали появляться новые подходы в этом вопросе. Более того, историки по-новому взглянули на вопросы по изучению европейской культуры, образования, повседневной жизни, ведь церковь в средневековой Европе занимала главенствующее место в жизни каждого человека и являлась центром распространения образования и культуры. Именно в монастырях велось написание хроник, на базе них основывались школы, происходило накопление научного материала в виде библиотек и хранилищ различных артефактов. И теперь, когда идеологические рамки были разрушены, можно было по-новому взглянуть на проблемы, которые не могли быть решены в условиях жесткого атеистического контроля государства. С распадом СССР, в Россию стали поступать из-за рубежа и переводиться работы по религии, истории церковной организации. Большую роль играли переводы источников, освещающие отношения светской власти с религиозной, особенно это касается периода правления Саксонской династии. Сразу же стоит отметить, что в российской историографии нет исследований по церковной политике Генриха II. Она уже не изучалась в советской историографии, и еще не рассматривалась в постсоветской. Даже в европейской историографии в течение первых десяти лет XX столетия личность Генриха II изучалась весьма скромно. Он не упоминается в неоднократно переизданном историческом труде Карла Хампе, посвященном средневековому рейху. Исследователи больше интересовались предшественниками и наслед-

никами Генриха. Оттон III — одаренный и высокообразованный юноша — император — и Конрад II — решительный, жесткий и популярный правитель — несколько затмили собой образ болезненного Генриха, считавшегося слишком зависимым от церкви.

Генрих II, немецкий король и император «Священной Римской империи» из рода Людовингов, правивший в 1002—1024 гг. Умер 13 июля 1024 г. [1]

Генрих II представляется покровителем служителей веры. Ведь только ему удалось провести обновление монастырей и их чистку. При Генрихе II явная граница между церковью и государством перестала существовать. Церковь и государство в представлении императора должны были составлять единое целое. [2]

Сразу же после прихода на герцогство в Баварии Генрих II провел реформу монастырей по образцу реформированного монастыря Горце в Лотарингии, находившегося под влиянием Ключи. [3]

В этой реформе Генриха больше заботили состояние имущества монастырей и монастырское строительство. Материальное благосостояние должно было способствовать истинной службе Богу. [4]

Рассматривая тот факт, как Генрих многократно передвигал аббатов с должности на должность, когда для этого, как казалось императору, наступал удобный момент, стоит рассмотреть важный и богатый монастырь Фульды, который лишился всего имущества, находившегося в его распоряжении сверх самого необходимого минимума, тем самым занимая положение, соответствующее требованиям именно монашеской жизни. [5] Об этом с нескрываемой критикой действий Генриха написано в Кведлинбургских анналах: «В 1013 году Генрих разграбил имущество Фульдского монастыря, ибо ему не по нраву была жизнь его братии». [6]

Епископы были для Генриха, надежной опорой его власти. Как их покровитель он возглавляет ряд синодов и имеет существенное влияние на принимаемые там постановления, даже на решения по вопросам церковного культа. [7] Это подтверждает «Хроника» Титмара Мерзебургского: «По решению синода, а также в силу канонической и папской власти король запретил незаконные браки и продажу христиан язычникам...». [8]

Назначал Генрих епископов почти всегда сам, так как он хотел идти вразрез с каноническим правом, предписывающим выборы прелатов. Поэтому многие епископы до последнего не знали, кто будет ими управлять. [9] «В связи со смертью многих отцов церкви, все боязливо ждали от императора в чье попечение их отдадут». [10] Таким образом, Генрих устанавливал следующие порядки: капитул должен был представить своего кандидата на должность, а затем Генрих предоставлял им инвеституру,

вручая ему знаки власти. [11] Подтверждение этому мы можем найти в Хронике Титмара Мерзебургского: «С согласия приора, братии на избрание Тагино, собрав всех на соборной церкви, король посохом епископа Арнульфа вручил духовенство и народ и лично поставил на епископскую кафедру» [12].

Но чаще всего, Генрих назначал епископов, не учитывая мнение местного законодательного органа. То есть если кандидат, предложенный капитулом, не устраивал Генриха, то мнение капитула не учитывалось, и назначался свой человек, близкий королю. [12] «В Имбсхаузене был низложен Вал, аббат Корвейский. На его место без согласия братии был назначен Друтмер. И вся община ушла». [13] «После смерти Гизилера, приор Магдебурга, Вальтард, собрав братию, умолял избрать кого — нибудь на опустошенное место, благодаря чему укрепилось бы древнее право выбора. Но император не исполнил обещанного, передав епархию капеллану Гебхарду». [14] «В сопровождении духовенства и мирян пришел Отто и просил королевской милости утвердить выбор (его в качестве епископа), но король не стал их слушать, а передал епископство своему капеллану Унвану». [15] «Епископ Арнульф интронизировал, по приказу короля, епископа Вольтарда. Также Рединг, согласно общему выбору, был поставлен в приоры». [16] Интересен тот факт, что при подтверждении старых привилегий церкви, Генрих ограничивал капитул в свободе выбора. [17]

Назначенные епископы получали королевские права. Будучи представителями короля, они были обязаны служить ему, преподносить периодически дары и принимать его у себя. Чаще чем во дворцах, Генрих II останавливался в епископских городах. Когда у него получалось, он ставил во главе епархий людей, которые родились или получили образование в других краях. Епископство составляли священники из разных мест, не имевшие какой-либо связи с регионом; настоящее единство создавалось службой на благо королевства. Генрих II надеялся добиться, чтобы хотя бы на этом уровне этническое начало не преобладало и единство государства крепло. [18] Так, например, баварец Тагинон становится архиепископом Магдебурга. Как и многие другие, он вышел из королевской капеллы. Камбрей, относившийся к Реймской архиепархии и охватывавший своей деятельностью подвластную Францию и франкоговорящую область, был передан знатному лотарингцу Герхарду, который воспитывался в Реймсе и был королевским капелланом. [19]

Впрочем, Генрих II не мог постоянно задевать самолюбие епископов, ведь они являлись важной частью его государственной политики, иногда ему приходилось считаться с мнением епископов, и он периодически пересматривал ранее розданные привилегии и права монастырей и перераспределял их так, словно речь шла о его личных владениях. «Придя в Дорнбург, он отправил архиепископа Виллигиза, а также прочих вассалов, к архиепископу Гизилеру, чтобы тот восстановил все, в чем погрешил, разрушив Мерзебургскую епархию, оставил незаконно за-

нимаемый престол. Поначалу он ненавидел его за то, что тот предпочел ему в качестве короля Германа, но потом поручил все владения в Саксонии. Потом ополчился на него». [20] «В Мокрене Титмар получил во власть 4 города: Шкойдиц, Таух, Плюхен, Вурцен и село Рассниц. Еще 5 городов: Айленбург, Поух, Дюбен, Цекеритц — 25 октября». [21] «Цезарь уступил Титмару 3 церкви в Лейпциге, Ольшютце, Геузе». [22] «Грусть епископа нападением баварцев была смягчена тем, что король передал ему Бекенферде». [23] Речь идет о восстановлении Мерзебургского епископства и назначение на пост епископа Титмара.

Генрих не только перестраивал уже имевшиеся епархии и епископства, но и создавал новые. «... Цезарь учредил в подчиненной Христу Саксонии 8 епархий, разделив между ними отдельные парафии». [24]

Говоря о создании Генрихом новых территориальных церковных образованиях, стоит сказать отдельно о епископстве Бамберг, основанное 1 октября 1007 года, за которое Генрих получил прозвище Святой. «Король во Франкфурте созвал поместный собор, где были все епископы по ту сторону Альп. В городе Бамберг было учреждено епископство». [25] «Справил король Троицу в Бамберге, там он приказал записать привилегии, касающиеся дел этого места, скрепив их печатью своей власти и утвердив апостольским правом римского понтифика». [26] Подчиненное Майнцской архиепархии и, однако, находящееся под особым покровительством Рима, епископство Бамберг занимало отдельное положение среди немецких епископств. Оно получило бывшие швейнфуртские графства в Верхней Франконии, герцогские и королевские владения в Баварии, имения в Верхней и Нижней Австрии, Штирии, Каринтии, Тироле с важными горными проходами. [27]

Следующим краеугольным камнем политики императора по отношению к церкви стали действия в Бамберге. Даже освящение местного собора он повелел провести в совершенно не предназначенный для подобной церемонии день недели — вторник. Но это произошло 6 мая 1012 года — в тридцать девятый день рождения императора. «В 1012 году состоялось освящение церкви в Бамбергской крепости во Франконии, для этого дела было назначено 36 епископов. Многим виновным королем была дана милость». [28]

Епископство было создано на северо-восточных границах рейха как мощный католический центр. Место для бастиона христианства действительно являлось стратегически необычайно важным: центр, как предполагалось в будущем, тесно связанный с короной, оказывал сильное влияние на пока еще находившиеся под властью языческих норм и традиций пограничные славянские земли.

Создание епископства Бамберг стало первым крупным успехом Генриха на пути обновления империи, задуманного после смерти Оттона III. [29]

С начала правления Генрих посвятил себя реставрации и строительству церквей. «Вальтард получил от ко-

роля пастырский посох. Он был введен, в построенную там церковь». «Король на горе учредил монашескую обитель». [30] «Он же построил церковь св. мученику Роману на месте рощи Шкейтбар». [31]

Генрих II распоряжался владениями церковных институтов словно это были его личные земли. Он легко отнимал и раздавал владения той или иной епархии. [32]

Генрих смело перекраивал границы епархий, как ему было угодно. «Размеры Мейсенской и Цейской епархий он королевской властью убавил, приводя их в прежнее состояние». [33] «Король Генрих, восстановитель нашего достоинства, по приговору суда вернул Мерзебургскому епископству: лес, лежащий между реками Заале и Мульда и округами Сиусили и Плейсснерланд». [34] «Король выкупил у епископа Арнульфа, обменяв на 100 мансов, весь банн епископства на Мерзебургский Бургвард». [35] Бывало, что в наказание он лишал епархии их владений. Подтверждение этому мы можем найти как в Хронике Титмара, так и в Кведлинбургских анналах. «В 1004 году король отнял у Херсфельдского монастыря старинное право отцов, был лишен собственности и своих сыновей». [36] «... Герцог Герман смиренно предстал перед королем в Бурхзале. Добившись милости, он, получив удовлетворение в лене, и стал его рыцарем и другом. Исключение составили лишь потери Аргентины, но приказу и совету короля она изымалась из его владения. Он также должен был восстановить аббатство в этом городе». [37]

Личный вклад императора в процветание церкви в стране отчетливо виден через призму его участия в освящении целого ряда церковных объектов. Часто освящение церквей происходило в преддверии тяжелейших военных походов на Польшу, Бургундию и Италию. Присутствуя на торжественных службах, король просил у Всевышнего поддержки в предстоящих сражениях. Многие дошедшие до нас изображения королевской супружеской пары, представляют императора именно в такие моменты.

Часто при освящении церквей и монастырей император стоял рядом с епископами на клиросе и принимал участие в процессе, внося по ходу поправки и изменения в порядок службы. Как король и император Генрих II успел поучаствовать в пятнадцати освящениях. Их них семь прошли в Саксонии. [38] «Он (Генрих II) с меньшей славой отпраздновал освящение Мерзебургской церкви». [39] «В 1017 году в монашеской обители была освящена церковь Пресвятой Приснодевы Марии». [40] «... Освятил 3-ю и 4-ю церковь в Магдебурге». [41] «В 1021 году в присутствии Генриха II вместе с его супругой в собрании епископов и знати со всего королевства Арнульфом, был освящен этот храм и церковный алтарь в честь святой и неделимой Троицы, Пресвятой Богородицы Марии, св. Иоанна Крестителя, св. Петра ...». [42]

Интересное событие произошло во время правления Генриха II, связанное с освящением церковных объектов. «В 1023 году Генрих угодил тройным освящением одного и того же храма в Мерзебурге». [43]

Переходя к участию Генриха в церковных соборах, то, если рассматривать данные источников, можно заключить, что в основном Генрих и был инициатором этих соборов. «В скором времени он провел в западных землях Соборное собрание, на которое стекались отовсюду епископы и очень многие массы народа из разных земель». [44] Соборы назначались Генрихом для решения различных вопросов. Это были не только вопросы административного характера, но и касались обычаев церкви, в которых он был активным реформатором. Например, в феврале 1018 года в Госларе был созван собор, где не в первый раз поднимался вопрос о безбрачии священнослужителей, сторонником которого был император. «в 1018 году в Госларе в присутствии императора, епископов и прочих вельмож был проведен королевский собор — разлучил Готшлака, сына презира Эккерхарда и Гертруды». [45] «В Дортмунде состоялся великий собор, на котором король жаловался епископам на многие бедствия святой церкви; решив по общему их совету, всех прочих апостолов — 40-дневный пост. Во время 4-х постов, за исключением пятницы перед Рождеством Господним — на хлебе, соли и воде». [46]

Некоторые соборы Генрих созывал, чтобы продемонстрировать свое почитание прав старейших отцов и лишний раз не настраивать против себя церковь. Это ярко показано, в созванном Генрихом соборе, где он собиравался публично снять с поста неугодного ему епископа. «Ради осуждения Дитриха, епископа Мейца, Генрих назначил великий собор. Все собравшиеся на этом соборе запретили Дитриху служить мессу до тех пор, пока он не оправдается». [47] «Король Генрих в Кобленц провел внушительный собор, рассчитывая осудить Дитриха, епископа Мейца, прочих восставших против него. Королем было осуществлено изгнание евреев из Мейнца, было опровергнуто безумие некоторых еретиков». [48] И еще один подобный собор был в Бамберге. «По окончании строительства соборной церкви в городе Бамберг, в день, когда королю исполнилось 35 лет. 6 мая состоялся великий собор, на котором своим архиепископом был назначен Гебхард, епископ Регенсбургской церкви, а Дитрих, епископ мейцской церкви, был отчитан королем за то, что тот в своем письме несправедливо обвинил его перед папой». [49]

Но бывали и соборы более радостные и торжественные. «В 1014 году король в Равенне провел собор, на который властью папы и по совету папы и сената вызвал своего брата Арнульфа и утвердил его в должность архиепископа». [50]

Если говорить о подарках, которые Генрих преподносил церкви, то монарх преследовал разные цели. Сперва, по тогдашнему обыкновению он старался снискать симпатии церковного руководства своей благосклонностью. Без сомнения, Генрих улучшал политический климат. Привилегии, такие как королевская защита, иммунитет, свободный выбор преемников епископов и аббатов, должны были сделать епископства и монастыри независимыми от внешнего влияния. Материальные ценности, например,

книги и предметы церковной утвари в высочайшем художественном исполнении, служили и развитию церквей. Делали службы более привлекательными и красочными. [51] «Император обогатил монастыри края Фридриха большими богатствами». [52] «Генрих одарил некоего священника превосходной ризой». [53] «Твоей милости следует также знать о многочисленных благодеяниях короля нашего и императора Генриха, оказанных им нашей церкви. Частица святого и победоноснейшего креста с другими святыми реликвиями, золотой алтарь, великолепно обрамленный драгоценностями, золотую раку, украшенную драгоценными камнями, а также общую опись, украшенную за его и наш счет, с 2 кадильницами и серебряным кубком щедрой рукой подарил цезарь нашей церкви». [54]

А экономические права и послабления (таможенные, рыночные, денежные) способствовали экономическому процветанию и росту валового продукта монастырей как субъектов экономики. «Император одарил эту достохвальную базилику многочисленными дарами в золоте и шелках и наследственными жалованиями». [55] «Король Генрих обогатил нашу церковь полезными вещами, относящимися к богослужебной утвари; из всех своих

даров, которыми он владел в Тюрингии и Саксонии он дал по 2 семьи. Он подарил также Евангелие, украшенное золотом и доской из слоновой кости и золотую с бриллиантами чашу с блюдом и трубой, 2 креста и бутылки, сделанные из серебра, а также большую чашу из такого же металла, вместе с блюдом и трубой. Он возвратил своим указом все земли, которые были утрачены моими предшественниками». [56]

Своими подарками и помощью император поднял епископат на уровень общественного положения более высокий, чем у мирской знати. [57]

Подводя итог, хотелось бы сказать, что Генрих II принимал активное участие в управлении епископствами, так как считал церковные институты основной опорой его государственной политики. Порой, участие в управлении епископствами превращалось в жесткий контроль и подчинение их своей власти. Генрих смело разрушал старые порядки, установленные в церковных институтах, вмешивался в церковные обычаи, лишал епископства права выбора и ставил нужных себе людей с целью укрепления своей власти. Таким образом, автономия церковной власти постепенно уничтожалась, и церковная власть шаг за шагом переходила в сферу влияния Генриха II.

Литература:

1. Hampe, K. Deutsche Kaisergeschichte in der Zeit der Ottonen und Salier. — Darmstadt, 1969.
2. Хёфер, М. Император Генрих II / Перевод с немецкого Васина М. В. — М., 2008. с. 76.
3. Рыжов, К. В. Все монархи мира: Западная Европа. М., 2001. С.
4. Хёфер, М. Император Генрих II / Перевод с немецкого Васина М. В. — М., 2008. с. 216.
5. Хёфер, М. Император Генрих II / Перевод с немецкого Васина М. В. — М., 2008. с. 216.
6. Бульст-Тиле, М. Л., Йордан К., Флекенштейн Й.. Священная Римская империя: эпоха становления / Пер. с нем. Дробинской К. Л., Неборской Л. Н. СПб. 2008. с. 164.
7. Бульст-Тиле, М. Л., Йордан К., Флекенштейн Й.. Священная Римская империя: эпоха становления / Пер. с нем. Дробинской К. Л., Неборской Л. Н. СПб. 2008. с. 166.
8. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 104.
9. Рапп, Ф. Священная Римская империя германской нации: от Оттона Великого до Карла V. СПб., 2008. с. 98—104.
10. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 85—86.
11. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 91.
12. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 138.
13. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 63.
14. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 107.
15. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 90—92.
16. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. 127—128.
17. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 120.
18. Рапп, Ф. Священная Римская империя германской нации: от Оттона Великого до Карла V. СПб., 2008. с. 98—104.
19. Бульст-Тиле, М. Л., Йордан К., Флекенштейн Й.. Священная Римская империя: эпоха становления / Пер. с нем. Дробинской К. Л., Неборской Л. Н. СПб. 2008. с. 167—168.
20. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 90.
21. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 142.
22. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 160.
23. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 82.
24. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 163—164.
25. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 105.
26. Большие анналы Хильдесхайма. Немецкие анналы и хроники X-XI с. М. 2012. с. 247.

27. Бульст-Тиле, М. Л., Йордан К., Флекенштейн Й.. Священная Римская империя: эпоха становления / Пер. с нем. Дробинской К. Л., Неборской Л. Н. СПб. 2008. с. 169.
28. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 68.
29. Хёфер, М. Император Генрих II / Перевод с немецкого Васина М. В. — М., 2008. с. 138—139.
30. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 119.
31. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. С. 60.
32. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. С. 108.
33. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 92.
34. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. С. 173.
35. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 92.
36. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 63.
37. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 83.
38. Хёфер, М. Император Генрих II / Перевод с немецкого Васина М. В. — М., 2008. с. 227—228.
39. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 82.
40. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 75.
41. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 108.
42. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 81.
43. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 84.
44. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 84.
45. Большие анналы Хильдесхайма. Немецкие анналы и хроники X-XI с. М. 2012. с. 248.
46. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 100—101.
47. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. С. 127.
48. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 69.
49. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 117.
50. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 75.
51. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 85.
52. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 114.
53. Титмар Мерзебургский. Хроника. / Перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2005. с. 171.
54. Хёфер, М. Император Генрих II / Перевод с немецкого Васина М. В. — М., 2008. с. 227—228.
55. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. с. 82.
56. Кведлинбургские анналы. Немецкие анналы и хроники X-XI. \ перевод с лат. И. В. Дьяконова. М. 2012. С. с. 132.

Феномен детского правления: факторы возникновения и развития

Капорина Юлия Витальевна, студент
Кубанский государственный университет

В отличие от сложившейся традиции рассматривать детские годы правителя как часть его биографии в контексте эпохи, мы выделяем детское правление как особый исторический феномен, рассматриваем факторы его возникновения и развития, и определяем его значение для истории.

Ключевые слова: дети-правители, детство, монархия, Франция, правление.

На первый взгляд может показаться, что наследование правителем власти в детском возрасте — явление незначительное, обусловленное случайным стечением обстоятельств и не имеющее значения для истории. Однако если подходить к изучению этой проблемы, используя системный метод и методологию школы Анналов, становится ясно, что возникновение феномена детского правления — естественный процесс, обусловленный сочетанием ряда факторов.

На первом месте стоит семейно-брачная политика монарха. Заключение браков в семьях правителей очень быстро трансформировалось из частного дела, влекущего за собой наследование феодальной собственности, в дело государственного значения, в котором появление потомства стало гарантией стабильности преемственности власти в государстве. Холодные отношения Карла II Стюарта с законной женой привели к тому, что у короля, имевшего 13 детей, не оказалось законного наследника. Вследствие

чего, восшествие на престол его брата Якова II сопровождалось не только разногласиями с Парламентом, но и военным конфликтом с герцогом Монмаутом — внебрачным, но признанным сыном Карла II. Наследник самого Якова был отстранен сводными сестрами, что положило начало якобитским войнам в Англии [9, с. 121–134].

Второй фактор, влияющий на появление несовершеннолетнего монарха, здоровьесберегающий. Под этим фактором мы понимаем соотношение уровня развития медицины и методов ухода за младенцами с уровнем распространения эпидемиологических заболеваний в конкретный исторический период. Людовик XV взошел на престол исключительно благодаря тому, что от эпидемии оспы буквально «растаяла» огромная семья Людовика XIV [5, с. 164]. Судьба другого короля Франции — Иоанна Посмертного сложилась иначе — рожденный после смерти отца, из-за низкого уровня развития медицины он сам умер, не прожив и недели. Настоящим бичом XVIII — XIX веков был туберкулез. Наполеону II врач предписал пить женское молоко от здоровой кормилицы, причем такого же возраста, как его пациент [2, с. 191].

Третьим фактором являются юридические нормы, регулирующие преемственность власти. Русская лестничная система снижала вероятность появления несовершеннолетнего правителя. Эта особенность русского права с одной стороны обусловила незначительную роль феномена детского правления в истории России, с другой стороны, усложнила переход к майоратному порядку наследования, что вылилось в феодально-династическую войну 1425–1453 гг. Французская правовая традиция «*Le Roi est mort! Vive le Roi!*» в совокупности с салическим законом исключала периоды междуцарствия, однако обусловила возможность появления феномена детского правления. Поэтому во Франции этот феномен проявился в большей степени, чем в других странах Европы.

Большую роль в появлении, впрочем, как и в развитии, исследуемого феномена играет внешнеполитический фактор. Особенно это характерно для эпохи Средневековья. Примером может служить Генрих VI Ланкастер, ставший королем двух королевств благодаря Столетней войне, принесшей ему корону Франции и смерть отца. Этот фактор проявился и в XIX веке, когда Наполеон отрекся в пользу сына Наполеона II [3]. Но этот внешнеполитический фактор оказался взаимоисключающим для феномена детского правления — отречение побежденной стороны слишком слабое основание для власти.

Внутриполитический фактор имеет не меньшее значение для появления данного феномена. Монарх может потерять власть в результате заговора, борьбы с оппозицией, революции. Яков VI Стюарт стал королем Шотландии в годовалом возрасте после отречения матери [9, с. 46]. Людовик XVII получил свою эфемерную корону в разгар Великой французской революции.

Образ жизни самого монарха также играет роль при возникновении феномена коронованного ребёнка. Генрих

II Валуа своим пристрастием к турнирам обеспечил целую плеяду детей — монархов.

Религия как фактор освещала власть ребёнка — правителя или мешала ему взойти на престол. Это отчетливо проявилось в судьбе Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта — наследника Якова II. Правление его отца-католика в протестантской стране — было результатом компромисса с Парламентом. Появление на свет принца-католика создало дополнительный очаг напряженности. «Славная революция» 1688 года лишила власти католических правителей и положила начало якобитским войнам на территории королевства [9, с. 121–134]. Формально католические претенденты были лишены права на английский престол только в 1701 году «Актом о престолонаследии».

Но только последний фактор — политическая сила, стоящая за хрупкими плечами несовершеннолетнего монарха, определяла его судьбу и закрепление феномена детского правления.

Значение этого феномена для истории государства зависит от конкретных культурно-исторических особенностей его развития. Во Франции благодаря сочетанию салического закона, принципа «не пустующего трона» и представлению о сакральной природе королевской власти, восходящей к «королям — чудотворцам», появление детей — монархов стало частым явлением. Так, за 805 лет правления династии Капетингов 12 из 34 правителей стали королями, не достигнув совершеннолетия. Причем, после смерти Генриха IV вплоть до восшествия на престол Людовика XVI 164 года в истории Франции каждое новое царствование начиналось правлением ребёнка. В конце XVIII — начале XIX века во Франции возникло ещё четыре прецедента детского правления, которые так и не состоялись: юридически власть во Франции с 1793 по 1848 годы должна была перейти к Людовику XVII, Наполеону II, герцогу Бордосскому и графу Парижскому. В России за всю историю правления Рюриковичей и Романовых было всего 12 детей-правителей, начиная с князя Игоря и заканчивая императором Иоанном VI Антоновичем, что объясняется принципиально иной тенденцией развития: преобладанием лестничной системы перед майоратом, сравнительно поздней сакрализацией власти, традицией почитания старшего в роду.

В целом, этот феномен возникал во многих странах Европы и Азии в разные исторические эпохи. Для государств Европы периода Средневековья и Нового времени исследование этого феномена особенно актуально, поскольку он связан с феодальным правом наследования, обусловившим систематические военные конфликты, развитием религиозной мысли, религиозными и династическими войнами XVI–XIX веков, формированием абсолютизма. Последние отзвуки детского правления в Европе стихли только в 1876 году с завершением Карлистских войн. В России феномен детского правления оставил не такой яркий след, как в Европе, хотя и связан с рождением русской монархической идеологии, эпохой дворцовых пере-

воротов и такими выдающимися именами, как князь Святослав, Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван IV Грозный, Петр I. Однако стоит признать, несмотря на то, что феномен детского правления фиксируется в истории России от самого её основания до середины XVIII века, он проявлялся спорадически и не носил такого определяющего характера, как в Европе. В странах Азии феномен детского правления приобрел уникальную черту, которая не наблюдается в других регионах мира. Только там создание ребёнка-правителя превратилось в целенаправленную политику. Так, феодальный клан Чиней, захвативший власть во Вьетнаме в XVI веке, «создавал» монархов законной династии Ле: править они начинали нередко с 9 лет, а умирали не позже восемнадцати [4, с. 23]. Можно вспомнить и китайскую императрицу Цыси, которая ради сохранения власти не пожалела собственного сына, сделав императором четырёхлетнего ребёнка [5, с. 313–315]. Это яркие примеры искусственного создания коронованных детей.

Феномен возникновения детской монархии имеет ряд последствий. Во-первых, переход власти к несовершеннолетнему правителю всегда ведет к политическому ослаблению государства, причем как во внешней, так и во внутренней политике. Во-вторых, очень часто сопровождается внутриполитической борьбой, которая может ограничиться государственным переворотом, а может перерасти в гражданскую войну. Так, восшествие на престол Людовика XV началось нарушением всех пунктов завещания покойного короля, касающихся его воспитания и регентства, а царствование его преемников — Людовика XIV и Людовика XIII начиналось с открытых выступлений принцев королевской крови и гражданской войны — Фронды [5, 6]. В России Дмитрия Внука и Иоанна VI Антоновича без лишнего шума заточили, а наследование власти Василием II привело к десятилетиям гражданской войны. Наследование власти ребёнком автоматически очень сильно повышало роль его матери. Во Франции у королевы не было никаких официальных прав и возможности влиять на управление страны, они появлялись только у королевы-регентши [7, с. 171–172]. Именно регентшами были любимые героини А. Дюма: Екатерина Медичи, Анна Австрийская, Мария Антуанетта, которая могла заявить о регентстве при Людовике XVII. Королева — мать должна была иметь сторонников и сильный характер, чтобы отстаивать трон для своего ребёнка и вести безупречную личную жизнь, поскольку любая альковная тайна королевы могла бросить тень на легитимность уязвимого правителя-ребёнка. Можно отметить ещё одну особенность, характерную для правителей, получивших власть в детском возрасте: практически все они стали выдающимися личностями, оставившими яркий след в истории. Александр Невский и Дмитрий Донской, Иван IV Грозный и Людовик XIV, Петр I и Людовик XV — все они вели очень активную внешнюю политику, имели завышенное представление о роли монархии в обществе и о своей исключительной роли в истории. Последнее пре-

красно объясняется именно получением власти в детском возрасте и особенностями воспитания: ведь воспитывали не просто наследника престола, а маленького короля.

Правление коронованного ребёнка может развиваться по двум сценариям: либо он благополучно проходит период несовершеннолетия, сохраняя власть, либо всю жизнь является лишь номинальным правителем. Выбор сценария развития зависит от следующих факторов.

Самым главным фактором, обеспечивавшим удержание власти в руках правителя-ребёнка, является регентство. Оно могло быть единоличным или коллективным. Но успешность царствования юного монарха зачастую определялось его подбором. Людовик XIV был категорически против того, чтобы герцог Орлеанский становился единоличным регентом при малолетнем наследнике, добавив в регентский совет своих внебрачных сыновей — герцога дю Мена и графа Тулузского [8, с. 185–187]. В итоге, этот пункт был нарушен, а единоличный регент втянул страну в финансовую авантюру Джона Лоу, которая привела к затяжному финансовому кризису [6, с. 315–316]. Мария де Гиз, регент Марии Стюарт в 1554–1560 гг., не только отстаивала права дочери, но и боролась за свое единоличное регентство, вела профранцузскую и прокатолическую политику, чем только способствовала протестантскому взрыву в стране и падению престижа Марии Стюарт. Вопреки распространенному мнению мать несовершеннолетнего короля не должна была становиться регентом априори, но для сильных женщин это была возможность проявить себя в качестве политика [7, с. 172, 372]. Например, Елена Глинская не была назначена в регентский совет при собственном сыне, но, несмотря на это, сразу после смерти супруга стала расправляться с собственными противниками, даже, если среди них были её родственники [1, с. 203]. Блестяще проявила себя Софья Витовтовна в борьбе за интересы сына. Некоторые матери были неспособны отстаивать интересы детей, даже если это было их официальной обязанностью. У Наполеона II были все шансы наследовать трон даже проигравшего отца, однако, благодаря бездарным действиям Марии Луизы, он навсегда лишился трона [3, с. 130, 186].

Репутация матери и наличие у неё сторонников также оказывало большое значение для успешного правления ребёнка. Мария Медичи и кардинал Ришелье, Анна Австрийская и кардинал Мазарини блестяще справлялись с задачей воспитания малолетнего короля и защиты его интересов даже в открытых боевых столкновениях. Елены Глинская благодаря своему фавориту Овчине-Телепневу-Оболенскому поставила законность происхождения своего сына под удар — в легитимности его власти стали сомневаться и современники и некоторые историки. Мария Антуанетта, ставшая жертвой повсеместной клеветы, также могла навредить своему сыну, если бы он стал монархом: до сих пор историки на основании писем друзей Марии Антуанетты, писем Ферзена и дневника Людовика XVI могут приписывать отцовство Людовика XVII Акселю Ферзену [7].

Внешняя политика может не только вознести на престол ребёнка, но и, в зависимости от успешности, способствовать укреплению или падению его режима. Кроме этого, она всегда влияет на его воспитание и даже будущую женитьбу. Так, испанская политика регентов Людовика XV определила его помолвку с 3-летней испанской инфантой, поворот политического курса привел к разрыву с Испанией и женитьбе на Марии Лещинской, которая развернет внешнюю политику Франции на восток [6, с. 296–297].

Внутриполитическое состояние страны также влияет на закрепление детского правления. В работах Д. Ю. Бовыкина, посвященных Людовику XVII, показано состояние общества во Франции времен Директории и доказано, что у «короля Тампля» было много шансов занять престол. Нарастание демократических настроений во французском обществе к 1848 году наоборот требовали революции и республики, а не короля — младенца графа Парижского.

Культурные особенности страны и эпохи влияют на воспитание малолетнего правителя, поэтому от них зависит успешность его правления. Людовик IX вырос в атмосфере рыцарской культуры и религиозности, на рассказах о Крестовых походах, легендах, прославляющих мудрых и доблестных королей. В результате, он совершил два Крестовых похода, проявил себя как мудрый государственный деятель и стал святым. Людовик XIV был сыном своего времени, стремящегося к абсолютизму, поэтому, усвоив идеи века с короной на детской голове, «Король — Солнце» сам стал хрестоматийным воплощением абсолютизма.

Последний фактор, которого хочется коснуться, это «наследие предшественника». Монархи, получивший

власть в детстве, вместе с ней получают и груз наследия своего предшественника. Судьба Наполеона II во многом представлялась удачной, ведь он соединил родословную Габсбургов, красоту и обаяние Марии Антуанетты и блестящую славу своего отца. Когда он только родился, Наполеон, стоя у его роскошной колыбели — символа величия — сказал: «Я завидую ему, потому что слава ждет его, а мне приходилось бегать за ней! Я буду, как Филипп; он будет, как Александр. Чтоб завладеть миром, ему нужно лишь протянуть руку» [3, с. 49]. Но тот, кто был внуком одного императора и сыном другого никогда не стал реальным королем. Мария Луиза, император Франц и К. Меттерних все сделают для того, чтобы его единственной короной осталась призрачная корона Римского короля, хотя ему предлагали вполне возможные короны Греции, Польши и даже Франции.

Таким образом, феномен детского правления — естественная историческая закономерность, появление и развитие которой зависит от ряда конкретных факторов. Значение этого феномена для истории того или иного государства зависит от культурно-исторических особенностей его развития. Возникновение феномена детской монархии влекло за собой определённые последствия для внешней и внутренней политики страны, что позволяет отделять феномен детского правления от обычного этапа в биографии монарха. В целом, этот феномен возникал во многих странах Европы и Азии в разные исторические эпохи. Для государств Европы периода Средневековья и Нового времени исследование этого феномена особенно актуально. В наибольшей мере этот феномен характерен для Франции.

Литература:

1. 100 величественных императриц, королев, княгинь/Под. ред. С. С. Скляр. — Белгород — Харьков, 2014.
2. Кастело, А. Драмы и трагедии истории/ Кастело А. -М.:Вече,2008.
3. Кастело, А. Сын Наполеона/Кастело А. — М.:Захаров,2007.
4. Новая история Вьетнама/ под ред. С. А. Мхитаряна. — М.:Наука,1980.
5. Рыжов, К. В. 100 великих монархов/К. В. Рыжов. — М.:Вече,2010.
6. Французские короли и императоры/Под ред. С. Пономарева. — Ростов—н/Д.,: Феникс, 1997.
7. Фрэзер, А. Мария Антуанетта: Жизненный путь/А. Фрэзер. — М.:АСТ,2007.
8. Шоссиан — Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей/ Г. Шоссиан — Ногаре. — М.: Молодая гвардия, 2003.
9. Янковяк-Коник, Б., Угневский П. Стюарты. М.,2012.

Культурные, архитектурные памятники в Узбекистане

Мисрбекова Махлиё Мисрбек кизи, студент
Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Культура Узбекистана имеет богатую и многообразную историю, уходящую корнями вглубь веков. Отечественная культура на протяжении всех веков ее формирования, неразрывно была связана с историей культуры

многочисленных народов Средней Азии. Наше культурное наследие, складывалось в процессе становления и развития национального самосознания, постоянно обогащала собственным и мировым культурным опытом. Культура

региона дала миру вершины художественных достижений, вошла неотъемлемой частью в мировую культуру. Именно эта позиция определена Президентом Республики Узбекистан И. Каримовым: «особое внимание должно быть уделено возрождению самобытности национальной культуры. Причем, возрождение национального самосознания не может быть оторвано от идеалов мировой гуманистической культуры и общего возрождения общества». [1. с. 248]

Наша страна, расположенная между великими цивилизациями древности, средневековья и нового времени, издревле была ареной значительных историко-политических процессов и событий. Наш регион в узловые моменты истории оставался в сфере геополитических интересов огромных империй, то входя в ареал их государственного и культурного влияния, то сам выступал в качестве носителя имперских идей. Территориальное положение Узбекистана обусловило ее особую роль в качестве не только «передатчика» духовных и материальных ценностей, религиозных идей и течений, из одной империи, государства, цивилизации — к другим, и в целом — между Востоком и Западом, но и центра интеграции культур. Узбекистан является контактной территорией, где, начиная с древних эпох, происходили миграция и эмиграция этносов, интеграция и нивелировка культур, интенсивные военно-политические, экономические, этнокультурные связи между Передней Азией, Европой, Индией, Китаем, Кавказом, взаимообогащение культур, возникали памятники, являющиеся ценностями мировой цивилизации. [2. с. 12] Это и стало причиной особой синтезирующей направленности собственной культуры, ее способности к восприятию и усвоению разнородных по своему происхождению явлений. Государства Древнего Востока — Месопотамия, Древний Иран, Китай, Индия, Древний Египет, Древняя Греция, Рим, кочевники-тюрки, арабы и многие другие народы прямо или опосредованно приносили на территорию нашей страны материальные и духовные достижения и сами получали отсюда импульс.

С момента обретения независимости правительство Узбекистана делает упор не только на сохранение культурного наследия через реставрационные меры на памятниках, но и на усиление национального самосознания и международного признания. Исходной точкой является мысль о том, что охрана памятников является экономическим фактором, который находит свое отражение не только в туризме, но и в строительной отрасли и ремесленном искусстве, а также в сфере образования и повышения квалификации.

Поэтому Федеративная Республика Германии поддерживала правительство Узбекистана в течение прошлых лет в реставрации важных архитектурных памятников в рамках программы Федерального Министерства иностранных дел, которая существует с 1981 года. Так например была оказана поддержка по проведению реставрационных работ в Медресе Абдулазиз-Хан в старой части

Бухары. В настоящее время Специализированный Потсдамский институт осуществляет реставрационные работы в Мавзолее тимуридов Ишрат-хана в Самарканде. Два проекта связаны с мавзолеем Шади Мульк-ага в некрополе Шахи-Зинда (живой царь) в Самарканде. Такое название некрополь получил благодаря родственнику пророка Мухамеда — Куссаму ибн Аббасу, который был похоронен здесь. Уже с домонгольских времен его гробница являлась святым местом поклонения. Позже были построены другие мавзолеи, вход в которые был запрещен иноверцам до начала 20 века. На сегодняшний день некрополь насчитывает свыше 13 мавзолеев, одно медресе, одну зимнюю и одну летнюю мечеть и в своем значении достоин называться культурным наследием мира. Мавзолей Шади Мульк-ага датируется 1371—1372 годами и относится к числу самых древних мавзолеев мертвого города. Здесь похоронена важная личность — племянница Тимура, о чем свидетельствует пышное украшение интерьера. Благодаря своей точной структуре и изящным, искусным орнаментам фасад мавзолея является одним из самых красивых примеров исламского зодчества во всей Центральной Азии.

Первый проект был нацелен на закрепление и реставрацию внешнего облика мавзолея. Это имело место в 1997—98 гг. Сначала меры были направлены на закрепление строительного корпуса мавзолея, чтобы остановить медленный процесс разрушения. В 1999—2000 гг. началась реставрация фасада. Все эти работы велись под руководством государственной инспекции по охране архитектурных памятников, командой немецких и узбекских реставраторов. Научное руководство брали на себя Ташкентский Институт архитектуры и строительства и тогдашний Германский Центр ремесленничества и охраны архитектурных памятников.

Второй проект был завершен в 2005 году и был направлен на сохранение и реставрацию интерьера мавзолея. Проект был осуществлен Министерством культуры и спорта Республики Узбекистан, Потсдамским Специальным Институтом и Ташкентским Институтом Архитектуры и Строительства в качестве проектного партнера.

Третий проект по сохранению культурных памятников был нацелен на закрепление купола медресе Тилла Кари, которое является составной частью уникального Регистанского ансамбля. Группа в составе научных сотрудников и инженеров Потсдамского Специального Института, а также свободных работников получила поручение о спасении главной мусульманской мечети, которая строилась с 1646 по 1660 гг. Золотая мечеть находится под угрозой, потому что рухнувший из-за землетрясения в 1870 г. купол, спустя почти век, был заменен новым. Последний был сделан из бетона, что было тяжело для слабого фундамента и мягкой почвы. Тяжелое купольное сооружение смещается с каждым годом на несколько сантиметров в землю. Фундамент из свай должен закрепить сооружение на столетия. Первые бетонные сваи уже установлены.

Различные проблемы историко-культурного наследия, вернее, отношение социума к нему, к его различным периодам и памятникам, всегда было связано с характером состояния общественного сознания в конкретный исторический период. Здесь в первую очередь имеются ввиду памятники материальной культуры, хотя многие духовные ценности культуры зачастую тоже нуждаются в охране. В чем же состоит проблема охраны памятников культуры?

1. Физическая охрана предполагает наличие сторожа или специальных охранных систем, закрепленных за тем или иным памятником.

2. Реставрация — один из основных способов сохранения памятника, она происходит по международным нормам, которые нельзя нарушать.

3. Консервация — сохранение памятника в том виде, в котором он дошел до нас.

4. Возведение «новоделов», т. е. создание копий некогда разрушенных памятников или частичное воссоздание утраченных элементов экстерьера, интерьера и т. д.

Объекты материального культурного наследия — представляют собой историческую, научную, художественную или иную культурную ценность ансамбли, достопримечательности и памятники. Объекты нематериального культурного наследия — представляют собой историческую, научную, художественную или иную культурную ценность обычаи, народное творчество (искусство слова, танца, музыки, представления), а также связанные с ними и народными художественными промыслами и прикладным искусством знания, навыки, инструменты, артефакты, культурные пространства. [3]

Культура *Мавераннахра* — «то, что за рекой», [4. с. 10] — так арабы называли северные территории за рекой Амударья, — находившаяся по уровню своего развития гораздо выше культуры арабов, надолго сохраняла верность доисламским традициям. «На протяжении тысячелетий Центральная Азия была центром встречи и сосуществования самых различных религий, культур и укладов. Этническая терпимость и открытость стали естественными нормами, необходимыми для выживания и развития. Даже те, кто завоевывал эти территории, не только пре-

клонялись перед культурой народов Центральной Азии, но и бережно перенимали традиции, элементы существовавшей на этой территории государственности», — отмечено в книге «Узбекистан на пороге XXI века». [5. с. 13] Процессы, происходящие с памятниками культуры, являются индикаторами здоровья общества в целом.

Уже свыше тысячелетия минареты как доминирующие силуэты украшают городские пейзажи в странах мусульманского Востока. Они стали своеобразной визитной карточкой многих городов, их культовых или просветительских учреждений — мечетей и медресе. В независимом Узбекистане эти уникальные творения средневековых зодчих-меморов, обретя особый статус как объекты бесценного культурного наследия, находятся под охраной государства.

Одним из выдающихся памятников эпохи Тимуридов является мавзолей Гури Амир, который воздвигнут во времена правления Амира Тимура и, считалось, что он решил построить мавзолей для себя самого. Однако Шарафад-Дин Али Язди сообщает, что Амир Тимур построил этот мавзолей для своего внука и престолонаследника Султана Мухаммеда. [6. С. 52] С 1404 г. мавзолей Гури Амир становится одной из значительных усыпальниц Тимуридов. 25–26 ноября 2005 г. в Ташкенте впервые состоялась международная научно-теоретическая конференция «Проблемы реставрации историко-культурного наследия в Центрально азиатском регионе. Основная стратегия развития». Ее организаторами выступили Представительство ЮНЕСКО в Узбекистане, Фонд «Форум — Культура и Искусство Узбекистана», Министерство по делам культуры и спорта республики Узбекистан, Академия художеств Узбекистана, Международная неправительственная организация «Реставраторы без границ». Караван-сарай культуры Икуо Хироямы в дни конференции объединил специалистов-реставраторов, историков, археологов, архитекторов, искусствоведов, культурологов более чем из 20 стран мира. Форум имел не только научно-теоретическое, но и большое практическое значение: его результатом стало создание Регионального центра реставрации в Ташкенте. [7.]

Литература:

1. Каримов, И. А. Наша цель: Свободная и процветающая родина. — Ташкент: Узбекистан, 1996 г. с. 248.
2. Каримов, И. А. Узбекистан на пороге XXI века: Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса: Узбекистан 1997 г, с. 12.
3. Закон Республики Узбекистан «Об охране и использовании объектов культурного наследия» Президент Республики Узбекистан И. Каримов г. Ташкент, 30 августа 2001 г. № 269-II // Интернет. — <http://www.GOV.uz>.
4. Ш. С. Камолиддин. Древнетюркская топонимия Средней Азии. — Ташкент: Шарк, 2006 г., с. 10.
5. И. А. Каримов. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности условия и гарантии прогресса. — Ташкент: Узбекистан, 1997 г, с. 13.
6. Яздий, Шарафиддин Али. Зафарнома. Мовароуннахр вокеалари (1360—1370) / Масъул мухаррир, сузбоши муаллифи ва нашрга тайёрловчи А. Уринбоев, таржимон О. Буриев. Тошкент: Камалак, 1994, С. 52.
7. Камола Акилова. Проблемы реставрации историко-культурного наследия в современном социокультурном контексте развития Центральной Азии // Интернет. — <http://www.sanat.orexca.com>.

Реформа здравоохранения Б. Обамы на начальном этапе её реализации: сторонники и противники

Салимов Вадим Алексеевич, аспирант
Башкирский государственный университет

В статье рассматривается реформа здравоохранения Б. Обамы на самом начальном этапе её реализации. Показано как происходило обсуждение реформы и какие предпринимались усилия, чтобы новая реформа здравоохранения учла многочисленные группы интересов не только в Конгрессе, но и среди медицинских страховых компаний.

Ключевые слова: Б. Обама, реформа здравоохранения, Medicare, Medicaid

Реформа здравоохранения была одним из важнейших пунктов первой предвыборной кампании президента Б. Обамы в 2008 г. Как ожидали авторы законопроекта, благодаря ей удастся распространить медицинское страхование на 32 млн. американцев, которые на тот момент были лишены его, и что она обойдётся бюджету США в 940 млрд. долл., которые предполагалось потратить в течение 10 лет [1].

По замыслу авторов реформы она должна сделать медицинское страхование более доступным, запретить страховым компаниям взвинчивать цены в связи с ухудшением состояния здоровья клиентов или отказывать в страховании хроническим больным, а также больным детям. Для тех, кто страдает различными заболеваниями, но не имеет до сих пор страховки, была создана специальная программа, в рамках которой они смогут на льготных условиях её приобрести. Родители получили право вписывать в свои страховые планы детей, пока тем не исполнится 26 лет. Были установлены лимиты на стоимость страховки, а также на стоимость визитов к врачу. Налоговые льготы получили предприятия малого и среднего бизнеса, предоставляющие страховку своим сотрудникам [2]. Также была создана специальная федеральная служба, которая должна бороться с необоснованным повышением страховых взносов, и другой незаконной практикой частных компаний [2].

Конечная цель реформы здравоохранения, задуманной Б. Обамой — обеспечить медицинской страховкой большинство американцев и сократить огромные расходы на охрану здоровья.

Законопроект подготавливался более года. Президент Обама и лидеры Демократической партии активно продвигали его, сталкиваясь с упорным сопротивлением как со стороны республиканцев, так некоторых членов своей партии. Реформа здравоохранения разделила политическую элиту не только Вашингтона, но и страны в целом, как никакой другой политический вопрос на тот момент.

Лозунг демократов, поддерживающих реформу: «Здравоохранение — право, а не привилегия».

9 сентября 2009 года Обама выступил с обращением к Конгрессу, в котором изложил основные пункты про-

граммы реформирования системы здравоохранения [3]. Он заверил, что эти расходы не приведут к дальнейшему росту бюджетного дефицита, и сделал акцент на том, что реформа обойдётся стране дешевле войн в Афганистане и Ираке или сокращение налогов, при его предшественнике — Дж. Буше-мл.

Согласно плану администрации, средства на предстоящую реформу должны были быть получены за счёт урезания других статей бюджета, а также более практичного распределения доходов в сегменте медицинского страхования. В перспективе, отметил Обама, если темпы роста доходов на страхование удастся ограничить, бюджет выиграет около 4-х трлн. долл.

Кроме того, Президент заверил, что расходы на реформу не ставят под угрозу интересы пожилых американцев, пояснив, что эффективность обслуживающей их программы Medicare будет наоборот увеличена. Таким образом, Обама ответил на утверждения критиков о том, что реформа будет проводиться в ущерб пожилым гражданам [3].

7 ноября 2009 года Палата представителей одобрила законопроект реформы здравоохранения. За законопроект проголосовали 220 конгрессменов при необходимых 218 голосах; 215 членов Палаты представителей, в основном республиканцы, проголосовали против законопроекта.

Однако законопроект, одобренный Палатой представителей, уже содержал некоторые поправки. Во-первых, налоги, финансирующие реформу, были перераспределены в сторону от богатых домовладений к отраслям. Во-вторых, были отодвинуты сроки начала различных компонентов реформы [4, с. 5].

Битва за реформу, которая продолжалась почти целый год не прошла даром. Когда в январе 2009 года, Обама только-только занял кресло в Белом Доме, он уже в следующем месяце изложил подход своей администрации, какой видит обновлённую систему здравоохранения. Многие в Америке восприняли это с некоторой долей иронии, т. к. за почти что полвека существования Medicare и Medicaid, реформы в данной области представлялись либо упущенной возможностью, либо оканчивались громадным провалом.

В начале продвижения реформы Обама, скорее всего, детально проанализировавший причины провала усилий своего предшественника-демократа Б. Клинтона, дал Конгрессу возможность поработать над различными вариантами реформы. В своей диссертации Гулемпиченко О. В. упоминает об этом, а также отмечает, об уроках, которые администрация Обамы вынесла из поражения реформы при Клинтоне. Она также делает акцент на том, что демократы при первом темнокожем президенте США продемонстрировали намного больше сплочённости, чем при Клинтоне, а также что разработка и обсуждение реформы шли при тесном сотрудничестве администрации Обамы с Конгрессом и группами интересов [5].

К концу 2009 года более-менее необходимый компромисс был найден — два наиболее близких варианта реформы прошли через Палату представителей и Сенат. Весной 2010 года законопроект о реформе здравоохранения и дополнение к нему был утверждён Конгрессом и подписан президентом.

Вскоре после утверждения законопроекта, Обама назвал голосование в Конгрессе историческим. «Это не радикальная реформа, это главная реформа. Это законодательство не позволит решить все проблемы нашего здравоохранения, но мы движемся в правильном направлении», — подвел итог президент в специальном заявлении, сделанном вскоре после голосования [6].

Тем не менее, несмотря на эйфорию, охватившую Белый Дом после принятия нового закона о здравоохранении, у новой реформы нашлось множество противников. Республиканцы и консервативные демократы протестовали против новых трат на фоне растущего дефицита американского госбюджета. Помимо этого противники реформы считали, что из-за неё под правительственный контроль может перейти система национального страхования.

Помимо этого законопроект устанавливал более жёсткие правила и стандарты для страховой индустрии, деятельность которой с самого начала регулировалась законами штатов. Ещё один пункт предполагал создание так называемых страховых бирж, которые должны были помочь американцам выбрать оптимальный тип страховки и обязывать работодателей оплачивать медицинскую страховку всем своим сотрудникам. В противном случае хозяевам предприятий грозит штраф.

Естественно, новоиспечённая реформа встретила жёсткое противодействие страховых компаний, которые столкнулись с угрозой лишиться части прибылей. Выразителями страховой индустрии и их интересов являлись

всё те же республиканцы. Несмотря на то, что на выборах в Палату представителей в ноябре 2009 года победили республиканцы, обеспечив тем самым себе большинство в нижней палате Конгресса США, они не смогли отменить закон о реформе здравоохранения, и реформа была принята [7].

Помимо этого, хоть цель реформы здравоохранения, задуманной Б. Обамой — обеспечить медицинской страховкой всех американцев, большинство американцев резко отрицательно отнеслись к тому, что отныне государство будет решать, какую страховку они должны купить. К тому же принятие закона об обязательном страховании означало и повышение налогов, что также является непопулярной мерой.

Подводя итог всему выше сказанному, можно сделать вывод, что законодательное оформление реформы системы американского здравоохранения позволяет говорить о том, что в целом с этой задачей новое руководство демократов более или менее успешно справилось, в отличие от администрации Б. Клинтона. При этом не следует забывать, что многие влиятельные сегменты медико-промышленного комплекса (МПК) активно поддерживали Б. Обаму на президентских выборах 2008 года, не без основания рассчитывая на то, что сотни млрд. долл., ассигнуемых из федерального бюджета на реформу системы здравоохранения, в конечном итоге осядут на счетах практикующих врачей, больниц, фирм и компаний, прямо или косвенно связанных с МПК [8].

Также хотелось отметить, что принятая реформа являлась необходимым шагом на пути повышения эффективности национальной системы здравоохранения. Вместе с тем это скорее начальный шаг, не решающий сам по себе проблему больших расходов на здравоохранение в США, поэтому следует ожидать дальнейших реформ в этом направлении. Интересен тот факт, что по некоторым результатам, которые уже имеются к сегодняшнему моменту, позволяют с уверенностью говорить о том, что, по сути, принятая реформа позволила обогатиться некоторым страховым компаниям, которые специализируются на страховании людей. Данный вывод исходит из того, что по этой реформе страхование стало обязательным для всех, что говорит о том, что граждане, не имеющие на тот момент медицинскую страховку, должны будут её купить у страховой компании. Однако некоторые страховые компании неизбежно разорились, т. к. несмотря на то, что медицинское страхование стало обязательным для всех, стоимость страховки снизилась.

Литература:

1. В мире: Реформа здравоохранения может сократить бюджет США на 138 млрд. долл. за 10 лет: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://respublikabelarus.com/component/content/article/10975-V-mire-Reforma-zdravookhraneniya-mozhet-sokratit-byudzheth-SSHA-na-138-mlrddoll-za-10-let> (дата обращения: 27.11.2015).
2. Травкина, Н. М. «Ящик Пандоры» от Барака Обамы: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/ideas/2010-03-31/9_obama.html (дата обращения: 18.02.2016).

3. Обама изложил суть реформы здравоохранения: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://lenta.ru/news/2009/09/10/obama/> (дата обращения: 27. 11. 2015).
4. Козлов, К. США: краткий обзор реформы здравоохранения // Центр макроэкономических исследований Сбербанка России, 2010. — 6 с.
5. Гулемпиченко, О. В. Роль демократической партии и групп интересов в борьбе за реформу здравоохранения в США в период администраций У. Клинтона и Б. Обамы.: Дис...к.и.н. — Москва, 2012. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-demokraticheskoi-partii-i-grupp-interesov-v-borbe-za-reformu-zdravookhraneniya-v-ssha-v> (дата обращения: 20.10.2015).
6. Белянинов, К., Строкань С. Конгрессмены согласились на самую страшную реформу от Барака Обамы: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.ryzkov.ru/index.php?catid=1:2011-12-26-10-2425&id=23655&Itemid=25&option=com_content&view=article (дата обращения: 29. 01. 2016).
7. Палата представителей США одобрила реформу здравоохранения: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://lenta.ru/news/2009/11/08/bill/> (дата обращения: 18.02.2016)
8. Травкина, Н. М. «Ящик Пандоры» от Барака Обамы: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/ideas/2010-03-31/9_obama.html (дата обращения: 18. 02. 2016).

Формирование и деятельность Союза Спартака (1915–1919 гг.)

Ситникова Мария Георгиевна, студент
Тюменский государственный университет

Статья посвящена истории немецкой социал-демократии в начале XX в. Разность взглядов на социал-демократические идеи была причиной существования различных направлений этой идеологии в Германии. В статье рассматривается деятельность левого течения германских социал-демократов и их влияние на роль Германии в Первой мировой войне.

Ключевые слова: XX век, Германия, социал-демократия, Союз Спартака, Роза Люксембург, Карл Либкнехт.

The article is devoted to the history of the German social democracy at the beginning of the XX century. The difference of views on the social democratic ideas was the cause of the existence of various strands of this ideology in Germany. The article deals with the activities of the left currents of the German social democrats and their impact on the role of Germany in World War I.

Keywords: XX century, Russia, Germany, social democracy, Spartacus League, Rosa Luxemburg, Karl Liebknecht.

Социал-демократическая партия Германии — одно из старейших политических объединений страны, играющее важную роль в современной Европе. Её история началась в 1863 году, когда Фердинанд Лассаль основал Всеобщий германский рабочий союз. В 1869 году в Эйзенахе Август Бебель и Вильгельм Либкнехт создали Социал-демократическую рабочую партию, а в 1875 году, на съезде в Готе «лассальянцы» и «эйзенахцы» объединились в Социалистическую рабочую партию Германии [4].

На рубеже XIX–XX веков в партии образовались три течения: правое, призывавшее использовать легальные парламентские формы борьбы за интересы наемных работников, создавая союзы с буржуазными партиями; центристское, предлагавшее использовать в своих интересах парламент и действовать в качестве самостоятельной политической силы, не вступая в союзы с другими партиями; и левое, стоявшее на позициях классовой борьбы и активно выступавшее против милитаризма и подготовки империалистической войны.

В предвоенные годы левое течение стало единственным, кто выражал настоящие интересы немецкого рабочего класса, выступая с политическими акциями, связанными с растущей угрозой войны. Их антимилитаристская борьба — важнейшее завоевание немецкого пролетариата в этот период. Процесс складывания и развития марксистского течения в СДПГ был крайне сложным, но, несмотря на недостатки, они стали той революционной силой в германском рабочем движении, которая спасла честь рабочего класса и создала предпосылки для возникновения коммунистической партии в Германии. Лидерами левого течения были Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Роза Люксембург ещё до начала Первой мировой войны порвала с центристами, возглавляемыми Карлом Каутским и в течение ряда лет возглавляла леворадикальное движение в партии.

Карл Либкнехт в январе 1912 года стал депутатом от СДПГ в германском рейхстаге. Он сразу же проявил себя как убежденный противник милитаризма. Либкнехт кри-

тиковал промышленников, по его мнению, готовящих мировую войну. В частности, в апреле 1913 он заявил, что промышленная монополия династии Крупнов достигла своего благосостояния путем подкупа сотрудников военного министерства.

В первой половине июля 1914 года Либкнехт побывал в Бельгии и Франции, встретился с французскими социалистами Жаном Лонге и Жаном Жоресом, обсудив с ними некоторые мероприятия. Однако во время июльского кризиса 1914 года после объявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии стало ясно, что крупная европейская война неизбежна [7, с. 31]. В конце июля он через Швейцарию возвратился в Германию.

После объявления 1 августа Германией войны России, Либкнехт не сомневался, что отказ от военных кредитов является делом большинства парламентских партий. Однако 4 августа проголосовал за военные кредиты, подчиняясь мнению большинства фракции социалистов в рейхстаге.

В ответ на это решение СДПГ, Роза Люксембург выступила с речью о военных кредитах, где выразила свое недовольство и разочарование социал-демократией. 5 августа 1914 года Люксембург возглавила группу Интернационал, образованную ею вместе с несколькими левыми членами социал-демократической партии против политики партии в парламенте. Чуть позже к ним присоединился и Карл Либкнехт.

Во время Первой Мировой войны, Роза Люксембург выступала против военных действий. По её мнению, каков бы не был исход войны, Первая мировая является самым крупным поражением для европейского пролетариата [6, с. 252–267]. Политика Розы Люксембург в этот период была направлена на развитие организационных альтернатив немецкой социал-демократии, которые оказались не в лучшем положении из-за военных действий. Перед ней стояла задача объединить и мобилизовать силы, способные развеять «националистическую слепоту» перед лицом «оборонительной войны».

Лето и осень 1914 года Либкнехт с Люксембург провели в разъездах по всей Германии, призывая к антимилитаризму и отклонению военных кредитов. Либкнехт также общался с представителями других европейских рабочих партий, показывая, что не все немецкие социал-демократы являются сторонниками войны. Однако все эти действия в основном были безуспешны.

Карл Либкнехт был решительно настроен участвовать в следующем голосовании против новых военных кредитов. До заседания он пытался убедить других депутатов, привлечь их на свою сторону, но потерпел неудачу. Некоторые представители партии, согласившиеся поддержать его, не выдерживали давления и покидали зал до голосования. Таким образом, 2 декабря 1914 года Либкнехт единственный в рейхстаге проголосовал против военных кредитов. 2 февраля 1915 года его исключили из социал-демократической фракции рейхстага.

1915 год стал переломным для Розы Люксембург, поскольку многочисленные высказывания и выступления

против социалистов провоцировали власть на ответные действия. 18 февраля 1915 года Роза Люксембург была арестована и отправлена в тюрьму после выступления на митинге во Франкфурте-на-Майне. Через год её освободили, а через три месяца вновь отправили в тюрьму. За период с 1915 по 1918 год Люксембург провела в тюрьме в общей сложности три года и четыре месяца.

В марте 1915 года Либкнехта призвали в армию и отправили на фронт, но и там он продолжил свою деятельность [5, с. 346–347]. Ему удалось увеличить численность сторонников группы Интернационал, привлечь новых антимилитаристов из других социал-демократических организаций.

В январе 1916 года группа Интернационал начала издавать газету «Письма Спартака» (нем. Spartakusbriefe), что дало ей новое имя — группа Спартак. «Ликвидация нынешнего способа производства и торговли!»; «Долой систему наемного труда!»; «Все это должно быть сломлено железным кулаком, с беспощадной энергией!»; «Безумный бред верить, что капиталисты добровольно откажутся от своей собственности, прибыли, привилегий!»; «Обрушить молот на голову господствующих классов!» — таковы были лозунги спартакистов [2].

1 мая 1916 Либкнехт принял участие в антивоенной демонстрации в Берлине, где провозгласил: «Долой войну! Долой правительство!» Позже его арестовали и обвинили в государственной измене. Вместо того чтобы ослабить оппозицию, арест его лидеров дал новый импульс росту антивоенных настроений.

В апреле 1917 года группа Спартак вошла в состав НСДПГ, сохраняя при этом статус самостоятельной группы, чтобы работать на осуществление революционных целей.

Даже находясь в тюрьме, Люксембург и Либкнехт не прекратили своей агитационной и пропагандистской работы. Роза конспиративно отсылала листовки, брошюры и воззвания против войны. Карл Либкнехт и Роза Люксембург восторженно встретили новость о победе Октябрьской революции. Это известие давало надежду на скорое прекращение войны. Либкнехт призывал немецких солдат не становиться палачами русской революции. Роза Люксембург написала эссе о русской революции, где поздравила Ленина, но одновременно критиковала его стратегию и предупреждала о диктатуре большевиков [3].

К началу 1918 года стало понятно, что Германия проигрывает войну. Внутри страны разрастался голод, возрастала разница между слоями населения. Армия тоже находилась в кризисе: солдаты были готовы воевать лишь пока сохранялась вера, что жертвы необходимы для победы в войне.

В марте 1918 года новое советское правительство согласилось на переговоры по Брестскому миру, который, несмотря на грабительские для России условия всё-таки был подписан. Германия получила новые ресурсы, немцы испытали прилив энтузиазма, полагая, что вскоре последует и победа на Западном фронте. Однако контрнаступление Антанты в августе 1918 года лишило их надежды

на достойное завершение Германией войны. Одновременно нарастало недовольство режимом, который втянул страну в войну и проиграл её.

После освобождения из тюрьмы, 23 августа 1918 года, Либкнехт отправился в Берлин, чтобы присоединиться к группе Спартака, после чего развил активную деятельность. Он планировал массовые демонстрации, которые должны запустить революцию. Эти планы ускорил Кильский мятеж.

В конце октября, когда уже начались переговоры по миру, немецкое высшее командование решило послать флот в атаку против британского флота, чтобы получить более выгодные условия мира. Однако 29 октября матросы, не желавшие погибать, подняли восстание в Киле.

9 ноября 1918 года канцлер Макс Баденский объявил об отречении кайзера от обоих престолов и передал свои полномочия лидеру социал-демократов Фридриху Эберту. В тот же день почти одновременно Германию провозгласили Республикой дважды: представитель СДПГ Филипп Шейдеман и лидер Спартака Карл Либкнехт. «Монархия рухнула! Да здравствует новая немецкая Республика!» — восклицал он [1].

В конце 1918 года «Союз Спартака» (получивший это название 11 ноября) вместе с другими левыми организациями образовывал Коммунистическую партию Германии.

После освобождения из тюрьмы Роза Люксембург совместно с Карлом Либкнехтом в декабре 1918 года руководила учредительным съездом КПП. Они оба были против свержения правительства Шейдемана, но приветствовали выступление берлинских рабочих в январе 1919, получившее название «восстание спартакистов». Выступление было подавлено, однако социал-демократы опасались, что действия Либкнехта, Люксембург и их сторонников могут привести к гражданской войне, и начали преследование лидеров КПП.

Вдохновители январского восстания должны были уйти в подполье, но отказались, несмотря на просьбы своих товарищей срочно покинуть Берлин. Вечером 15 января 1919 года Роза Люксембург и Карл Либкнехт были арестованы в своей квартире, подверглись насилию во время допросов, после чего их убили.

В конце января 1919 года умер Франц Меринг, а марте того же года был убит Лео Йогихес. С гибелью четырех основателей «Союз Спартака» заканчивает свою историю.

Литература:

1. Karl Liebknecht proklamiert am 09.11.1918 die Sozialistische Republik Deutschland //. URL: <http://www.novemberrevolution.de/>
2. Rosa Luxemburg: Was will der Spartakusbund? (Rote Fahne, 14. Dezember 1918) //. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/luxemburg/1918/12/waswill.htm>
3. Rosa Luxemburg: Zur russischen Revolution. In: GW 4, Berlin 2000 //. URL: <http://www.glasnost.de/klassiker/luxem3.html>
4. Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. 1969—1978. Электронный ресурс: <http://bse.sci-lib.com/>
5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Том 30. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1973. — 562 с.
6. «История марксизма», т. 2, пер. с ит. — М.: Прогресс, 1981. — 678 с.
7. Цветков, С. Э. Как начинался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2014. — № 4 (16). — с. 31

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Роль батыров в сохранении целостности Казахского государства в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв.: историографический обзор

Кабылтаева Самал Казизовна, докторант PhD

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (Казахстан)

Статья посвящена анализу историографии роли батыров в сохранении целостности Казахского государства в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв. с современных концептуальных позиций дан обзор до-революционной, советской и постсоветской историографии поставленной проблемы. Автор статьи показывает степень изученности и особенности подходов в становлении и развитии института батырства, его роли в единстве Казахского ханства в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв. на конкретных исторических этапах их изучения. Выявлены современные тенденции и направления в изучении теоретических проблем роли батырства как общественного института в жизни казахского общества.

Ключевые слова: батыр, полководец, военачальник, институт батырства, историография, социальная структура, Казахское ханство, Казахское государство, национально-освободительная борьба.

The batyrs role in the preservation of the Kazakh state in the in first quarter of XVIII — the second half of XIX cent.: historiographical survey

Kabyлтаева Samal Kazizovna, PhD student

Eurasian national University named after L. N. Gumilev, Kazakhstan

The article is devoted to analysis of historiography of the batyrs role in the preservation of integrity of the Kazakh state in the first quarter of XVIII — the second half of XIX centuries. From the contemporary conceptual positions the survey of article shows the degree of scrutiny and peculiarities of approaches in the formation and development the batyrs institute, its role in the unity of the Kazakh khanate in the first quarter of XVIII — the second half of XIX centuries on the concrete historical stages of their study (research). The contemporary tendency and directions in the study of theoretical problems of the batyrs role as a social institute in the Kazakh society life are shown.

Keywords: batyr, military leader, commander, Institute of batyrs, historiography, social structure, the Kazakh Khanate, the Kazakh government, national liberation struggle.

Собретением государственной независимости казах-станское общество оказалось перед сложнейшим процессом социальной и политической самоидентификации. Важнейшим инструментом этого процесса стало познание своей национальной истории, возрождение в народной памяти забытых имен своих героев. Каждая эпоха, отражая исторические события, выдвигала на арену ярчайших личностей. Кабанбай, Богембай, Жасыбай, Малайсары и многие другие батыры являются гордостью казахского народа. Имена этих людей, не жалевших себя ради сохранения Родины, передавались из поколения в поколение. Обращение к отечественной истории, осмысление сложных переломных этапов борьбы за независимость и суверенитет приобретает особый смысл

и значение. С именами многих военных полководцев — батыров связаны героические страницы национально-освободительной борьбы казахского народа первой четверти XVIII — первой половине XIX вв. Большинство батыров, возглавлявших боевые отряды воинов своих родов и родоплеменных групп, играли видную роль не только в военной, но и в социально-политической жизни кочевников-казахов.

В исторической и общественной мысли Казахстана актуализировался вопрос о необходимости расшифровки и конвертации уникального института батырства в казахском обществе, роли батыров в сохранении целостности Казахского государства в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв.

Актуальность и новизна постановки вопроса заключается в междисциплинарном подходе рассмотрения института батырства как цельного и самобытного феномена традиционного казахского общества. «Только поколение, которое знает о непростой истории государства, поворотах и зигзагах пути, пройденного предками, сложных этапах и судьбоносных решениях, «белых пятнах» и свершениях великих личностей, сможет успешно достичь намеченной цели», — уверен Н. А. Назарбаев [1].

Кардинальное переосмысление национальной истории Казахстана с учетом новых подходов, выработанного за годы независимости, необходимо молодому поколению казахстанцев, которые должны научиться делать выводы из прошлого [1]. Научное исследование роли батыров за независимость Казахстана, целостность Казахского государства в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв. продиктована необходимостью воспитания гражданственности и казахстанского патриотизма.

Рассматривая историографию по изучаемой проблеме, можно выделить три основных этапа в ее развитии:

1. историография дореволюционного периода (первая четверть XVIII в. — 1917 г.);
2. историография советского периода (1917–1991 гг.);
3. современная казахстанская историография (с 1991 г. до наших дней).

В исторической науке роль батыров в сохранении целостности Казахского государства в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв. не была предметом специального исследования. Однако, отдельные стороны этой проблемы нашли отражение в историографии дореволюционного периода. Так, первые упоминания «бахадур» встречается в сочинениях Масуд бен Усман Кухистани (ум. ок. 1590), Камал ад-Дин (Шир)-Али-Бинаи (1453–1512) и других восточных авторов. Тюрко-монгольское слово «батыр», «багатур», «бахадур» первоначально означало храбреца, вызывающего врага перед битвой на сопротивление. Термин использовался и в качестве почетного титула, получаемого ханом или султаном за личную храбрость, либо за умелое руководство военными действиями в борьбе с внешними врагами.

Первые письменные свидетельства о батырстве у тюркских народов оставил в своей работе XVI в. «Записки о Московии» австрийский дипломат, посол в Московии Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) [2]. Автор отмечает, что в XIV в. слово «батыр», «багатур», «бахадур» проникли в русский язык, потеснив ранний, автохтонный термин южнославянской книжности «храбр» или «воитель». Наряду с русской калькой данного термина — «богатырь» — в Московском государстве конца XV — первой трети XVI в. обозначал иноземных храбрых воинов и уже использовался собственно тюркоязычный термин «батыр» [2].

Следует отметить, что в XVIII веке в западноевропейском востоковедении изучение Казахстана занимало довольно скромное место; отчасти это объяснялось скудостью источников, находившихся в распоряжении ис-

следователей. Основным источником знаний европейцев в XVIII — XIX вв. служила нарративная литература, создававшаяся в рамках теоретических схем эволюционистов. Идея об обусловленности истории, обычаев, нравов, материальной и духовной культуры народов с природной средой, в которой они проживают, пронизывают почти все путевые записи, дневники и отчеты [3, с. 49].

В русской историографии борьба казахов против джунгарской экспансии нашла отражение в общих работах. Несмотря на то, что в них общая ситуация представлена в целом, в то же время систематическое последовательное изложение исторических событий отсутствует [3, с. 10]. Интерес представляют записи о роли батырства, как общественного института в жизни казахов, которые оставил побывавший в ставке хана Младшего жуза Абул-хаира в 30-х годах XVIII века английский художник и путешественник Джон Кэстль. В них, в частности, упоминаются имена таких известных и прославленных батыров как Жанибек, Богенбай, Баймурат, Буберек, Асан, Акмолай [4].

К историографии дореволюционного периода относятся исследования русских военных востоковедов и общественно-политических деятелей. Так, российский ученый П. И. Рычков в «Истории Оренбурга» и «Топографии Оренбургской губернии» — ученых трудах второй половине XVIII века, отразил дипломатическую деятельность казахских батыров Жанибека из рода «аргын» и Есета из рода «тама» в вопросе целостности Казахского государства [5].

Полковник Генерального штаба Е. К. Мейендорф в своем путевом журнале, составившем первую часть книги «Путешествие из Оренбурга в Бухару», делает вывод, что батырами именовались в казахском обществе «люди храбрые, справедливые и предприимчивые, во время войны — это наездники» [6]. По его определению, батыр — это не только титул храбреца, но и наименование лиц, преимущественно занятых осуществлением военных функций [6]. Действительно, в казахском обществе батыром называли любого храброго и опытного, особо прославившегося в набегах и сражениях человека, как из социальной категории «черной кости», так и наследственной аристократии.

Диапазон опубликованных работ С. Броневского, В. Вельяминова-Зернова, А. Гейнса, В. Григорьева, И. Завалишина, Л. Мейера, И. Казанцева, Н. Зеланда, Р. Игнатьева, Н. Гродекова, П. Румянцева говорит об их интересах к социальной структуре казахского общества [7]. И. Г. Андреев описывая социальную структуру казахского общества, отмечал, что царское правительство для защиты своих крепостей привлекало на службу батыров, платило им по сто рублей и премиальные, и тем самым, включало в орбиту своей политики [8].

Началом научного изучения казахского социума принято считать «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей» А. И. Левшина, который попытался выяснить и изучить причины появления и эволюцию ин-

ститута батырства у казахов [9]. Работа содержит много сведений об основных этапах жизни и деятельности хана Абылая, его роли в деле организации освободительной борьбы против джунгарской агрессии. Ценные сведения о батырах, их роли в единении казахского народа имеются в работах И. Ф. Бларамберга [10], Л. Мейера [11], И. И. Крафта [12], М. А. Терентьева [13], А. И. Добросмыслова [14], А. Харузина [15], А. Е. Алекторова [16].

Участие батыров в национально-освободительной борьбе казахов против колониального гнета в литературе периода XVIII — XIX вв. представлено слабо. В основном это фрагментарные публикации, например, на страницах «Военного сборника» [3, с. 36].

Л. Мейер [11], А. Добросмыслов [14], В. Витевский [17], М. Терентьев [13], работавшие в генеральном штабе в качестве военных специалистов, дают более или менее подробные сведения о ходе восстания хана Кенесары, который боролся за сохранение целостности Казахской государственности. Исследователи оправдывали колонизаторскую политику царизма и характеризовали национально-освободительную борьбу казахов как «противозаконные» действия, «бунт» и «мятеж». Они называли повстанцев «скопищем», «шайкой», руководителей восстания не иначе как «разбойниками» и «хищниками». Статьи Н. Середы, Н. Савичева, В. Потто, И. Аничкова, П. Юдина трактовали выступления народных масс как «бунт», а личности руководителей восстаний получили различные характеристики, в зависимости от позиции автора [3, с. 36].

Чиновник канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора Н. А. Середа опубликовал свою работу «Бунт киргизского султана Кенесары Касимова (1838—1847 гг.) в трех номерах известнейшего российского журнала «Вестник Европы» в 1870 и 1871 гг. [3, с. 36]. По мнению Е. Бекмаханова, она лучшая и самая серьезная работа из всех дореволюционных трудов о Кенесары. В ней собран наиболее полный, богатый фактический материал и дана объективная оценка с позиции историка времен царизма.

Среди дореволюционных публикаций о деятельности батыра Кенесары следует отметить очерк «Султаны Кенесары и Сыздык», написанный со слов сына К. Касимова, султана Ахмета Кенесарина Е. Т. Смирновым [18], а также статью М. Г. Черняева в журнале «Русский вестник» [19]. А. Кенесарин пересказывает биографию и деятельность отца, не давая каких-либо оценок и анализа движения. Работа представляет определенный интерес в освещении роли батыров в борьбе за независимость. Упоминания о Кенесары содержатся в издании И. Казанцева «Описание киргиз-кайсака» и в воспоминаниях путешественника и географа П. П. Семенова-Тян-Шанского.

В середине XIX века Л. Баллюзек, А. Мякутиным, П. Маковецким, А. Добросмысловым, И. Крафтом и другими авторами были опубликованы ценные записи обычного права казахов [7]. Они являются ценным материалом для изучения процессов классовой дифференциации в казах-

ском ауле и определения положения интересующей нас социальной группы — батыров. Наиболее достоверными записями являются материалы, собранные казахскими султанами и биями. Так, материалы об обычном праве казахов Оренбургского края, опубликованные Л. Баллюзек, собраны султаном Сейдалиным [7]. В течение первой половины XIX в. Многочисленные путешественники, дипломаты, купцы и миссионеры накопили разнообразный материал о социально-экономической и политической истории народов среднеазиатского региона.

Отличительной чертой историографии XIX века является опубликование работ казахских исследователей о традиционной структуре казахов, о казахских батырах, их борьбе с джунгарскими завоевателями. О батырстве и батырах, их роли в сохранении единства Казахского государства писал известный казахский ученый и общественный деятель Чокан Валиханов в «Исторических преданиях о батырах XVIII» [20]. «Батыр — самая значимая и авторитетная личность в народе, — писал он. — В бою батыр бесстрашен, как тигр, силен, как лев. Это уважаемая в народе личность, и люди прислушиваются к его словам [20, с. 16]. В своей статье «Исторические предания о батырах XVIII в». Ч. Валиханов приводит 14 преданий, упоминающих известные исторические лица — Абылая, Богембая, Жанатая, Байгозы, Уразумбета, Ельчибек-батыра, Темирхан-батыра и т. д. Заслуга Ч. Валиханова в том, что он зафиксировал в своих статьях ценные исторические сведения, существовавшие до него в устной передаче [3, с. 68—69].

Первым научным исследованием, посвященным хану Абылаю, была статья Чокана Валиханова «Абылай» [20]. С его именем связана идея общенационального единства, государственной независимости и территориальной целостности Казахстана. Именно в борьбе за осуществление этой идеи раскрылись разносторонние природные дарования Абылая: государственный ум, личная отвага, талант полководца и политического деятеля, качества искусного дипломата. Эпоха Абылай-хана высоко оценена Чоканом Валихановым, он пишет: «В преданиях казахов Абылай носит какой-то поэтический ореол, век Абылая является веком казахского рыцарства» [3, с. 68]. Такая оценка в точности воспроизводит ту историческую эпоху, сохранившуюся в сознании народа. Система казахских шежире выполнила свою функциональную задачу, образы выдающихся батыров, самого хана Абылая закрепила и т. д. [3, с. 68]. На основе русских источников Ч. Валиханову удалось проанализировать внутривнутриполитическое положение Казахстана в XVIII в., выявить роль Абылая и батыров в сохранении целостности казахской государственности.

Большое значение в воссоздании атмосферы эпохи Абылая, в реконструкции исторических событий, происшедших с его участием, имеют произведения именитых на всю степь акынов, таких как Бухар-жырау Калкаманулы, Умбетей Тилеуулы, Татикара и других. Произведения Бухар-жырау (1684—1781) — выдающегося мыслителя,

поэта, политического деятеля имеют особую ценность. Бухар-жырау был советником и соратником Абылая, принимал участие в государственных делах, которые отразились в его поэзии. Время жизни Умбетей-жырау (1706–1778 гг.) совпало с наиболее важными военными вехами Казахского ханства, называемыми в народе «жаугершілік заман». Все события этого времени воспеты в жырах, толгау, жоктау, естирту. Умбетей-жырау — участник походов Абылая, знаменитый военачальник, батыр сумел емко и выразительно отразить в своей поэзии ратные подвиги хана Абылая в борьбе с джунгарами, роль и значение в сохранении целостности Казахского государства известных батыров — Богенбая, Кабанбая, Сары, Баяна и других. В героических песнях Умбетей воспевают храбрость и героизм батыров, патриотизм народа, а когда случалась гибель батыров, то их имена непременно увековечивались в посмертной песне о герое-освободителе. В толгау Умбетей-жырау передает общественно-политическую жизнь степи. Его песни сохранились в устах народа [3, с. 70].

В поэтических произведениях народных жырау, идеологов отечественной войны против джунгарского нашествия, мы находим подтверждение всенародного признания подлинных заслуг хана Абылая, борца за национальную независимость, территориальную целостность и государственность казахов. В сказании упоминаются многие названия местностей, где происходили битвы казахского ополчения с джунгарами, а при сопоставлении с письменными источниками, с археологическими данными четко обозначенные названия согласуются с письменными документами [3, с. 70].

Более детальное и основательное изучение казахско-джунгарских войн прослеживается в конце XIX–XX вв. К данной тематике обращались М. Копеев [21], Ш. Кудайбердиев [22], М. Тынышпаев [23], А. Букейханов [24]. Казахско-джунгарские войны дали для истории имена прославленных батыров, которые воспевались в народе, а их героические подвиги увековечены в народной памяти — в шежире. Переход вербальных казахских шежире в их письменно-библиографическую форму происходит благодаря глубоко творческой деятельности казахских ученых.

В «Казахском шежире» Машхура Жусупа Копеева [21] упоминаются имена прославленных воинов, он пишет: «Во времена хана Абылая из числа казахов вышли такие батыры: Каракерей, Кабанбай, Канжагалы Богембай, Қаздауысты Қазыбек, Шакшаулы Жаныбек, Кокжарлы Кокжал Барак. «Врагов он множество раз обращал в бегство, доброе имя осталось Бараку» — это про него слова. Из Старшего жуза — Шанышкалы Бердыкожа, Сырым Малайсары. «Когда он с криком на врага нападает, со знаменем скачи вслед за ним» — эти слова про Малайсары, Балта-керей Турсынба, Таракты Байгозы, бывший для Среднего жуза ураном — кличем Олжабай батыр, из рода Малай-жадигер — Жаугаш, Бигаш, Боритонды — Борте, Орманшы, у которого на знамени изображена го-

лова голова волка, рыжий Шотана — батыр, Козган Бекшемерген, карауыл Альтеке, Сарым Жидебай, Уак Сары, Баян — все батыры». «Дома у нас батыров много, но когда надо выступить в поход и сразиться с врагом, нет никого равного Баяну», — говорил Абылай-хан [3, с. 69].

В шежире М. Копеева имеются исторические сведения об батыре Абылае: «В юношестве Абылая звали Сабалак». Автор пишет: «...Рядом с недостигшим двадцати лет Абылаем все время был узбек сарт по имени Оразак (Ораз). Они пришли к родам атыгай и караул, которые кочевали по берегу Ишима, пасли там лошадей бая Даулеткельды, были у него конюхами. Когда у Абылая спрашивали: «Как тебя зовут?» — он отвечал: «Мое имя Сабалак!» [3, с. 3].

Одним из первых [16] в советской историографии к теме освободительной борьбе казахского народа против джунгарских завоевателей обратился М. Тынышпаев. На основе привлечения русских источников и казахского фольклорного материала о событиях 1723–1730 гг., отложившихся в народной памяти как «годы великого бедствия», им был опубликован ряд научных работ, которые не потеряли своего значения и в настоящее время [23].

Х. Досмухамедов посвятил батырам несколько научных трудов. В работах «Казахские батыры. Исатай, Махамбет», «Краткие сведения о движении Исатай Тайманулы», «Махамбет батыр», «Кто такой Исатай?», «Родословная Жалантуса батыра (Ялантуш бахадур), строителя медресе Тилия-кары и Шир-дор в городе Самаркенде», «Жалантос батыр» Халел Досмухамедов проводит подробный анализ деятельности и роли батыров в борьбе за независимость казахского народа [25].

Об именах рыцарей периода джунгарского нашествия писал Курбангали Халид: «Во времена Абылая батырами и военачальниками были: Каракерей Кабанбай, Алтыбай-батыр, Ақтамберды-батыр, Есмамбет-батыр, Матай Шонкей-батыр, Керей Жаныбек-батыр, Бори Ақпантай-батыр, Қанжығалы Богембай-батыр, Басенты Малайсары-батыр, все они были отличными воинами и военачальниками, но лучшими из них был Кабанбай [3, с. 69].

А. Диваев [26] [16] записал казахские предания об участии батыров Старшего и Младшего жузов под предводительством Тайлака и Санырыка в грандиозном и решающем сражении на берегах рр. Буланты и Белеуты. Полное уничтожение джунгарских войск в этой местности осталось в народной памяти как «Қалмакқырылған» — «Место гибели калмаков». Между реками Буланты и Белеуты возвышается небольшая сопка, названная с тех пор «Қалмакқырылған». Вершина ее усеяна казахскими могилами, на надгробиях высечены многие родовые тамги. По историческим преданиям, на этом кладбище были захоронены казахские батыры, погибшие в этой битве. Героический эпос передает высокий дух и героический настрой казахских воинов, сражавшихся на Буланты. Перечислены имена батыров — Малайсары, Олжабая, Есета, Жантая, Барака, Жаныбека, Кабанбая, Богембая, Сырыма, Мурына, Жаулыбая, Сарыбая, биев — Қазыбека и Толе,

т. е. все казахское ополчение, собранное из различных родов [3, с. 67–68].

Таким образом, историография дореволюционного периода заложила прочный фундамент для изучения поставленной нами проблемы.

После революции 1917 г. наступает новый этап в историографии проблематики роли батыров в сохранении целостности Казахского государства в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв. Так, отдельные стороны функционирования института батырства, роли батыров в сохранении единства Казахской государственности прослеживаются в работах А. Ф. Рязанова [27–28], А. П. Чулошникова [29], В. П. Шахматова [30].

В 30-е годы XX в. А. Ф. Рязанов в своей работе «Сорок лет борьбы за национальную независимость киргизского народа 1797–1838 гг.». одним из первых изучил протестное движение казахов против царской колонизации, ввел в научный оборот широкий массив архивных материалов Оренбурга [31]. Автор показал непрерывную борьбу казахского народа за независимость, начиная от батыра Срыма Датова до батыра Кенесары Касымова. Несмотря на ряд спорных вопросов, работа не утратила своего значения и для современного периода.

Видные историки первой половины XX века России и Казахстана М. П. Вяткин и Е. Бекмаханов, исследуя национально-освободительные движения под предводительством казахских батыров, заложили фундамент для изучения их личностей. Восстанию казахов Младшего жуза под руководством батыра Сырыма Датова посвящена монография М. П. Вяткина «Батыр Срым» [32]. Основательное исследование, написанное профессионалом, на основе широкого круга документальных источников, содержит источниковедческий и историографический обзор и детальное освещение широкого аспекта вопросов социально-экономического положения казахов Младшего жуза накануне восстания, причин, вызвавших протест ряда социальных категорий и, в первую очередь, шаруа, ход восстания и позицию его предводителей; роль Оренбургской администрации во главе с Игельстромом и его неудачные попытки ликвидации ханской власти. Четко прослеживаются этапы восстания и дана убедительная характеристика батыру Сыриму Датову, социальным слоям, на которые он опирался, чьи интересы отстаивал; раскрываются причины поражения одного из массовых выступлений против царизма. Работа до настоящего времени остается одной из немногих полных научных разработок темы [3, с. 37].

Е. Б. Бекмаханов написал исследование о социально-экономической жизни Казахстана в первой половине XIX века по названию «Казахстан в 20–40 годы XIX века» [33]. Ученый изучил динамику социальных изменений по категориям султанов, биев, ходжей и мулл, баев, тарханов, батыров. При этом, как выяснил исследователь, две последние категории (тарханы и батыры) к середине XIX в. утратили свое экономическое влияние и фактически как отдельные социальные группы прекратили свое существование. Данный вывод прослеживается и в ра-

боте Е. Б. Бекмаханова «К вопросу о социальной природе батыров (XIX в.)» [34]. В целом, монография «Казахстан в 20–40 годы XIX века» посвящена освободительному движению Кенесары Касымова, его деятельности по укреплению казахской государственности. В заключении автор суммировал события 20–40 гг. XIX века в Казахстане, определил их влияние на дальнейшие судьбы казахского народа в Средней Азии в целом [3, с. 37].

Монографии С. Е. Толыбекова «Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках» [35], С. З. Зиманова «Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков» [36], «Общественный строй казахов первой половина XIX века» [37] внесли большой вклад в изучение социальной структуры и хозяйственной деятельности казахского населения в период господства традиционных отношений в Казахстане. Ими выявлены формы зависимости и принципы использования старшинами родовых институтов в своих интересах.

Идеологизация исторической науки, догматизация принципов марксизма-ленинизма негативно сказались на понимании процессов, происходивших на территории Степного края, в том числе, на освещении проблемы роли батыров в сохранении целостности Казахского государства в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв.

Для рассматриваемого периода советской историографии большое значение имела Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период (Ташкент, 1955). Установка сессии стали обязательным для всех, кто исследовал историю. Народно-освободительного движения в Казахстане и Средней Азии. Она дала положительный результат в деле углубления сферы научного поиска. Но вместе с тем, закрыла путь к альтернативному изучению истории и поиску истины. Так, в конце 50 — начале 60 гг. взгляды на восстание батыра Кенесары Касымова претерпели кардинальные изменения. Движения в целом было признано феодально-монархическим, а автор исследования был обвинен в национализме, подвергся преследованиям [3, с. 37]. После необъективной и несправедливой, как показало время, критики книги Е. Бекмаханова об истории восстания Кенесары Касымова «Казахстан в 20–40-е годы XIX века», усиливается классовый подход к общественно-политической деятельности казахских батыров, и институт батырства перестает быть объектом исследования.

Борьба казахов с джунгарами, причины успехов последних в 1723–1726 годах, тяжелое политическое и экономическое положение казахов научно освещены только в историографии 70–80-х гг. XX века. В монографиях И. Я. Златкина [38], Н. П. Аполловой [39], В. Я. Басина [40], Б. С. Сулейменова [41], В. А. Моисеева [42] рассмотрены социальные институты казахского общества, в частности институт батыров. Определенное внимание в их исследованиях уделено общей, социальной и политической роли института батыров. Роль батыров в сохранении целостности Казахского государства в первой

четверти XVIII — первой половине XIX вв. не была предметом специального изучения.

Распад СССР послужил толчком к началу современного этапа историографии Казахстана в истории изучения проблемы. В казахстанской историографии произошла смена исторической парадигмы, формируются новые подходы в освещении всей истории казахского народа. Центральной темой целого десятилетия после обретения независимости стали история национально-освободительной войны с джунгарами и российским колониализмом [3, с. 38].

Использование фольклорного материала, так называемой «степной устной историографии», генеалогий («шежире») позволяет осуществить оценку происходящих событий с точки зрения самого кочевого общества. Так, имеющееся в шежире историческое знание формируется, во-первых, из действительной генеалогии и, во-вторых, ирреальной, которая является лишь структурообразующей вымышленной генеалогией, в-третьих, из исторической мифологии — глас древности, «қария сөз», «ескі сөз», а также из исторических преданий, эпических сказаний — батырлар жыры, толғау [43]. Первой крупной работой в этом направлении стала монография И. В. Ерофеевой «Родословные казахских ханов и кожа (история, историография, источники)» [43].

В монографии Ирины Ерофеевой «Между всеми старшинами знатнейший» [44] исследуется феномен батырства в истории казахского кочевого общества на основе большого количества первоисточников. Представлены сведения о батырах XVIII и XIX веков, хроника многих сражений, и глубокий анализ военно-политической обстановки, и страшная трагедия в годы Великого бедствия. Это событие сохранилось в национальной памяти под названием Актабан шұбырынды. Немало места заняло повествование истории «рыцарского столетия», биографии известных батыров. Фактографической основой для написания книги послужили как разновременные материалы устной народной памяти, так и многочисленные письменные источники первой половины XVIII века. Исследование снабжено обширным документальным приложением, в том числе русскими переводами и факсимиле подлинных текстов писем казахского батыра Жанибека Кошкаралы разным адресатам.

Некоторые теоретические и методологические моменты роли батыров в истории национально-освободительного движения в Казахстане в колониальный период нашли отражение в научных статьях В. З. Галиева [45], Ж. К. Касымбаева [46], Ж. А. Кундакбаевой [47]. Особую значимость для осмысления степени изученности темы нашего исследования имеют работы В. З. Галиева. Исследователь ввел в научный оборот большое количество архивного материала по истории народно-освободительного движения XVIII — XIX вв., роли батыров за независимость казахского народа.

В диссертационной работе Г. Д. Мухтаровой подведены итоги исследования российских и советских исто-

риков проблемы национально-освободительной борьбы казахского народа в последней четверти XVIII — 70-е годы XIX вв. [48]. Автор проследил эволюцию исторических знаний по истории и историографии национально-освободительного движения Кенесары Касымова. В работах Г. Д. Мухтаровой, Ж. Д. Кусаиновой [49] есть ценные сведения о роли батыров в национально-освободительной борьбе К. Касымова. В диссертационном исследовании Л. Б. Бердыгужина проведен историографический и источниковедческий анализ научных трудов по истории освободительного движения казахского народа под предводительством батыров Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова в 1836—1838 гг. [50]. Особый интерес представляют диссертационные труды Г. Кайгарлиевой «Батырлар институты және оның дәстүрлі қазақ қоғамындағы орны (Бөкенбай батыр әулетінің негізінде)» [51] и М. Дауытбековой «Институт батырства в казахском обществе» [52].

Свое видение истории Казахстана изложил в книге «Азбука казахской истории» народный писатель, известный исследователь М. Магауин. В ней рассмотрены актуальные проблемы казахской государственности, основные этапы борьбы казахского народа с джунгарскими захватчиками, определены некоторые, порою существенные, проблемы в изучении отечественной истории [3, с. 22].

В работах З. Рысбекова [53], Э. Муктара [54], З. Байдосова [55], Н. Жетписбая [56], написанных на казахском языке, показана роль батырства как общественного института в жизни казахского общества, особое место в нем отводиться Бөкенбай батыру.

В исследованиях А. Оразбаевой [57], Ж. Жаксығалиева [58], Ж. Исмурзина [59], С. Курманалина [60], Ж. Джампеисовой [61] затронут широкий круг вопросов: социальная структура казахского общества, героизм батыров и признанных лидеров в борьбе за независимость Казахского государства, таких как Аблай, Кенесары Касымов. Наряду с этим, выясняется, что исследования носят во многом обзорный, фрагментарный или постановочный характер.

В годы государственной независимости прошли серии конференций, посвященные юбилеям ханам Абылая, Кенесары Касымова, Бухар-жырау, Бөгенбай-батыру, Шакшак Жаныбек Тархану, Исатаю Тайманову и Махамбету Утемисову, Ағыбай батыру, Жауке батыру, Карасай батыру и др. Выводы участников конференции в определенной степени повлияли на выработку теоретико-методологических подходов к изучению нашей темы.

Видная роль в развитии исторической науки суверенного Казахстана, в разработке приоритетных научных направлений принадлежит ученым Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова и Казахского государственного университета им. Аль-Фараби. Оживление научной жизни в Казахстане выразилось в появлении специальных исторических журналов «Отан тарихы» (Отечественная история), «Қазақ тарихы» (Казахская история). Издания имеют несколько рубрик, название

которых позволяет судить о приоритетных направлениях в развитии казахстанской исторической науки. Однако в своей совокупности существующие изыскания еще не дают целостной картины о роли батыров в сохранении

целостности Казахского государства в первой четверти XVIII — первой половине XIX вв., что свидетельствует о необходимости специальной разработки указанной темы.

Литература:

1. Назарбаев, Н. А. Воплощение мечты Абылая // Казахстанская правда. — 2013. — 2 февраля
2. Герберштейн, С. Записки о Московии. — М.: МГУ, 1988. — 430 с.
3. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 томах. Т.3. — Алматы: «Атамұра», 2000. — 390 с.
4. Кестль Джон. Дневник путешествия в 1736-м году из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргаз-Кайсацкой Орды. (Пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого (регистр). — Алматы: Жибек жолы, 1998. — 152 с.
5. Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии. — Оренбург: Типография. Бреслина Б. Б., 1887. — 406 с.
6. Мейендорф, Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — М.: Наука, 1975. — 180 с.
7. История Казахстана в русских источниках XVI — XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. / Составители И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Т. 5. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 620 с.
8. Андреев, И. Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. — Алматы: Казахстан, 1998. — 280 с.
9. Левшин, А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей. — Алматы: Санат, 1996, — 656 с.
10. Бларамберг, И. Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букейвский) и Зауральской (Малой) Орды Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16. Ч.-1, СПб., 1848. — 322 с.
11. Мейер, Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. — СПб., 1865. — 288 с.
12. Крафт, И. И. Из киргизской старины. — Оренбург, 1900. — 157 с.
13. Терентьев, М. А. История завоевания средней Азии. Т.1. СПб. 1903. — 207 с.
14. Добросмыслов, А. И. Тургайская область. Исторический очерк. — Оренбург, 1900. — 524 с.
15. Харузин, А. Киргизы Букеевской Орды. Том 1. — Москва: Типография Левинсон и К. 1889. — 550 с.
16. Алекторов, А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. — Казань, Топография Императорского университета. 1900. — 965 с.
17. Витевский, В. Н., Неплюев И. И. и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. — Казань, 1897. Т.1. — 292 с., Т.2. — 293—616 с.
18. Смирнов, Г. Султаны Кенесары и Сыздык. — Алма-Ата: Жалын, 1992—217 с.
19. Черняев, М. Г. Султаны Кенесары и Сыздык — Алма-Аты: Жалын, 1992—211 с.
20. Валиханов, Ч. Ч. Соб.соч. в пяти томах, т.4. — Алматы: Наука, 1985. — 258 с.
21. Копеев, М. Ж. Тандамалы. — Алматы.: «Ана тілі», 1992. — 384 с.
22. Кудайбердиев, Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алматы: Жалын, 1993. — 120 с.
23. Тынышпаев, М. История казахского народа. — Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. — 224 с.
24. Букейханов, А. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи / Избранное. Алматы: «Жалын», 1995. — 317 с.
25. Досмұхамедұлы, Х. Тандамалы (Избранное). — Алматы: «Ана тілі», 1998. — 384 б.
26. Диваев, А. Киргизская былина о Бикет батыре. — Алматы: «Ана тілі», 1995. — 81 с.
27. Рязанов, А. Ф. Батыр Сырым Датов. // Советская Киргизия. — 1924. — № 10. — 94—113 с.
28. Рязанов, А. Ф. Кенесары. Исторический очерк. — Алма-Ата: Айқап, 1993. — 200 с.
29. Чулошников, А. П. Восстание 1755 г. в Башкирии — Москва: Издательство АН СССР, 1940. 108 с.
30. Шахматов, В. Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. — Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1946. — 252 с.
31. Рязанов, А. Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838 гг.) — Кызыл-Орда: Изд. О-ва изучения Казахстана, 1926. — 152 с.
32. Вяткин, М. П. Батыр Сырым. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1947. — 390 с.
33. Бекмаханов, Е. Б. Казахстан в 20—40 годы XIX в. — Алматы: Казахстан, 1992. — 400 с.
34. Бекмаханов, Е. Б. К вопросу о социальной природе батыров (XIX в.). // ВАН КазССР. 1947. — № 8. — 62—64 с.
35. Толыбеков, С. Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX веках. — Алма-Ата: «Казахское государственное издательство», 1959. — 448 с.

36. Зиманов, С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. — Алма-Ата: «Наука», 1960. — 294 с.
37. Зиманов, С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. — Алма-Ата: «Наука», 1958. — 294 с.
38. Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства. — Москва: Наука, 1983. — 333 с.
39. Аполлова, Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. — М.: АН СССР, 1960. — 456 с.
40. Басин, В. Я. Россия и Казахские ханства в XVI-XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). — Алма-Ата: Наука, 1971. — 276 с.
41. Сулейменов, Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России XVIII — начале XX века. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 274 с.
42. Моисеев, В. А. Россия и Джунгарское ханство. Алма-Ата: Наука, 1991. — 238 с.
43. Ерофеева, И. В. Родословные казахов ханов и кожа (история, историография, источники) — Алматы: ТОО «Print-S», 2003. — 178 с.
44. Ерофеева, И. В. Между всеми старшинами знатнейший. Первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. — Алматы: ОФ «Фонд Мухтара Ауэзова», 2013. — 213 с.
45. Галиев, В. З. Национально-освободительное движение казахского народа в свете новых исследований // Мысль. — 1993. — № 11. — 15–27 с.
46. Касымбаев, Ж. К. Проблемы истории национально-освободительных движений в Казахстане в XVIII — начале XX вв.: теоретико-методологические аспекты // Отан тарихы. — 2003. — № 1. — 15–27 с.
47. Кундакбаева, Ж. Проблема политики России в Казахстане в XVII-XIX вв в отечественной историографии // Вестник КазГУ Серия историческая 2003 — № 1. — 82–86 с.
48. Мухтарова, Г. Д. Национально-освободительная борьба казахского народа в последней четверти XVIII — 70-е годы XIX в. (актуальные проблемы историографии): Дис.канд.истор.наук. Алматы, 1997. — 175 с.
49. Кусаинова, Ж. Д. Историография национально-освободительного движения под предводительством Кенесары Касымова (1837–1847 гг.): Дис.канд.истор.наук. Караганда, 2000. — 176 с.
50. Бердыгужин, Л. Б. Историография и источниковедческие основы истории освободительного движения казахского народа под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова в 1836–1838 гг.: Дис.канд. истор.наук. Атырау, 2004. — 177 с.
51. Қайғарлиева, Г. Батырлар институты және оның дәстүрлі қазақ қоғамындағы орны (Бөкенбай батыр әулетінің негізінде): 07.00.02. — Тарих ғылымдарының кандидаты... диссертациясы. — Орал, 2010. — 159 б.
52. Дауытбекова, М. К. Институт батырства в казахском обществе: дис.канд.ист.наук: 07.00.02. — Алматы, 2010. — 159 с.
53. Рысбеков, З. Т. Жоламан Тіленшіұлы — ұлт азаттық қозғалыс көсемі // «Отан тарихының келелі мәселелері» республикалық ғылыми-теориялық конференциясының материалдар жинағы. — Атырау, 2008. 211–214 бб.
54. Мұқтар Ә.К. Елдестіркелі елден. Тағы да табын Бөкенбай батыр туралы. // Ана тілі газеті. 2008 жыл 13 наурыз. 12 б.; Соныкі, Жоламан батыр. // Алдаспан. — 2008 — № 3,4. — 2–4 бб.
55. Байдосов, З. Табын Бөкенбай батырдың бейіті табылды. // Ақтөбе газеті. — 2003 жыл 20 қараша. 18 б.
56. Жетпісбай, Н. Ы. Бөкенбай батыр жөнінде № // Алаш. Тарихи-этнологиялық ғылыми журнал. — 2006. № 1. 71–81 бб.; Соныкі, Табын Бөкенбай батыр: XVIII ғасырдың алғашқы жартысындағы көрнекті мемлекет қайраткері. // Ақтөбе газеті. 2006 жыл 7 желтоқсан 16–17 бб.
57. Оразбаева, А. Дәстүрлі қазақ қоғамына тән билер институты. — Алматы: Дайк-Пресс, 2004. — 206 б.
58. Жақсығалиев, Ж. Әбілқайыр ханның саяси-мәмлелерлік қызметі: 07.00.02. — Тарих ғылымдарының кандидаты... диссертациясы. Орал, 2003. — 183 б.
59. Исмурзин, Ж. А. Батырұлы Қайып хан және оның әулетінің тарихы (1745–1860 жж.): 07.00.02. — Тарих ғылымдарының кандидаты... диссертациясы. — Орал, 2008. — 189 б.
60. Құрманалин, С. Б. 1847–1858 жылдардағы Есет Көтібарұлы бастаған ұлт-азаттық көтерілісі: 07.00.02. — Тарих ғылымдарының кандидаты... диссертациясы. — Орал, 1999. — 173 б.
61. Джампеисова, Ж. М. Функционирование традиционных властных институтов казахов в колониальной системе Российской империи: дис...канд.ист.наук: 07.00.02. — Алматы, 2004. — 159 с.

Рожденные править: детское правление во Франции в конце XVIII — начале XIX века

Капорина Юлия Витальевна, студент
Кубанский государственный университет

Объектом нашего исследования является феномен детского правления. Предметом работы является детское правление во Франции конца XVIII — начала XIX века. Цель работы — проанализировать причины несостоявшегося правления Людовика XVII и Наполеона II. Источники, проливающие свет на феномен детского правления, довольно разнообразны: это мемуарная литература, юридические акты, иллюстративные источники, монеты. Методы, использованные в исследовании: системный, историко-сравнительный, описательный.

Феномен детского правления возникал во многих государствах с монархической формой правления в разные исторические эпохи. Во Франции благодаря сочетанию салического закона, принципа «не пустующего трона» и представлению о сакральной природе королевской власти, восходящей к «королям — чудотворцам», появление детей — монархов стало особо частым явлением. За 805 лет правления династии Капетингов — Валуа — Бурбонов 35 % правителей получили корону не достигнув совершеннолетия (с XIV века — 13 лет). Причем, после смерти Генриха IV вплоть до восшествия на престол Людовика XVI 164 года в истории Франции каждое новое царствование начиналось правлением ребёнка.

Может показаться, что наследование правителем власти в детском возрасте — явление незначительное, обусловленное случайным стечением обстоятельств, и не имеющее значения для истории. Однако если подходить к изучению этой проблемы, используя системный метод, становится ясно, что возникновение феномена детского правления — естественный процесс, обусловленный сочетанием ряда факторов. Их всего 8:

- 1) Семейно-брачная политика монарха
- 2) Здоровьесберегающий (т. е. соотношение развития медицины и методов ухода за детьми с уровнем эпидемиологических заболеваний)
- 3) Внутриполитический
- 4) Внешнеполитический
- 5) Юридические нормы, регулирующие передачу власти и возраст совершеннолетия
- 6) Религия
- 7) Образ жизни монарха
- 8) Заинтересованные политические силы, стоящие за фигурой правителя — ребенка.

Правление коронованного ребёнка может развиваться по двум сценариям: либо он благополучно проходит период несовершеннолетия, сохраняя власть, либо всю жизнь является лишь номинальным правителем. Именно этот сценарий прошли герои нашего исследования — Людовик XVII и Наполеон II.

Луи Шарль родился 27 марта 1785 года и был всего лишь «запасным» наследником Людовика XVI. Его появ-

ление на свет в праздник Пасхи и крепкое здоровье были знаком, обещавшем ему долгую жизнь и корону Франции вместо болезненного старшего брата. Любопытно, что факт его рождения зафиксирован в письме Наполеона Буонапарте родным на Корсику [4, с.41].

В искусстве 80-х гг. XVIII стал активно создаваться образ святого семейства — идеализированные портреты королевской семьи, где семейная гармония отражала бы процветание Франции.

Смерть старшего сына Людовика XVI стала одной из предпосылок Великой французской революции: закрытый в знак траура зал заседаний третьего сословия и отказ Людовика XVI участвовать в работе Генеральных штатов подвигнул депутатов собраться в зале для игры в мяч. Так, Луи Шарль стал наследником французской короны в самом начале революции. Ему было всего 4 года. Несмотря на то, что он был всего лишь ребёнком, вокруг него концентрировались важные вопросы революции и развивались её веховые события. Одним из вероятных сценариев развития революции в 1789—1791 годах было отречение Людовика XVI в пользу сына, а вопрос о регентстве над Луи Шарлем активно обсуждался и роялистами и Национальным собранием, этот вопрос был одним из ключевых в Конституции 1791 года. Жирондисты подготовили для него специальную программу воспитания, которая обсуждалась в Национальном собрании [9, с. 413]. Вареннский кризис был вызван в первую очередь необходимостью спасения наследника, а не самого короля! Именно с юным Луи Шарлем Франция связывала своё будущее в 1791 году: «Да здравствует наш маленький король!» — кричала толпа, замечая его в садах Тюильри [9, с.457]. После упразднения монархии фигура Луи Шарля не потеряла своего значения — наоборот, он стал только опаснее. Как свидетельствуют мемуары Марии Терезии, в Тампле к положению юного дофина проявляли гораздо больше внимания, чем к самим королям, присматриваясь и предавая значение каждой мелочи [7, с. 15—17, 21, 25—30]. После казни отца в глазах всех дворов Европы он стал королем, однако знаменитая сцена, в которой Мария Антуанетта и все узники Тампля преклонили перед ним колени — миф, как убедительно доказала А. Фрезер [9, с.516—517].

Опасаясь за свои жизни, они не провозглашали его королем! Вопрос Луи Шарля был ключевым в процессе над Марией Антуанеттой. Возможно, у якобинцев даже существовали планы учредить регентство над маленьким королем [1, с.315]: Мария Терезия сохранила свидетельства об их посещении Робеспьером [7]. Такие планы существовали и у Директории. В 1794–1795 гг. был пик роялистских настроений во Франции, а положение Луи Шарля было ключевым в их внешней политике. Конвент через своих уполномоченных вел переговоры сразу по трем направлениям: с роялистами — о провозглашении Людовика XVII королем; с руководителями вооруженного роялистского сопротивления, требовавшими вывоза дофина к армиям в Вандею и Бретань; и с Испанией, ставившей условием заключения мира выдачу детей Людовика XVI [1, с.316]. 8 июня 1795 года в Тампле от туберкулеза умер маленький король Людовик XVII, проведя в заключении большую часть своей жизни. Но после смерти его имя не потеряло своего значения: Людовик XVIII был легитимен только как наследник умершего племянника. Поэтому он начинает выпускать монеты, на реверсе которых стояла дата смерти Людовика XVII. Обстоятельства смерти короля — ребёнка были настолько таинственными, что сразу возникли слухи о том, что его просто спрятали и удерживают в своих интересах члены Директории. Среди его спасителей фигурируют имена Барраса, Тальена и даже будущей императрицы Жозефины. В последующие годы появились десятки претендентов, выдававших себя за Людовика XVII, самым знаменитым из которых был Карл Вильгельм Наундорф — сегодня около 80 его потомков претендуют на происхождения от королей Франции. Исследованию этого вопроса до сих пор посвящают исследования как зарубежные, так и отечественные историки [8, 10, 11]. Любопытно, что Людовик XVII стал последним королем, упокоившимся в Сен — Дени: в 2004 году в присутствии коронованных особ Европы и транслации телевидения там похоронили его сердце.

Рождение Наполеона Франца Шарля в 1811 году стало самым долгожданным и счастливым событием в жизни Наполеона I. Маленький Наполеон уже родился королем — отец создал для него королевство на бывших землях папы Римского — и однажды должен был унаследовать его огромную империю. Символы королевского величия окружали его с первого дня жизни: город Париж преподнес ему роскошную колыбель из красного дерева, золота, перламутра, эмали, богиня Ника держала шелковый полог, а имперский орел сидел в ногах. Его укрывали одеялом, усыпанным золотыми пчелами; по всей империи рассылали медали с его изображением в подарок королям; придворные художники создавали многочисленные картины и гравюры, создавая образ святого семейства. Наполеон II соединил в себе родословную Габсбургов, красоту Марии Антуанетты и легендарную славу отца. Все обещало ему прекрасное будущее. Когда он только родился, Наполеон, стоя у его роскошной колыбели сказал: «Я завидую ему, потому что слава ждет его, а мне приходилось бегать за

ней! Я буду, как Филипп; он будет, как Александр. Чтоб завладеть миром, ему нужно лишь протянуть руку» [5, с.49]. Он стал частью наполеоновской пропаганды. Интересны открытка и гравюра 1812 года. На открытке он изображен лежащим в имперской колыбели на одеяле с золотыми меровингскими пчелами — это отсылка к древнему преданию о богоизбранном младенце. В руке у него орден Почетного легиона, за одеялом выглядывает корона, а на заднем плане его владения — Рим. Гравюра имела подпись «Я молюсь за отца и за Францию». Наполеон рассылал эти гравюры не только в своей армии, но и послал экземпляр дедушке — императору Францу I, в надежде, что австрийский император вспомнит об их союзе. Несмотря на проигрыш Наполеона в военных компаниях 1812–1815 годов, у его сына были шансы занять престол Франции и сохранить её в пределах 1792 года. После взятия Парижа союзникам всё ещё нужно было отречение Наполеона от трона, поэтому в апреле 1814 Александр I был согласен поддержать право на престол Наполеона II [5, с.113–115]. На этом этапе сына подвела Мария Луиза, которая, забрав мальчика, уехала к отцу. После второго отречения Наполеона в пользу сына, 23 июня 1815 года Наполеона II провозгласили императором Франции [5, с. 176–179]. Успели даже отчеканить новую партию монет от 5 сантимов до 5 франков с надписью: «Наполеон II, император Франции»! Но после проигрыша при Ватерлоо никто не верил в империю Наполеонов, их предали высшие сановники, переметнувшись к Людовику XVIII [5, с. 179]. А маленький король теперь рос в Вене под присмотром дедушки Франца Ии Клеменса фон Меттерниха. Они лишили его титулов, французского языка, имени Наполеон и любой информации об отце. Его содержали на «чрезвычайно особом положении», как выразился Меттерних, к нему не допускали никого из окружения отца. Его никогда не выпускали из пределов Австрии, даже когда он заболел туберкулезом, и врачи рекомендовали ему более теплый климат. За ним постоянно шпионили, у него почти не было друзей. Согласно воспоминанием Маршана, последние слова Наполеона перед смертью на Святой Елене были о сыне. Только после кончины Наполеона его сыну позволили читать о нём. Любопытно, что он изучал своего отца так же, как любой историк: он читал мемуары его приближенных со Святой Елены! Согласно завещанию, наследством Наполеона II была не французская империя, для которой он был рожден, а любовь к французскому народу и обещание никогда не воевать против неё. Сын легендарного полководца хотел построить военную карьеру в австрийской армии и сделать то, что не удалось отцу — покорить Россию [5, с.292]. В начале 1830-х гг. у Наполеона II было несколько шансов занять престол: в Греции, Польше, Италии. Но не во Франции. Несмотря на то, что бонапартисты пользовались его именем, создавали пропагандистские пьесы, гравюры, печатали портреты герцога на носовых платках, флаконах духов и брелоках, Франция не знала молодого Наполеона, а бонапартисты не предпринимали попыток связаться с ним. Вопрос о том,

чтобы посадить внука на другой престол, даже не обсуждался Францем Ии канцлером Меттернихом: с одной стороны, Австрийской империи пригодилась бы новая союзная держава, но с другой, сам Франц Рейхштадский был слишком независимым и трудноуправляемым — Меттерних и император Франц просто боялись давать ему трон! Смерть молодого Наполеона от туберкулеза избавила их кошмара возрождения наполеоновских войн. Дедушка Франц так отозвался о смерти внука: «Я глубоко опечален его смертью, но не могу не думать, что так будет лучше и для него и для монархии...С его неудачным характером, мы могли ожидать самого худшего. Пока я жив, бояться нечего, но он мог доставить много неприятностей моему сыну. Он придерживался самых порочных политических принципов, хотя никому так и не удалось узнать, кто внушил их ему» [5, с. 382]. По иронии судьбы, тело любимого сына Наполеона вернулось во Францию в 1940 году по желанию Адольфа Гитлера, причем ровно через сто лет после возвращения останков Наполеона с острова Святой Елены [5, с. 387–388].

Таким образом, в конце XVIII — начале XIX века мы наблюдаем два претендента несостоявшегося детского

правления — Людовика XVIIи Наполеона II. Оно стало возможно из — за кризиса политического режима: режима Старого порядка и Первой империи. Власть могла оказаться в руках ребенка благодаря семейно — брачной политике Людовика XVIи Наполеона: именно по этой причине к моменту обострения кризиса они не имели взрослых наследников, способных принять власть. Сдругой стороны, эти дети в определенный момент стали средоточием политики, они имели определенные преимущества в борьбе за власть: на их стороне были юридические нормы, в какой — то мере внешнеполитические силы и легитимность. Но им обоим не хватило поддержки влиятельных политических сил: и Людовик XVII и Наполеон II были отрезаны от своих союзников, для которых значили не больше, чем символ; их родители оказались неспособны отстаивать их права: Мария Антуанетта и Мария Луиза даже намеренно не стали этого делать. Самые влиятельные политические силы того времени оказались настроенными против них: это и нерешительность Директории и прямое противодействие Меттерниха. Но последнюю точку в истории их несостоявшихся правлений поставила самая распространенная болезнь того времени — туберкулез.

Литература:

1. Бовыкин, Д. Ю. Людовик XVII: Жизнь и легенда/Д. Ю. Бовыкин//Новая и Новейшая история. -1995. -№ 4.
2. Бовыкин, Д. Ю. Людовик XVII: Жизнь после смерти/Д. Ю. Бовыкин//Мир генеалогии. -1997.
3. Бовыкин, Д. Ю. Смерть Людовика XVII: архив герцога де ля Фара/ Д. Ю. Бовыкин//<http://larevolution.ru/Vovukine-3.html>. Дата обращения: 09.01.16
4. Кастело, А. Бонапарт/Андре Кастело. — М.: Центрполиграф, 2010. — 527 с.
5. Кастело, А. Сын Наполеона/ Андре Кастело. — М.:Захаров, 2007. — 672 с.
6. Манфред, А. З. История Франции в 3-х томах/А. З. Манфред, В. М. Далин, В. В. Загладин, С. Н. Павлова, С. Д. Сказкин. — М.:Наука, 1973. — 666 с.
7. Мария-Терезия-Шарлотта. Воспоминания, написанные Марией-Терезией-Шарлоттой Французской о пребывании её родных, принцев и принцесс в тюрьме Тампль с 10 августа 1792 г. до смерти её брата, последовавшей 9 июня 1795 г./WWW.vostlit.info/Дата обращения: 09.01.16
8. Серебренников, В. Загадочный эпизод Французской революции: Людовик XVII — Наундорф/ В. Серебренников. — М.:ЛКИ, 2013. — 104 с.
9. Фрэзер, А. Мария Ануанетта: Жизненный путь/Антония Фрэзер. — М.:АСТ, 2007. — 638 с.
10. Черняк, Е. Б. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки/ Е. Б. Черняк. — М.: Международные отношения, 1985. -464 с.
11. Черняк, Е. Б. Тайны Франции. Заговоры, интриги, мистификации/Е. Б. Черняк. — М.:Остожье, 1996. -512 с.

Становление войск внутренней охраны Республики РСФСР

Стрельцов Роман Вячеславович, кандидат педагогических наук, преподаватель;

Бураков Александр Юрьевич, курсант;

Синагатов Рустам Сабитович, курсант

Пермский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы, связанные со становлением войск внутренней охраны Республики РСФСР (ВОХР), раскрывается их организационно-штатная структура и задачи возлагаемые на ВОХР.

Ключевые слова: войска, охрана, снабжение, вооружение, имущество, управление, батальон.

В 1919 г. были созданы войска внутренней охраны Республики (войска ВОХР). Порядок службы в войсках ВОХР, их строевая подготовка, организация, комплектование и снабжение устанавливались по нормам и положениям Военного ведомства. Войска ВОХР состояли из бригад, полков, батальонов, эскадронов, батарей и команд различного назначения. К началу 1920 г. в них имелось 6 артиллерийских батарей, которые придавались тем формированиям войск ВОХР, которые направлялись на фронты гражданской войны. На местах части войск ВОХР были сведены в секторы, районы и участки. Территория сектора совпадала, как правило, с территорией военного округа, а границы районов определялись границами губерний. В сектор входило несколько бригад, каждая из которых обслуживала отдельную губернию. Во главе управления сектора стоял начальник, который имел права начальника дивизии.

Для частей ВОХР, состоящих в распоряжении ЧК, была издана инструкция, где в частности указывалось, что командиры батальонов «следят за сохранностью оружия, снаряжения и имущества» [1, 83].

Снабжение войск ВОХР осуществлялось органами военного снабжения через Управление снабжений войск ВОХР, которое в марте 1920 г. упраздняется, и снабжение войск ВОХР возлагается на центральное управление снабжения (ЦУС) с подчинением начальников снабжения секторов ВОХР центральному управлению снабжения по специальности. Для снабжения войск ВОХР военным имуществом образуется особая часть снабжения ВОХР: «Для снабжения войск ВОХР военным имуществом в составе моброцуса образовать особую часть снабжения ВОХР согласно объявленному при сем штату и положению».

В период реорганизации специальных войск в войска ВОХР и в ходе выполнения боевых задач снабжение войск осуществляется централизованным и децентрализованным способом. Существовали определенные проблемами в снабжении необходимыми материальными средствами. Так, в докладной записке заместителя председателя ВЧК в Реввоенсовет Республики отмечалось, что «На наши же обращения в Центральное управление снабжения, это последнее предложило нам обращаться на места в Совдепы, которые отказываются снабжать предметами довольствия или за фактическим неимением та-

ковых, или же за отсутствием соответствующих указаний и распоряжений из центра. Такие же ответы дают и губвоенкомы» [2, 213].

Следует отметить, что при появлении у белогвардейцев на вооружении танков, в войсках ВОХР были организованы занятия по устройству танков, возможностью и способам борьбы с ними. На каждый батальона было выдано по три брошюры «Что такое танки и как с ними бороться».

Вооружение происходило образцами, не предназначенными для снабжения Красной Армии. Так, Постановление Реввоенсовета республики от 26 ноября 1919 г «О пополнении войск ВОХР, занимающихся продовольственной работой» требовало: «Передать в распоряжение войск внутренней охраны всего до 20 000 винтовок из числа трофейного оружия, имеющегося на фронтах и не предназначенного на вооружение Красной Армии, а также винтовки, коими вооружена милиция». Отмечалось также, что «остро стоит вопрос о снабжении войск внутренней службы вооружением. На требование об отпуске оружия для формируемых взамен переброшенных на Украину и Кубань батальонов, предназначенных для обслуживания губчека, последовал отказ с указанием, что впредь до выполнения программы снабжения Запфронта ничего дано не будет» [3, 90].

«По данным учета на 25 января 1920 г. в войсках ВОХР значилось: винтовок 3-линейных — 7386; винтовок прочих — 75345; пулеметов — 473; орудий — 10; револьверов — 3392; шашек, сабель — 2275». И это на более чем 100 000 человек. Оружия явно не хватало. По состоянию на 1 января 1920 г. в войсках ВОХР было 6 батарей: «в Московской губернии было 2 артбатареи, в Уфимской губ. — 1 батарея, по одной батарее в батальонах обслуживающих Смоленскую, Ярославскую и Саратовскую губернии».

Планы снабжения войск ВОХР военным имуществом утверждает «главный начальник снабжения» по соглашению с начальником войск ВОХР. Временно устанавливается следующий порядок истребования имущества: «На основании сводных требований управлений снабжения секторов ЦУСом при составлении общего плана выделять соответствующую часть имущества для удовлетворения войск ВОХР, каковую часть и передавать подлежащим окружным довольствующим управлениям исключительно для отпуски частям ВОХР с воспрещением из высылает-

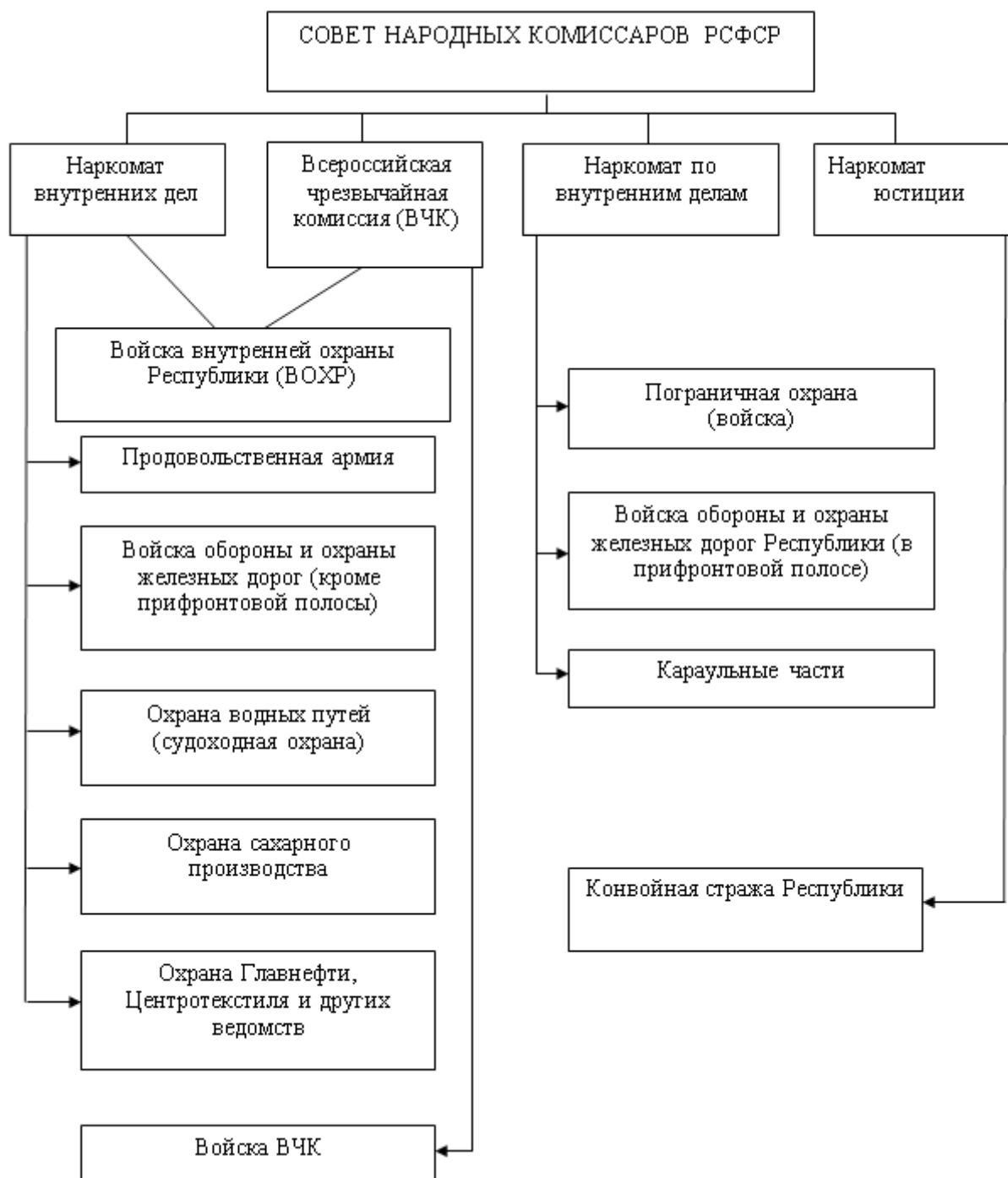

Рис. 1. Состав внутренних войск РСФСР в 1919–1920 гг.

мого в потребность войск ВОХР имущества удовлетворять потребность каких бы то ни было частей и учреждений других ведомств. Это имущество может храниться на складах окружных управлений вместе с имуществом, подлежащим выдаче другим частям, но до момента выдачи должно держаться на особом учете».

Таким образом, войска ВОХР стали снабжаться через особую часть снабжения и окружные довольствующие управления с соответствующих окружных складов.

В апреле 1920 г. войска ВОХР стали резервом действующих армий и подлежали, за исключением частей об-

служивающих ВЧК, реорганизации по штатам Красной Армии. Комплектование войск производилось исключительно Народным комиссариатом по военным делам по плану, составленному начальником войск ВОХР и утвержденному Советом Труда и Оборона [4].

Начальник снабжений войск ВОХР подчинялся непосредственно Военному совету внутреннего военного округа и пользовался правами начальника снабжений армий и флота. При начальнике снабжений состояли помощники, на которых возлагалось заведование отдельными отраслями управления, причем один из помощников

является во всех подлежащих случаях заместителем начальника снабжений. Управление снабжений подразделялось на отделы, а они — на отделения.

Для подготовки младшего комсостава для войск ВОХР Республики в июне 1920 г. организуются бригадные школы, «которые должны быть вооружены винтовками одного образца, каковые надлежит передать школам на постоянный учет; для обучения переменного состава в школе иметь винтовки разных систем, ручные гранаты, бомбометы и другое огнестрельное оружие, существующее в Красной Армии, а так же все учебные пособия». Части ВОХР, ве-

дущих борьбу с бандитизмом, снабжались «боеприпасами и другими боевыми материалами, из армейских баз в необходимом для них количестве». Однако, следует отметить, что они очень слабо были вооружены пулеметами: «части ВОХР, выполняющие почти всю работу по борьбе с бандитизмом, крайне слабо вооружены пулеметами. Так, на 500 человек приходился один пулемет».

Таким образом, войска внутренне охраны Республики выполняли задачи по охране важных государственных объектов, несли конвойно-караульную службу и во многом заложили основу современных внутренних войск.

Литература:

1. Внутренние войска Советской республики. Документы и материалы. М., «Юридическая литература», 1972. — с. 83.
2. Иванов, В. С., Стрельцов Р. В., Костин А. М. Техническое обеспечение внутренних войск в дореволюционный период до 1917 года / Научный альманах, 2016. № 1–3 (15). с. 213–216.
3. История внутренних войск. Том 2 (1917–1941 гг.). Издание 2-е, дополненное: Военно-исторический труд. — М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013. — с. 90.
4. Приказ чрезвычайного уполномоченного совета Рабоче-Крестьянской Обороны по снабжению Красной Армии и Красного Флота о реорганизации органов снабжения войск ВОХР № 382, г. от 15 марта 1920 г.

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Общекультурные процессы развития бурятского общества и Копыловы из династии священнослужителей Иркутской епархии

Алтаева Алина Эдуардовна, аспирант
Восточно-Сибирский государственный институт культуры

Ключевые слова: Иркутская духовная семинария, династии священнослужителей, П. Г. Копылов, Б. Н. Вампилов, писатель А. В. Вампилов, И. Л. Копылов, Р. С. Мэрдыгеев, бурятская народная школа, бурятское изобразительное искусство.

Современная историческая наука остается неполной без сведений о деятельности представителей духовной школы Восточной Сибири с середины XIX до первой трети XX вв. Хотя именно священнослужители дореволюционной России принимали активное участие в общеобразовательных процессах развития общества. Но исследований, выявляющих роль династий священнослужителей в становление народной школы, изобразительного искусства, науки и культуры Бурятии в рассматриваемый период, ранее не проводилось.

Некоторые аспекты данной темы рассмотрены во вступительной статье сборника ««Провинциальная наука»: этнография в Иркутске в 1920-е годы». А. А. Сирина отмечает, что с начала XIX века общеобразовательные процессы Восточной Сибири формировались под влиянием духовной школы. Выпускник духовной семинарии Е. И. Титов (член Союза писателей СССР) писал «из ее стен вышли революционеры, артисты, поэты, философы, ученые и художники. Из нее кроме того выросли просто образованные люди, роль которых в ... сибирской общественности можно учить, закрывши глаза». Среди преподавателей семинарии были такие исследователи, как маньчжуровед Орлов, монголист Подгорбунский, позднее — Одинцов, Виноградов, Малышев, Копылов [1, 13].

Задачи распространения православного вероучения среди бурятского населения определяли необходимость изучения священнослужителями местных обычаев, традиций и обрядов. В силу специфики своей деятельности миссионеры, несомненно, знали основы бурятского языка. Становление бурятской школы шло под патронажем священнослужителей.

Исследователь народной школы Андреев В. И. указывает, что когда в 1878 году учитель и этнограф М. Н. Хангалов закончил составление учебника под названием «Первая учебная книга бурятско-русского языков», ре-

цензентом рукописи учебника был священник Копылов. Как знаток монгольского языка он, в целом положительно оценивая учебник Хангалова, писал: для его употребления на практике в инородческих бурятских школах требуется тщательное рассмотрение и переделки применительно к педагогическим правилам Ушинского и Корфа [2].

По архивным материалам видно, что представители Иркутской епархии были связаны с подготовкой первых профессиональных кадров бурятского учительства.

Савранна Яковлевна Ербанова (1903–1987), выдающийся общественный деятель Бурятии, в своих воспоминаниях пишет, что непосредственное участие в судьбе первой бурятской учительницы, принял священник Прокопий Копылов. В 1894 г. при поддержке Матвея Николаевича Хангалова, на учебу в Малышевскую церковно-приходскую миссионерскую школу Иркутской губернии была направлена Евгения Данчинова. Священник и его жена Мария стали крестными Евгении, так дочь Сойбона получила отчество Прокопьевна [3, 1].

Для бурят XIX века крещение было вызвано необходимостью получения образования. Базыр Николаевич Вампилов (отв. секретарь партколлегии КПК при ВКП(б), сотрудник Центрального музея истории религии и атеизма СССР) в работе автобиографического и историко-этнографического плана привел обстоятельства крещения своего отца Нихо (Николая) Вампилова. Так как массовое крещение в честь трехсотлетия царствования дома Романовых, носило формально-принудительный характер. То соответственно в традиционном обществе складывалась ситуация, когда одновременно буряты чтили три религии. Улус Аларь, где родился Б. Н. Вампилов, славился на всю округу красивым дацаном, белокаменной церковью, а его жители регулярно проводили *тайлганы* [4, 22].

Династия священнослужителей Копыловых из Иркутской епархии связана с именем советского писателя Александра Вампилова (1937–1972). Родной дед Александра

Вампилова по материнской линии — Прокопий Георгиевич Копылов (1873—1938) был родом из села Кимильтей.

Официальная дата появления села Кимильтей, согласно документам — 1696-й год. Краеведы же считают, что поселение возникло раньше. По крайней мере, известно, что на этой земле жили бурятские племена.

О возникновении названия села сложилась легенда: «Жили на берегу реки два брата, буряты — Ким и Тей. Пасли на прибрежных лугах свой скот и из-за выпасов часто спорили между собой. Когда же проезжавшие по дороге люди спрашивали: «Чьи это гурты?», им отвечали: «Не знаем, Кима или Тей». Поэтому люди и стали называть это место Кимильтей».

С началом началось освоение Сибири, бурят постепенно оттеснили. Пришлые казаки женились на бурятках. Прадед писателя похоронен на местном кладбище, а его дед, Прокопий Копылов, начинал служить в кимильтейской церкви, затем уехал в Иркутск, работал в кафедральном соборе и преподавал Закон Божий в гимназии [5].

Другой прадед драматурга Африкан Федорович Медведев (1855—1895), сын православного миссионера, был священником в селе Нукуты в Приангарье. Его сын Иннокентий получил образование филолога в Санкт-Петербургском университете, знаток русской и западноевропейской литературы, славянских и некоторых других языков, много лет занимался педагогической деятельностью.

Дочь Александра Африкановна (1877—1969) окончила Иркутское епархиальное училище с дипломом домашней учительницы, прожила большую, содержательную, не лишённую бед, тревог и забот жизнь. Ее муж Прокопий Георгиевич Копылов и зять Валентин Никитич Вампилов погибли в репрессиях 1937—1938 гг. [6].

Отец писателя В. Н. Вампилов (1898—1938) учился в Аларском двухклассном училище, проявляя большие способности. Валентин в семилетнем возрасте потерял отца и стал главой семьи. Его мать Табханю одна вела домашнее хозяйство, тратя много сил, чтобы прокормить, обустроить и вырастить младших сыновей. Шила унты, ичиги, выделывала овечьи шкуры и мяла кожу. Валентин учился в иркутской гимназии. Особенно увлекался русским языком и литературой. Приезжал «домой в гимназической форме, на нас — улусных ребят — это производило особенно сильное впечатление» [4, 25].

Родственники писателя Александра Вампилова по отцовской стороне были священнослужителями Аларского дацана. Роман Владимирович Вампилов до революции принимал участие в проектировании Санкт-Петербургского буддийского храма. Его сын Андрей Романович Вампилов уже в 1970-е годы проектировал и осуществлял авторский надзор за возведением Главного дугана Иволгинского дацана, позднее им были спроектированы и другие культовые сооружения Бурятии [7, 87].

Духовенство Иркутской епархии испытало влияние всех социально-экономических и политических изме-

нений в жизни общества от начала XIX до трагических событий первой трети XX вв. В 1901 г. в духовной семинарии произошла забастовка против произвола начальства, и с 1 марта 1901 она была закрыта на 8 месяцев. Ректор, архимандрит Алипий, был смещен. Учащиеся выпускали рукописный журнал «Забастовка», отпечатанный на гектографе бюллетень тиражом 300 экз., была создана касса взаимопомощи, среди населения собирали средства в пользу неимущих учащихся. Семинария была закрыта в 1918 г. [8].

По времени это совпало с открытием Иркутского университета. Который стал основой развития советского образования, науки и высшей школы всего региона [1, 13].

Первые ученые университета и коллекционеры Б. Э. Петри, А. Н. Турунов, С. Н. Дудин, Ф. Э. Карантонис, П. П. Хороших проявляли внимание к изобразительному творчеству коренных народов Сибири, ламаизму и шаманству, детскому рисунку. В декабре 1922 г. состоялась выставка «изобразительных искусств монголо-бурят», устроенная ВСОРГО. На открытии выставки были прочитаны публичные лекции. Первая лекция Б. Э. Петри «О значении изучения народного искусства». Вторая лекция «Орнаментальное искусство (потенциальные творческие силы народов и искусство городов)» была прочитана заведующим первой иркутской художественной мастерской-студией Иваном Лавровичем Копыловым (1883—1941) [1, 36].

Хотя Иван Лаврович был из семьи священнослужителя из Алари, он выбрал свой путь, успешно реализовался вне сословной деятельности, стал основоположником художественной школы Сибири. С 1903 по 1908 был членом РСДРП, активно включился в революционную борьбу, работая агитатором и пропагандистом. В январе 1904 был арестован в Петербурге и после четырехмесячного заключения выслан в Восточную Сибирь на 2 года. Из Казанской духовной академии и художественного училища был исключен «за неблагонадежность». В январе 1905 совместно с М. А. Рутченко—Короткоручко открыл в Иркутске недолго просуществовавший класс рисования при Обществе распространения народного образования и народных развлечений. После амнистии отправился в Петербург для продолжения художественного образования. Учился в мастерской С. М. Зейденберга (1905—1906), одновременно продолжая заниматься революционной работой. В 1906 уехал во Францию, учился в парижской Академии Жюльена (у Ж. П. Лоранса). В 1908 порвал связь с РСДРП, примкнул к анархистам—индивидуалистам, оставаясь на их позициях до конца 1920-х. [9].

И. Л. Копылову выпускнику Иркутской семинарии, принадлежит заслуга в проникновении этнографической тематики в изобразительное искусство и в возникновение интереса к детскому рисунку бурят и якутов. Он ввел в своей художественной студии специальный курс этнографии местного края (читал курс безвозмездно Г. С. Виноградов), установил контакты с ВСОРГО и этнографи-

ческим отделением педфака. В его художественной студии учился студент Иркутского университета Роман Сидорович Мэрдыеев (1900–1969) [1, 36–37].

Р. С. Мэрдыеев был членом бурят-монгольской секции ВСОРО. Опубликовал несколько статей по этнографии бурят. В 1928 г. побывал вместе с П. Данбиновым в Эгитуйском дацане для изучения буддийского искусства. Основоположник бурятского изобразительного искусства, наряду с А. Е. Хангаловым, Ц. С. Сампиловым. Народный художник Бурятии. Отв. секретарь Союза художников Бурятии. Кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». В 2001 г. имя Р. С. Мэ-

рдыеева присвоено детской художественной школе г. Улан-Удэ [1, 430–431].

Таким образом, по материалам проведенного исследования можно заключить, что духовенство Иркутской епархии формировало общекультурную среду, внесло значительный вклад в развитие народного образования, науки, искусства и культуры Бурятии, Восточной Сибири и России. Образованная и социально активная часть духовенства, реализовывалась за пределами сословно-профессиональной деятельности, занимаясь широким спектром научно-исследовательских, краеведческих и этнографических работ.

Литература:

1. «Провинциальная» наука: этнография в Иркутске в 1920-е годы / избранные статьи / сост., автор вступит. статьи и библиографического словаря Сирина А. А. — М. — Иркутск, 2013. 464 с., ил.
2. Андреев, В. И. О Хангалове. История бурятской школы (1804–1962 гг.) <http://rubur.ru/article/andreev-vi-o-khangalove-istorija-burjatskoi-shkoly-1804-1962-gg?page=6> (дата обращения 19.12.15.)
3. Национальный архив Республики Бурятия, фонд Р-2188, опись 1, дело 46, лл. 6.
4. Вампилов, Б. Н. От Алари до Вьетнама / Вампилов Б. Н. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. — 237 с.
5. Зиминский район: там, где пасли стада Ким и Тей. http://irkipedia.ru/content/ziminskiy_rayon_tam_gde_pasli_stada_kim_i_tey. (дата обращения 04.05.16.)
6. Памяти Александра Вампилова. Из книги Мир Александра Вампилова: Жизнь. Творчество. Судьба: Материалы к путеводителю. Иркутск: Издание ГП «Иркутская областная типография № 1», 2000. <http://www.lib23.irk.ru/vampilov6.htm> (дата обращения 27.04.16.)
7. Соктоев, В. Р. История развития строительной отрасли республики Бурятия (очерки) / Соктоев В. Р. — Улан-Удэ: Изд-во «Буряад Үнэн», 2013, — 192 с.
8. Иркутская духовная семинария http://irkipedia.ru/content/irkutskaya_duhovnaya_seminariya дата обращения 27.04.16.
9. И. Л. Копылов: энциклопедическая справка http://irkipedia.ru/content/kopylov_ivan_lavrovich (дата обращения 04.05.16.)

Иностранцы как субъекты предпринимательской деятельности в России первой половины XIX в.

Асфандиярова Алсу Анваровна, кандидат исторических наук, доцент
Кубанский институт информзащиты

В статье рассматриваются особенности и специфика становления торгово-промышленной политики России в первой половине на примере таких субъектов, как иностранцы. Торгово-промышленная политика в указанный период времени определялась нормативно-правовыми актами. Законодатель регулировали его только силой своей власти. Иностранцы представляют интерес с той точки зрения, что они представители других государств и насколько они могли осуществлять предпринимательскую деятельность в России. Это являлось своего рода показателем сложившихся тенденций в данной сфере.

Ключевые слова: иностранцы, торгово-промышленное законодательство, предпринимательство.

В начале XIX в. в правительственных кругах сформировалась мысль о том, что «в основе любых практических мероприятий правительства должны были лежать научно обоснованные теоретические схемы, которые системно

охватывали бы весь спектр стоящих перед страной социально-экономических проблем и помогли бы выработать логически непротиворечивые, а главное, эффективные методики стимулирования экономического развития

России». К таким методам правительство относило, в том числе, активное стимулирование отечественного производителя через модернизацию налоговой политики государства, правовую защиту прав личности, уменьшение количества и повышение эффективности регламентирующих хозяйственную деятельность индивида нормативных актов и т. п. Таким образом, деятельность властей в сфере законотворчества признавалась одним из приоритетных направлений формирования торгово-промышленной политики государства.

Вплоть до начала XX в. самодержавие в России являлось главной мобилизующей силой, подчинявшей своей воле общественные интересы во имя обеспечения целостности и безопасности страны. Однако с течением времени узы, скреплявшие имперское пространство, начали слабеть. В XIX в. самодержавие столкнулось с новой и, как выяснилось, неустраимой опасностью — нараставшей общественной оппозицией. В придворных сферах и в среде высшей бюрократии появилась устойчивая тенденция к поиску средств обновления имперского строя, и политическая жизнь Российской империи превратилась в своеобразный полигон испытаний. Каждое новое царствование пыталось установить свою меру в соотношении традиционализма и нововведений при ведении внутренней политики. При этом чередование относительно либеральных правлений (Александра I) с относительно консервативными (Николай I) было вполне закономерным. Недостатки того и другого курсов в жизни Российской империи проявлялись отчетливо. Твердое стремление к сохранению традиционных устоев могло на определенное время обеспечить политическую стабилизацию режима, но оно же очень быстро оборачивалось застоєм общественной жизни, а вслед за этим — обострением проблемы хронической отсталости страны. И, напротив, проведение либеральных преобразований сопровождалось экономическим и социально-политическим оживлением, однако при этом возникали непредвиденные угрозы целостности империи.

Регулирование процессов торговли и промышленного производства в Российской империи первой половины XIX в. осуществлялось государством через торгово-промышленное законодательство. Законы определяли основные направления торгово-промышленной политики государства и способы ее реализации.

Российское торгово-промышленное законодательство представляло собой совокупность норм, определявших, с одной стороны, отношение власти к торговле и промышленности, с другой — взаимные отношения предпринимателей между собой и с третьими лицами. Торгово-промышленное право распространяло свое действие на предпринимателей, рабочих, промышленные заведения и торговые предприятия.

Нормативно-правовые акты, касавшиеся торговли и промышленности, издавались под различными названиями: манифесты, указы, регламенты, учреждения, наставления, инструкции, положения, указы, жалованные грамоты. При этом под одним названием издавались акты,

устанавливавшие новые правовые нормы и акты, связанные с их применением, с распространением на новые категории населения, новые территории. Статья 53 Основных законов изданий с 1832 по 1892 г. объявляла: «Законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного Совета и докладов, удостоенных Высочайшего утверждения. [1]

Таким образом, все эти нормативно-правовые акты, регулировавшие торгово-промышленные отношения в первой половине XIX в., юридически имели одинаковую силу, не различались между собой по степени важности. При этом характерными чертами русского торгово-промышленного законодательства продолжали оставаться сословность, противоречивость. Многие нормы права носили всего лишь декларативный характер. Следствием этого стало появление узаконений дополняющего характера. В государстве в первой половине XIX в. наметилось формирование торгово-промышленной политики через нормотворческую деятельность. Мотивами появления большинства законов в отношении торгово-промышленной сферы экономики были фискальные интересы; внешнеполитическая ситуация; колебания власти между объективной необходимостью промышленного развития страны и желанием сохранения устоявшихся социальных отношений в стране.

Закон наделял правом заниматься торгово-промышленной деятельностью как физические, так и юридические лица. Под физическими лицами, осуществляющими торгово-промышленную деятельность, в данной работе нами понимаются индивидуальные субъекты — купцы, мещане, помещики-дворяне, казаки, крестьяне, иностранцы. Представленность этих категорий в законодательстве, а, следовательно, и гарантированный объем их прав и обязанностей был не одинаков.

Участники торгово-промышленной деятельности различались правовым статусом, сословными правами и обязанностями и степенью участия в коммерческих операциях. Возможности одних субъектов были до мелочей расписаны и детализированы, а других лишь тезисно определены. В законодательстве объем торгово-промышленных прав, предоставляемых купцам, мещанам и крестьянам, в некоторых случаях совпадал. И, наоборот, правоспособность таких категорий как дворяне, иностранцы, казаки в законе была четко обозначена и разграничена. Во второй половине XIX в. можно было довольно четко увидеть следствие тех процессов, начало которым было положено в первой половине XIX в. Совпадение правовых норм а, следовательно, объема прав купцов, мещан и крестьян свидетельствовало о становлении буржуазных отношений. Шло постепенное размывание сословных границ и постепенное становление единого класса предпринимателей.

Иностранцы, как субъекты предпринимательской деятельности, являлись представителями других государств, ведущих на территории России торгово-промышленную

деятельность. Государство понимало и признавало права иностранцев на занятия торговлей и промышленностью. Подтверждением этому служит количество законов — 41 (12,5 % от торгово-промышленных законов в отношении физических лиц), принятых в отношении иностранцев в первой половине XIX в. Первым нормативно-правовым актом, определяющим правоспособность иностранцев в первой половине XIX в., был манифест Александра I «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению предприятий» от 1 января 1807 г. [2] В разделе 3 данного манифеста иностранцам, принявшим российское подданство, разрешалось записываться в гильдии и, следовательно, пользоваться всеми правами российского гильдейского купечества. Особо отмечалось, что незаписанные в гильдии не имеют право пользоваться льготами русских купцов. Для записи в российское купечество они должны были представляться Сенату. [3] Манифест подразделял иностранцев, ведущих торговлю, на две категории: «гость» и «купец заезжий». Они отличались суммой выплачиваемых со своей торговой деятельности налогов. «Гости» имели неполное гражданство и должны были платить 1,25 % с капитала свыше 50 тысяч руб. «Заезжие купцы» могли торговать на иностранной бирже или таможенной черте. Они платили 1,25 % с 25 тысяч руб., если торговали более шести месяцев. Им предоставлялось только право оптового торга. Кроме того, они могли иметь дома в городе и за городом, заводить, приобретать, содержать фабрики, заводы, мануфактуры с вольнонаемным трудом. [4] Иностранным ремесленникам предоставлялось право или вступать в русские цехи, или образовывать свои собственные. [5] Указом от 12 августа 1818 г.

иностранцы в обеих столицах (Москве и Санкт-Петербурге) должны были записываться исключительно в иностранные цехи. [6] Это было сделано для того, чтобы привлекать иностранных мастеров из-за границы. Иностранные мастера, таким образом, сосредотачивались в одном месте и могли составлять конкуренцию русским ремесленникам. Указом от 19 декабря 1825 г. иностранцам дозволялось заниматься ремеслами во всех городах Российской империи. [7] С 1834 г. с иностранцев начали взимать штраф за производство «розничной торговли не своего изделия». [8]

Таким образом, государством осуществлялся строгий контроль за каждым иностранцем-предпринимателем. Объем получаемых ими прав и льгот напрямую зависел от наличия российского подданства, при этом учитывался каждый иностранец, получивший подданство. В существовавшем законодательстве явно прослеживалось стремление власти ограничить роль иностранцев во внутренней торговле России, в целях исключения их конкуренции с русскими купцами.

Государство постепенно отходило от традиционных принципов регуляции этой важнейшей отрасли экономики и переходило к буржуазным. Если в начале XIX в. основным субъектом торгово-промышленного права было купечество, а дворянство получало от государства привилегии в осуществлении торговли и промышленности, то к 1850 г. ситуация изменилась. Торгующие крестьяне и мещане начали теснить купцов на внутреннем рынке и в производственной сфере. Роль иностранцев в торгово-промышленной политике России в указанный период была незначительной и скорее декларативной, чем что-то определявшей.

Литература:

1. Лазаревский, Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1910. с. 35.
2. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIX. № 22418.
3. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XL. № 30500.
4. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIX. № 22418.
5. Пажитнов, К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. с. 103.
6. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXV. № 27467.
7. ЦГИА РБ. Ф. И — 138. Оп. 1. Д. 1662. Л. 70.
8. ЦГИА РБ. Ф. И — 138. Оп. 1. Д. 1662. Л. 190.

Морально-психологические аспекты коллаборационизма

Бабин Илья Эдуардович, студент

Ишимский педагогический институт имени П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета

В статье рассматриваются явления и процессы, побуждающие человека идти на сговор и сотрудничество с врагом во время военных действий, а также дается попытка анализа некоторых видов коллаборационизма, предпринимается попытка их осмысления и толкования.

Говоря о коллаборационизме, представляется необходимым дать понятие этому явлению, рассмотреть основные фазы и принципы его действия, выделить несколько важнейших форм, в которых он может протекать. Сделать это необходимо сообразно с исторической эпохой, природно-географическими условиями, а также нужно учесть морально-бытовой облик ситуации, предшествующей акту коллаборационизма. Известно, что коллаборационизм, как правило, развивается в определенных направлениях и сферах жизни человека: административной, военной, хозяйственной, политической, экономической и культурной. Существуют и иные классификации, но, поскольку для нас это не принципиально, ограничимся данными шестью сферами распространения коллаборационизма. Стоит отметить, что такую классификацию предложил отечественный исследователь, Н. М. Раманичев. Мы будем рассматривать случаи коллаборационизма, классифицируя их по сфере возникновения. Итак, приступим. Первым в нашей цепочке станет военный коллаборационизм, поскольку эта его разновидность, по нашему мнению, встречается наиболее часто. Из истории известно, что термин «коллаборационизм» изначально начал употребляться еще в самом начале XIX в., а если говорить точнее, то в 1802 году. Коллаборантами называли контрабандистов, ведущих торговлю с Англией, и оказывающих помощь монархистам. По прошествии чуть более ста лет, этот термин снова вошел в активное употребление. Связано это было с небольшим французским городком Виши, во Франции, правительство которого в период Второй Мировой войны активно сотрудничало с оккупантами в лице нацистской Германии. Впрочем, не будем углубляться в историю возникновения этого термина, ведь предмет нашего научного интереса состоит в другом. Явление коллаборации само по себе очень интересно. Хотя бы с той точки зрения, что ему могут поддаваться люди любых сословий, любого происхождения и в самых различных ситуациях. Коллаборационизм очень многогранен, поэтому не представляется возможным рассмотреть все его стороны. Каждый отдельный случай коллаборационизма — это часть жизни какого-либо человека, его нравственный выбор, который определяет, как будет далее складываться его жизнь.

Военный коллаборационизм присутствует в любой крупномасштабной войне. Мы не берем в расчет какие-либо локальные военные столкновения, ведь они, как правило, скоротечны, и в них коллаборационизм попросту

не успевает «прорасти» во всей своей многогранности. Теперь попробуем разобраться, что же побуждает людей перейти на сторону врага? Вероятно, это страх. Человек начинает иначе относиться к жизни, ценить ее, когда оказывается в атмосфере боя. Он осознает, что с минуты на минуту его жизнь может оборваться. И, вероятно, мысль об этом побуждает человека сложить оружие, и сдаться в плен. Хотя человек не может быть уверен, что его жизнь будет сохранена, он решается на этот шаг, тем самым избегая возможности гибели в бою. Но одно дело, когда отдельный солдат переходит на сторону врага, а другое, когда сдаются целыми батальонами, ротами, взводами, или даже армиями. Чем это обусловлено? Попробуем разобраться. Вероятно, дело в том, что, подобного рода массовые отступления бывают вызваны несколькими факторами:

1) Сложности в бою, обусловленные слабой моральной и физической подготовленностью солдат.

2) Плохое оснащение армии (экипировка, не соответствующая природно-климатическим условиям региона военного конфликта, некачественное или вовсе отсутствующее питание, нехватка боеприпасов).

3) Неумелое командование, приведшее к гибели огромного количества бойцов, и повлекшее за собой панические настроения среди солдат.

Вот эти причины, на наш взгляд, чаще всего побуждают солдат к дезертированию, или переходу на сторону противника. Таким образом, проблему военного коллаборационизма сочтем рассмотренной.

Следующий вид коллаборационизма, который мы попытаемся разобрать — хозяйственный, он же бытовой. Он, в отличие от военного, существовал не на поле боя, а в обычных деревенских домах, в которых врага-оккупанта принимали на постой. Давали ему пищу и кров, обеспечивали всем необходимым, да еще и давали пищи в дорогу. Почему это происходило? Попробуем максимально беспристрастно, как того требует историческая наука, разобраться в этом вопросе. Когда гитлеровцы занимали какую-либо деревню, не стремясь устраивать геноцид местного населения, а для того, чтобы там отдохнуть, и запастись провизией, какую картину они наблюдали, входя в крестьянские избы? Кто эти избы населял? Старики, дети и инвалиды, неспособные оказывать какое-либо сопротивление. Вот и потчевали немцев, как умели. Они ведь могли и пристрелить в случае чего. Естественно, что радушие хозяев по отношению к оккупантам не было полностью искренним. Старушка-мать хотела дожидаться

сына с фронта, да и просто пожить еще, оттого и кормила ненавистных оккупантов. Правда, стоит оговориться, что хозяйственный коллаборационизм повсеместно распространен не был. Это были нечастые случаи проявления «благосклонности» к оккупантам, да и то, как было сказано, обстоятельства к этому принуждали. Некому было защитить своих пожилых родителей, потому и складывалась ситуация, которую вполне можно обозначить как трагическую.

Прежде, чем мы начнем говорить о следующем виде коллаборационизма, приведем точку зрения итальянского историка Джузеппе Боффа относительно ситуации в СССР, которая сложилась накануне войны. Он пишет: «К началу 40-х годов в Советском Союзе не было недостатка в недовольных и несогласных, чьи настроения мог использовать осмотровый враг. Чтобы понять это, достаточно просто обратиться к предыдущему периоду истории страны. Крестьяне, недовольные коллективизацией и последующей аграрной политикой; люди, пострадавшие от сталинского деспотизма; лица, тоскующие о до-революционных порядках, — все эти категории граждан имелись в довольно значительном количестве. Национальные противоречия не только не исчезли, но и отчасти разгорелись с новой силой вследствие сталинских репрессий. Сам факт того, что страна оказалась захваченной врасплох нападением врага, порождает новые мотивы разброда». [2, с. 105]. Приводя эту цитату, мы хотим показать, что обстановка в СССР накануне войны была, к сожалению, располагающей к возникновению и паразитированию коллаборационизма в самых различных его проявлениях и сферах человеческой жизни. Итак, начнем рассматривать следующий вид коллаборационизма — политический коллаборационизм. Его еще иногда называют государственно-политическим. Государственно-политический коллаборационизм был реализован через государственные институты — правительство, парламент, суды и полицию, возможно — главу государства. Согласие гитлеровцев на создание таких местных органов власти (сохранение уже существовавших под своим контролем) зависело от условий конкретной страны. Существовали коллаборационисты, которые сотрудничали с гитлеровцами, считая, что так они смогут сохранить собственный народ и общество. Были и те, которые использовали оккупацию с целью провести глубокие изменения на занятой гитлеровцами территории. Характерные примеры государственного коллаборационизма — Дания, протекторат Чехия и Моравия, Французское государство (во главе с правительством Виши), Норвегия и т.п. [5, с. 1] Немецкий политолог Герман Вагнер считал, что «родителями» политического коллаборационизма были политические партии, а также коллаборационистские СМИ. Он отмечает, что политический коллаборационизм прессы особенно доминировал в оккупированном Париже.

Как мы можем судить, политический коллаборационизм — один из самых серьезных и масштабных видов коллаборации. Он наносит вред и создает плохую репу-

тацию не только какому-то конкретному лицу, или семье, но целому государственному образованию, а также народу, его населяющему. Ущерб от политического коллаборационизма может быть поистине огромен, ведь уровень, на котором происходит измена — государственный. От этого может пострадать любая сфера промышленности, сданная оккупантам, может серьезно пострадать экономика, а также ухудшатся условия жизни населения. И, несмотря на сговор, и формальную «дружбу» с государством-оккупантом, оккупированное государство теряет очень и очень много. Оккупационная власть буквально лишает жизне-способности граждан, да и всю политическую и экономическую систему оккупированного государства. В итоге наступает разруха, потому что экономика пострадавшего государства после вмешательства оккупантов в свое существование, не в силах поддерживать жизнь и экономическую стабильность в регионе. Коллаборационизм подобно ржавчине покрывает честное до некоторой поры имя какого бы то ни было человека, замешанного в этом подлом деянии, а также позорит организацию, или даже целое государство, замешанное в сношениях с оккупантами, в оказании помощи врагу.

Теперь попробуем разобраться с культурными проявлениями коллаборационизма. Он, по нашему мнению, является одним из самых «эффективных и действенных» вариантов предательства, поскольку непосредственно связан со средствами массовой информации, а так же культурой, посредством которой человек познает мир, усваивает моральные нормы и принципы, формирует собственной мировоззрение. Представляется необходимым упомянуть о газете «Речь», являвшейся одним из немецких периодических изданий на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны. Печаталась на русском языке, выходила в Орле с 1941 года. В этой газете, как и во многих оккупационных газетах того периода, публиковались сообщения о жизни в Германии, а также пропагандировался «немецкий порядок».

«В культурных обзорах присутствовали материалы о тяжелой доле артистов при сталинском режиме, например, об артисте Николае Печковском. На страницах газеты «Речь» давались хвалебные рецензии к антисемитским фильмам». [4.]

И такая газета была не одна. Наряду с «Речью» на оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны выходили газеты «Новый путь», и «За родину». И это только газеты! Они оказывали большое влияние на массы, а ведь это только часть СМИ того периода. Стоит отметить, что в этих газетах нередко размещались статьи антисоветской, а также антисемитской направленности. Это не странно, ведь оккупанты хотели завладеть умами жителей оккупированных территорий, привлечь их на свою сторону, привить им ложные ценности, навязать свои взгляды. Также в этих газетах печатались хвалебные рецензии на фильмы антисемитской направленности. Примечательно, что газета «За родину» выходила в Латвии, г. Рига. Прибалтика, как мы знаем,

тяготела к национал-социалистической Германии, да и по сей день в Эстонии и Латвии прослеживаются русофобские и националистические настроения. Не станем давать оценку этим явлениям, так как область нашего научного интереса лежит в другой сфере. Итак, мы рассмотрели практически все виды коллаборационизма, которые существовали на территории СССР в период Великой Отечественной войны. Однако, есть еще одна форма предательства, и она, по нашему убеждению, очень важна и подлежит кропотливому анализу. Пришло время поговорить об экономическом коллаборационизме. Суть его состоит в использовании оккупантами экономического потенциала оккупированной территории. То есть сама суть экономической коллаборации состоит в допуске некими лицами (главами заводов, промышленных предприятий, сельскохозяйственных объединений) оккупантов к вмешательству в подконтрольные им сферы, и сферы их деятельности. Например, отечественный исследователь проблемы коллаборационизма, И. Г. Ермолов считает, что: «Еще до нападения Германии на СССР был создан штаб под кодовым названием «Ольденбург», в задачу которого входила экономическая эксплуатация Советского Союза». То есть немецкое командование еще перед началом войны строило планы относительно промышленного сектора СССР, стремясь получить из этой сферы максимальную выгоду, планируя нещадную ее эксплуатировать в своих интересах. Важно отметить, что оккупанты, пользуясь промышленностью в оккупированном секторе, абсолютно не учитывали нужды населения, проживавшего на оккупированной

территории. И. Г. Ермолов также отмечает: «Дополнительный ущерб промышленности был нанесен местными жителями, которые в условиях временного безвластия стали растаскивать все то, что не успели уничтожить отступающие части РККА, и что представляло для них хоть какую-то ценность». В условиях войны каждый хотел хоть как-то выжить, потому и случалось мародерство. Можно ли считать это актом коллаборационизма — сложный вопрос. С одной стороны — да, потому что мирное население, занимаясь мародерством, наносило вред своему государству, а в условиях войны это могло стать серьезным ударом для экономики. Каждая мелочь могла пригодиться, особенно, если это была деталь техники, или, скажем продовольствие. Мука или масло тоже не помешали бы фронту, но их, по выражению И. Г. Ермолова «Арестованный впоследствии и преданный суду военного трибунала директор совхоза «Красный» Ленинского района Тульской области член ВКП(б) Маслов добровольно передал немцам муку, керосин, мясо, бензин, принадлежащие совхозу».

Итак, коллаборационизм бывает разный, и мы, рассмотрев многие из самых часто встречающихся его форм, приходим к выводу, что коллаборация — это то, без чего едва ли обходится любая крупная война, а особенно мировая. Хотя бы один из видов коллаборационизма однозначно будет сопровождать вооруженный конфликт. Скорее всего, военный. А может и хозяйственный, или политический. У этих видов предательства шансов будет поменьше, но все же он будет. Вот мы и разобрались со всеми, заявленными в статье, видами коллаборационизма.

Литература:

1. Романичев, Н. М. Сотрудничество с врагом // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки в 4-х книгах. Кн. 4 Народ и война. — М.: Наука, 1999. — с. 153–163.
2. Боффа Дж. История Советского Союза: в 2-х тт. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг. 2-е изд. — М.: Междунар. Отношения, 1994. — 632 с.
3. Серые тени белого орла. Livejournal. <http://joanerges.livejournal.com/340158.html>
4. Немецкая оккупационная газета «Речь». Wikipedia.ru [https://ru.wikipedia.org/wiki/Речь_\(оккупационная_немецкая_газета\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Речь_(оккупационная_немецкая_газета))
5. Экономический коллаборационизм. Libma.ru http://www.libma.ru/istorija/tri_goda_bez_stalina_okkupacija_sovetskie_grazhdane_mezhdu_nacistami_i_bolshevikami_1941_1944n/p4.php

Особенности формирования образов Первой мировой войны в исторической памяти советского общества в 1930-е гг.

Вдолина Юлия Равилевна, аспирант
Южно-Уральский государственный университет

Первая мировая война стала одним из самых масштабных и кровопролитных военных конфликтов в истории. Ее 100-летний юбилей не только напомнил о значимости данного события в процессе развития мирового сообщества, но и актуализировал вопрос о необходимости более глубоко-

кого исследования образов Первой мировой войны в исторической памяти разных стран.

Сегодня специалисты уделяют особое внимание изучению процесса увековечивания памяти о войне 1914–1918 гг. в межвоенный период. Поскольку именно 1920–

30-е гг. явились «важной вехой в общемировом процессе конструирования исторической памяти о войнах, во многом предопределив способы и формы коммеморации всех последующих конфликтов» [7, с. 95]. Весомый вклад в разработку проблемы внесли зарубежные исследователи J. M. Winter, A. J. Cohen, K. Petrone и др. В своих работах они обращались к опыту увековечивания памяти о Первой мировой войне в Великобритании, Франции, Германии, Советском Союзе. Авторы выявляли особенности функционирования памяти в каждой из вышеперечисленных стран, а также анализировали практики коммеморации войны 1914–1918 гг.

Отечественные историки только открывают для себя проблему образов Первой мировой войны в межвоенный период. В рамках изучения вопроса, следует отметить статьи Е. С. Сеньявской, О. С. Нагорной, О. Ю. Никитиной, О. Ю. Стародубовой и др. Между тем, исследование данной проблемы представляется важным как для понимания механизма формирования образов в целом, так и в рамках изучения отечественной исторической традиции памяти Первой мировой войны.

На Западе уже в первые годы после ее завершения пришло осознание факта важности сохранения памяти о ней. Общество испытывало необходимость разобраться в причинах конфликта, найти смысл случившегося и оправдание его жертвам. В результате был создан целый спектр форм коммеморации войны 1914–1918 гг. В Советском Союзе последовавшая за Первой мировой войной Гражданская война и установление советской власти, сделали невозможным траур и строительство мемориалов павшим в войне старого режима [6]. Поэтому память о Первой мировой войне в СССР выражалась в иных коммеморативных формах — преимущественно в юбилейных кампаниях, которые носили агитационно-пропагандистский характер. Они должны были актуализировать события мировой войны исходя из задач текущей обстановки, а также продвигать в массы образ Первой мировой войны как войны империалистической, захватнической и закономерной.

Поскольку государство в 1920-е гг., только начало устанавливать контроль над обществом, официальный образ войны в этот период не являлся единственным. Параллельно над проблемой войны продолжали работать «старые» специалисты, публиковались воспоминания царских генералов и офицеров, произведения писателей-эмигрантов. Кроме того, в части подготовки памятных мероприятий, агитационно-пропагандистские пособия поощряли и поддерживали инициативу, «самостоятельность непосредственных организаторов на местах, призывая их импровизировать, изобретать и выдумывать новые формы, позволяющие сделать агитационно-пропагандистскую работу живой, интересной, востребованной и поэтому эффективной в плане воспитания масс» [5, с. 15].

В конце 1920-х гг. начали проявляться тенденции к централизации и унификации памяти о Первой мировой войне

со стороны государства. В полной мере они проявились уже в 1930-е гг. Внутри страны по-прежнему проводились юбилейные кампании, но по своему масштабу и освещенности в официальных изданиях, они сильно отличались от предыдущего периода. Все усилия государственных структур были направлены на организацию и координирование юбилейных мероприятий за рубежом, поэтому работа по их подготовке была сосредоточена внутри секций Коммунистического Интернационала. Посредством юбилейных кампаний предполагалось распространять коммунистические идеи в западных странах, привлекать на свою сторону новые силы. 1 августа воспринимался не как день памяти жертв войны, а имел «характер боевого смотра революционных пролетарских сил» [4, с. 909].

Официальная советская печать, по сравнению с 1924 г., уделяла намного меньше внимания этому событию, ограничиваясь небольшими по объему публикациями материалов, составленных по официальным документам и газетам, издававшимся с 14 июля 1914 г. Акцент в этих документах был сделан на «разоблачении германского империализма». Материалы сопровождались рисунками известных карикатуристов Дени и Долгорукова, изображавших крупных зарубежных промышленников и политиков. На страницах газет не было характерных для юбилеев 1924 г. и 1929 г. репортажей о подготовке и проводимых мероприятиях внутри страны. Вместо них официальная печать давала информацию о подготовке 1 августа в других странах.

Образ Первой мировой войны в 1930-е гг. также формировался в условиях вытеснения «старых» специалистов со своих постов, пересмотра системы преподавания истории, усиления контроля над издательской и писательской деятельностью. 1929–1932 гг. оказались сложным временем для военно-исторической службы, которая занималась исследованием военной истории Первой мировой войны. В результате многочисленных реорганизаций и противостояния с Коммунистической академией она практически перестала существовать. Вследствие этого в течение первой половины 1930-х гг. новые значимые работы военных специалистов не появлялись.

В области исторической науки в середине 1930-х гг. в связи с пересмотром подходов к ее преподаванию, изменением ее проблемно-тематического поля подверглись критике исторические взгляды М. Н. Покровского и его учеников. Самого М. Н. Покровского обвинили в том, что он неверно определил круг виновников войны, оставив без внимания роль Германии в ее развязывании.

Публикация в 1938 г. Краткого курса истории ВКП (б), над созданием которого работала специальная комиссия, созданная по инициативе ЦК партии, и при непосредственном участии И. В. Сталина, ознаменовала собой окончательное отмежевание от исторической концепции М. Н. Покровского, монополизацию знания, исчезновение альтернативных концепций и объяснительных схем истории Первой мировой войны. Важно отметить, что «Краткий курс...» внес коррективы в образ мировой войны,

исходя из реалий текущей обстановки. Были пересмотрены ключевые положения относительно причин и виновников конфликта. В основе нового подхода лежала идея неравномерного развития империализма, вследствие которого обострялось стремление государств к переделу мира. Интересы разных стран сталкивались по решающим вопросам — вывозу капитала, источникам сырья, рынкам сбыта и т. д.

Как отмечалось выше, новое прочтение получил вопрос о виновниках развязывания войны и вопрос о роли Российской империи в этом процессе. Если в первой половине 1920-х гг. к числу «виновных» причислялись все страны-участницы конфликта, то в 1930-е гг., в связи с обострением отношений сначала с Великобританией, а потом с Германией, именно англо-германские противоречия выводились на первый план. Авторы «Краткого курса...» подчеркивали, что России в этом процессе отводилась подчиненная роль. Российская империя была зависима от Великобритании и Франции, что позволило последним втянуть ее в мировую войну [3]. Данный подход резко отличался от концепции Первой мировой войны, предложенной М. Н. Покровским в 1920-е гг., который считал, что к войне Российская империя готовилась давно и делала все для того, чтобы она началась.

Осложнение международной обстановки в конце 1930-х гг. привело к необходимости вновь обратиться к военному опыту Первой мировой войны. В 1938–39 гг. началось срочное переиздание трудов военных историков 1920-х гг. Причем текст работ подвергался редактированию. Показательным является пример переиздания двухтомной работы А. М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.». В предисловии к изданию говорилось: «Учитывая, однако, настоятельную и срочную потребность Красной армии в сводном описании операций войны 1914–1918 гг., Государственное военное издательство решило переиздать труд А. М. Зайончковского, ограничиваясь лишь исправлением фактической стороны описываемых событий» [1, с. 5]. Позднее предполагалось внесение более существенных изменений в текст.

Наряду с переизданием старого материала в 1930-е гг. начали появляться новые работы военных историков, которые по своему содержанию не противоречили «Краткому курсу...». В них преимущественно разрабатывались проблемы маневренной войны, изучались примеры наступательных операций, организация работы в тылу. Сюда можно отнести труды Н. Корсуна, М. Р. Галактионова, Н. А. Таленского, И. Трутко и др. Полученные выводы должны были быть учтены при подготовке к новой войне.

Точно такие же задачи ставились и перед советским искусством, которое воспринималось советским руководством как важный инструмент пропаганды. В 1930-е гг. был установлен государственный контроль над ним, был ликвидирован частный сектор, осуществлялась борьба с инакомыслием, ужесточилась цензура. Перед авторами произведений о Первой мировой войне ставилась цель раскрыть классовую сущность мирового конфликта, описывать казарменный быт, издевательства офицеров над солдатами, братание на фронтах, революционные события на фронте и в тылу. Лейтмотив большинства произведений заключался в признании правильности лозунга большевиков о необходимости прекратить войну против внешнего врага с целью направить оружие против врага внутреннего. Произведения 1920-х гг. были признаны «слабыми и в литературно-художественном и идеологическом отношении...из-за пацифистского восприятия и изображения военных событий» [2, с. 4].

В заключение следует отметить, что происходившие в 1930-е гг. внутри и внешнеполитические трансформации оказали существенное влияние на формирование образа Первой мировой войны в исторической памяти советского общества. Для СССР в этот период были характерны тенденции к централизации и унификации образа войны 1914–1918 гг. со стороны государства. Издание «Краткого курса...» явилось завершающим этапом данного процесса. В результате образ Первой мировой войны подвергся корректировке исходя из текущих задач, стоявших перед страной.

Литература:

1. Зайончковский, А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т.1. Кампании 1914–1915 гг. — М., 1938. — 382 с.
2. Империалистическая война 1914–1918 гг. в художественной литературе // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 16. Ед. хр. 40. Л. 4.
3. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — Режим доступа: // http://www.e-reading.club/bookreader.php/98379/Stalin_Kratkii_kurs_istorii_VKP_%28b%29_izdanie_1938_.html
4. Международный день против империалистической войны // Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. — М., 1933. — с. 908–911.
5. Никонова, О. Ю., Раева Т. В. Первая мировая война в праздничной коммеморации раннесоветской эпохи // Проблемы истории российского социума: труды межвузовской науч.-практ. конф. преподавателей, ученых и специалистов, 31 мая 2011 г. — Челябинск, 2011. — с. 4–23.
6. Орловски, Д. Великая война и российская память // Опыт Великой войны в России и Германии: мемориальная политика и коллективная память (1914–1941) [Электронный ресурс]. — Челябинск, 2012.
7. Смирнова, Т. А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918–1939 г. // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — № 4. — Том I (Гуманитарные науки). — с. 95–98.

Криминал как часть жизни города Иркутска в конце XIX — начале XX вв.

Гуров Константин Александрович, магистрант

Научный руководитель: Неклюдова Анастасия Васильевна, кандидат исторических наук, доцент

Иркутский государственный университет

Анализируются деструктивные процессы криминогенного характера происходившие в г. Иркутск в конце XIX — начале XX вв. имевшие влияние на социокультурную, экономическую и административную составляющие жизни города в рассматриваемый период.

Ключевые слова: г. Иркутск, преступность, преступный элемент.

В конце XIX — начале XX вв. Сибирь выделялась, по сравнению с центральной частью Российской Империи, особой криминогенной обстановкой со своеобразной спецификой преступности и отношением с преступным миром. Это обусловлено, в первую очередь тем, что, как точно подмечает Николай Михайлович Ядринцев, «Сибирский край выполнял тюремную повинность за целое государство», а так же различными социально-экономическими факторами. Например такими факторами побуждающих к преступности как: бессемейность (ведь 2/3 ссыльных были людьми бессемейными, а ссыльным запрещалось, на протяжении первых пяти лет ссылки, запрещалось заводить семьи) [1, с. 206]; и так сказать «разгульность Сибири» — по статистике потребление хлебного вина (водки) на человека в Иркутской губернии, по данным за 1910 г. — 4,7 ведра, при том, что средние показатели по Российской Империи были равны 0, 59 ведра на человека [2, с. 2] (ведро — мера объёма равная 12,3 литра).

С 1885 по 1898гг. число осуждённых окружными судами увеличилось на 12 %, что является не сильно большим ростом в условиях капиталистической трансформации страны, то с 1899 по 1908гг., — на 66 %, и естественно, немалая часть осуждённых попадала в Иркутскую губернию [3, с. 75]. И несовершенная пенитенциарная система поставляла ссыльных на свободу, предоставляя им возможность продолжать тот образ жизни, который их и привёл в места заключения. В 1898 г. в Иркутской губернии находилось около 71 800 чел. ссыльных, и при этом 41 % из них находились в бегах [4, с. 131]. Именно в 1898 г. Иркутский судебный округ выходит на, сомнительного почёта, первое место по преступности, превысив общероссийские показатели по уголовным делам. Большинство дел, зарегистрированных в Иркутской губернии «против порядка управления», т. е. по побегам из мест ссылки [5, с. 130]. Так как надзор за ссыльными был совершенно фиктивным [6, с. 29]. А вот разыскать беглых «специалстов криминальных дел» практически не представлялось возможным. Виной тому оказывалась особая обстановка, в которой были вынуждены работать органы правохранения. В силу отдалённости региона, а так же из-за неучтения центром административного деления многие судебные и полицейские реформы выполнялись не в полной мере. Некоторые округа (уезды), нередко по пространству превосходящие размеры многих губерний Европейкой

России, имели недостаточное количество служащих для работы на такой большой территории. И следствием этого являлась слабость полицейского надзора из-за несоответствия числа полицейских объёму возложенных на них задач, пространством полицейских участков и неудовлетворительным личным составом чинов полиции [7, с. 98—106]. Кадровая проблема возникла из-за непрестижности работы полицейскими и низкими окладами содержания. Размер жалований полицейских был примерно таким же как и у чернорабочего без какой-либо профессиональной квалификации, помимо этого полицейские были вынуждены самостоятельно покупать оружие и боеприпасы [8, с. 51]. Повседневное напряжение, риск, с которым сопряжена работа полицейского, вкуче с малым размером жалований уменьшали количество желающих заниматься розыскным делом. И сложившаяся ситуация подталкивала служащих на совершение должностных преступлений, таких как пособничество преступникам, взяточничество и покрывательство [8, с. 53].

Всё это создало идеальную среду для расцвета криминального мира г. Иркутска. «Какое же это наказание для преступного элемента, когда в Сибири преступник находит более благоприятную почву для всякого рода преступной деятельности?» [9, с. 2] вопрошала местная газета, таким образом подчёркивая то, что Сибирь стала местом с чрезвычайно обострившейся криминогенной обстановкой.

Самые распространённые преступления в г. Иркутске были кражи, грабежи конокрадство. Вот небольшая статистика за 1898—1899 гг.: «По сведениям полиции в Иркутске совершено 277 краж со взломом (раскрыто 127); 980 краж без взлома (раскрыто 571); 253 конокрадства (раскрыто 119); 104 грабежа (раскрыто 62); 23 убийства». [10, с. 126] Помимо банальных грабежей в Иркутске довольно развито было мошенничество, чаще всего связанное с обманом предприимчивых обывателей, желающих приобрести для сбыта фальшивые ассигнации. Хотелось бы привести краткий пример такого преступления подчерпнутый из Криминальных хроник Иркутска:

1 марта 1896 г. Владелец бакалейной лавки мещанин Василий Дмитриев заявил приставу 2-й полицейской части о том, что он оказался жертвой мошенничества. Желая приобрести фальшивые деньги (по цене 1 рубль за 25 копеек), Дмитриев обратился к мещанке Раскопиной, познакомившей его в трактирном заведении «Якорь»

с двумя неизвестными ему лицами. Изготовление денег производилось в квартире Дмитриева. Однако после ухода фальшивомонетчиков Василий Дмитриев обнаружил, что вместо фальшивых кредитных билетов ему оставили только пачку бумаги с тремя рублёвыми билетами. За изготовление партии фальшивых ассигнаций Дмитриев заплатил мошенниками 4000 рублей [10, с. 119].

Встречались и среди Иркутских преступников настоящие виртуозы криминальных дел. Достаточно ярким примером считаю Старжевского Евгения Бальтозаровича (входившего в своё время в Всеимперскую преступную группу Вульфа Слуцкого, готовившую грандиозное хищение сокровищ из оружейной палаты Московского кремля). При жизни Старжевский был признан полицией вором-профессионалом, мастером по подкопам. Кроме не известных его удачных акций, оставшихся безнаказанными он провёл в 1906 г. ограбление Иркутского ломбарда, в этом же году хищение из золотосплавочной лаборатории Иркутска через подкоп 5 пудов 30 фунтов золота. Организовал в 1907 г. получение по подложным документам из Иркутского отделения государственного банка

62 тыс руб. В 1908 г. из Томской почтовой конторы 285 тыс руб. в 1909 г. при осуществлении подкопа под Томскую почтовую контору был пойман с поличным и осуждён на 4 года заключения. После освобождения в 1913 г. организовал подкоп под Иркутскую почтовую контору [10, с. 184].

В конце XIX — начале XX вв. преступный элемент чувствовал себя в городе, как дома. Достаточно распространены были явления взяточничества, что оберегало многих представителей криминального мира от задержаний и справедливых наказаний. Хорошо был развит рынок поддельных документов, позволяющий преступникам в розыске спокойно жить под чужими именами. Многие преступники намеренно стремились в Иркутск, видя в нём благодатную почву для своих деяний. На какое-то время высокий уровень преступности, стал для города нормой. Можно с уверенностью сказать, что когда простые горожане засыпали — город закипал своей тайной криминальной жизнью. Данное явление следует учитывать, изучая развитие г. Иркутска, и оно представляет интерес, для последующего изучения.

Литература:

1. Ядринцев, Н. М. Сибирь — как колония: [К юбилею 300-летия. Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Её прошлое и будущее]. — СПб.: типогр. М. М. Стасюлевича, 1882. — 471 с.
2. Пьяная Сибирь// Сибирь 1910 г. № 192 с. 2
3. Мулакаев, Р. С.. Полиция России (IX — начало XX вв.). — Н.Новгород, 1993. — 103 с.
4. Марголис, А. Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. — В кн.: Ссылка и каторга в Сибири (XVIII—XX вв.). Новосибирск, 1975. — 231 с.
5. Тарновский, Е. Н. Свод статистических сведений по делам уголовным за 1898г // Журнал министерства Юстиции. — 1902. — № 1. — с. 125–130.
6. Качуров, С. Ю. Основные направления деятельности полиции Иркутской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2002. № 1–2. с. 29
7. Качуров, С. Ю. Полицейские формирования министерства внутренних дел в Восточной Сибири XIX — начала XX века (на примере Иркутской губернии) с. 98–106. // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири. // Материалы научно-теоретического семинара, — Иркутск, 24–25 июня 2003 г. Иркутск.: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 308 с.
8. Сырое, А. А. На службе сыска...достаток поправляя// Земля Иркутская 2003. № 1 с. 51.
9. Сибирская газета 1886 г. № 7 с. 2.
10. Сыроев, А. А.. Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень. — Иркутск: Оттиск, 2013. — 352 с.

Сложности политической интеграции Малороссии в состав Русского государства: 1689–1764 гг.

Гусев Константин Дмитриевич, студент
Кубанский государственный университет

Рассматриваются вопросы политической интеграции Малороссии в состав Русского государства в ракурсе анализа важнейших и спорных проблем: во-первых, предательства И.Мазепы, во-вторых, постепенной ликвидации автономии, в-третьих, отношений казачьей старшины, посполитого крестьянства и московского правительства. Выявляются причины несостоятельности альтернативных проектов «государственности» — в составе Речи Посполитой и Швеции.

Ключевые слова: Малороссия, старшина, Мазепа, автономия, казаки, посполитые, гетман, Гетманщина.

Неудачный крымский поход 1687 г. князя В. В. Голицына обострил ситуацию не только при дворе царевны Софьи Алексеевны, но и в Малороссии. Симптом неоднократных предательств гетманов вновь дал о себе знать, на Самойловича легло подозрение в сношениях с крымским ханом. Ясно, что подобный расклад устраивал не только князя Голицына, нашедшего виновника военного провала, но и часть казацкой старшины, недовольной самоуправством гетмана. Именно она, ведомая, по всей видимости, Иваном Мазепой (бывшим на тот момент любимцем князя), решила составить донос. Самойловича низложили и отправили в Сибирь 25 июля 1687 г. Радой в Коломаке Мазепа был избран новым гетманом, подписали новый договор (коломакские статьи), оговаривающие нахождение Малороссии в составе России. В целом статьи подтверждали прежние договоры 1669 и 1672 г., однако автономия, все же, была урезана. Гетману запрещалась без согласия царя снимать с должностей войсковую старшину, а последней — переизбирать гетмана. Де-юре подписание нового договора означало политическое подчинение Гетманщины царю, по сути, прекращение существования независимой вольницы, однако де-факто с 1689 г. новый царь Петр мало вмешивался в дела региона. Появилась возможность возрождения экономики, наступал период, по словам современных украинских историков, «мазепинского ренессанса» [1, с. 150].

Правобережье, оставшееся в составе Речи Посполитой во Вечному миру 1686 г., стало утрачивать всякие признаки автономии, а польский сейм 1699 г. вообще одобрил ликвидацию казачества. На Левобережье, в силу шведской и турецкой опасности, целесообразно было сохранить элементы независимости — казачье войско при совместных боевых действиях с русской армией подчинялось гетману, а в линейных сражениях (самых кровопролитных) вовсе не ставилось.

Интересно то, что в Гетманщине существовала собственная казна, налоги из которой в Москву не поступали и расходовались по личной санкции гетмана, что выглядит особо пикантно, помня об экономической политике Петра I (введение подушной подати и т. д.). Так,

сюда не распространялись многие указы царя, в частности о смене одежды знатью. Верхушка общества начинала процветать, правда, за счет казачьих низов [2, с. 59]. Внешнеполитический курс русского правительства (заключение договоров с Польшей (1686 г. и 1704 г.) и Турцией (1700) в целом обезопасил Малороссию от грозных соседей. Казачья старшина, владевшая крупными имениями, продолжала судиться по шляхетским правам, не платила налогов и не несла общих повинностей, это повлекло за собой расслоение всего общества на привилегированных и зависимых [3, с. 11]. По сути, малороссийское общество вновь управлялось классом знати, против которого восстал народ в 1648 г. [1, с. 26]. Главное различие состояло в теперешнем единоверии эксплуататоров и эксплуатируемых. Старшина, как писал М. Грушевский «превращалась в помещичий класс, захватывала земли свободные перед тем или считавшиеся войсковыми; закрепощала крестьян и казаков и верно служила московскому правительству за содействие в этих делах... В руках старшины собралась огромная масса земель. Новая панщина сильно раздражала крестьянство» [4, с. 368]. Старшина в политических взглядах оставалась неоднородной, что создавало почву для очередного кризиса. У одной ее части сохранялось мнение о возможности возвращения под покровительство Речи Посполитой. Цель подобного реверанса весьма прагматична — усиление собственной экономической вольницы (стать настоящими польскими магнатами). Однако другая часть прекрасно помнила о судьбе Правобережной старшины, судьба же посполитого крестьянства никого особо не волновала [5, с. 254–255].

В таких исторических реалиях гетманом стал Иван Степанович Мазепа, который на протяжении следующих двадцати лет исправно нес службу русскому царю. В действительности, обладавший хорошим образованием и политическим тактом, за свое гетманство Мазепа не только развил Малороссию, но и умудрился сосредоточить в своих руках огромные экономические ресурсы. Он обладал 5 волостями с 19654 дворами, а так же несколькими тысячами крестьян, то есть огромной по тем временам личной казной [6, с. 207]. Будучи православным, еще

в юности будущий гетман выбрал весьма странный образовательный курс — после Киево-Могилянской академии отправился в Варшаву на обучение в Иезуитской школе. Затем в 1660 г. всячески подстрекал Юрия Хмельницкого перейти на сторону поляков, в 1663 г. предпринял поездку на Правобережье вручать гетманскую булаву Павлу Тетере, с коим и остался. Произошло это из-за публичного скандала в Польше — выяснился роман Мазепы с женой одного магната. Уже через три года он был главой личной охраны протурецкого гетмана Дорошенко. Затем оказался в плену Самойловича и переметнулся на его сторону. Августовские события 1689 г. еще раз подтвердили политическое коварство Мазепы. Будучи обласканным В.Голыцыным в 1687 г., во время переворота в пользу Петра он отрекся от правительства Софьи и предложил услуги юному царю, т. е. в пятый раз полностью поменял собственную политическую ориентацию [7, с. 80]. Такая ретроспектива четко показывает — предательство Мазепы 1708 г. не было непредвиденным или чем-то из ряда вон выходящим. Но Петр любил преданных людей (особенно поддерживавших его в 1689 г.). Не зря гетман стал вторым кавалером высшей награды Русского государства — ордена Андрея Первозванного, что, в конечном итоге, сыграло с царем злую шутку. Вся жизнь Мазепы прошла не сколько в борьбе, сколько в страхе за собственную должность и богатство. Даже личной охраной у него были не природные казаки, а московские стрельцы [5, с. 72].

Несмотря на поддержку Москвы (сделавшей его пожизненным гетманом), Мазепа не пользовался любовью в среде рядовых малороссов, его поощрение войсковой старшины вызывало недовольство народных масс. В 1702 г. священник И.Лукиянов отмечал: «Есть стрельцами то и крепок, а то бы хохлы давно его уходили, да стрельцов боятся» [Там же]. С 1689 г. в Москву на Мазепу поступило два десятка доносов, но правительство переправляло их в руки самого гетмана.

Что касается военного потенциала Гетманщины, то он в результате Руины заметно упал. Сокращенные полки не получали профессиональной подготовки, а редкие военные опасности разлагали сугубо военную организацию. Старшина становилась похожей на феодалов, а казаки (особенно низы) — на крестьян. Петр в письме 1707 г. сообщал Мазепе: «войско малороссийское нерегулярное и в поле против неприятеля стать не может... ничего добра, разве худа есть, понеже, не имеючи определенного жалованья, только на грабеж и тот час домой уйдут».

В ходе Северной войны на польском престоле оказался шведский ставленник Станислав I Лещинский. Рассматривая его в качестве покровителя, не ограничивающего автономию, Мазепа вступает в сношения с польским королем. Приведем отрывки письма Мазепы от 5 декабря 1708 г. Станиславу I: «верный подданный и слуга низжайший Иван Мазепа гетман... наяснейшему милостивому королю... о подданной своей подлежности... чего ради мы, яко отца, во аде суще, ожидаем приходу вашей королевской милости, яко спасителя нашего... дабы мы могли

соединенными оружием и силами... московского... усыпить змия» [8].

Интересно, что о новых планах Мазепы не знали ни старшина, ни рядовые малороссы. Очевидно, что подобная ситуация была выгодна Мазепе. Вряд ли его идеи доходили до посполитых, ведь в самом регионе народ и по языку, и по культуре был более близок великороссам, нежели полякам или шведам, по-прежнему была широко распространена идея «Воссоединения Руси». Говорить о большей самостоятельности в составе Польши вряд ли приходится, вспоминая печальный опыт Правобережья. Историк П. П. Толочко назвал это «комплексом подданства», ситуацию, когда ни у одного гетмана не было программы с пунктом государственной самостоятельности, всегда предполагался чей-нибудь протекторат.

Осенью 1708 г. царь Пётр пригласил Мазепу присоединиться к казакам к русским войскам под Стародубом. Мазепа медлил, ссылаясь на свои болезни и смуты в Малороссии, вызванные движением Карла XII на юг. Гетман думал, что шведский король направит свои основные силы на Москву, но он пошел через Малороссию.

В то же время Мазепа совещался со старшиной, примкнувшей к нему. Он вёл переговоры как с Карлом XII через Быстрицкого, так и переписывался с А. Д. Меншиковым через А.Войнаровского. Меншиков решил навестить якобы больного Мазепу, тогда тот с гетманской казной бежал с левого берега Десны к Карлу XII, стоявшему лагерем недалеко от Новгород-Северского. С Мазепой было всего 1 500 казаков. Из шведского лагеря гетман написал письмо стародубскому полковнику Скоропадскому, разъясняя причины своего перехода и приглашая старшину и казаков последовать его примеру. По сведениям Д. Яворницкого, царь Пётр I, узнав о предательстве гетмана, отдал приказание князю Меншикову двинуть из Киева в Запорожскую Сечь три полка русских войск под командованием полковника Яковлева с тем, чтобы «истребить всё гнездо бунтовщиков до основания». 11 мая 1709 года Сечь была взята и разрушена. После жестокой схватки были взяты в плен кошевой атаман, войсковой судья, 26 куренных атаманов, 2 монаха, 250 человек простых казаков, 160 человек женщин и детей. Из того числа 5 человек умерло, 156 человек (атаманов и казаков) казнено, причём несколько из них были повешены на плотках и самые плоты пущены были вниз по Днепру на страх другим.

Но большинство населения Малороссии вновь присягнуло царю, именно в этой земле предстояло состояться переломному моменту в Северной войне — Полтавской битве. Тут же начали издаваться царские манифесты к населению здешних городов — «служить вам нам, великому государю, по-прежнему... при прежних вольностях своих непоколебимо» [9, с. 260]. Вскоре пришли подтверждения присяги из городов, в которых не было русской армии, но, как говорил Костомаров, «нельзя признавать их только действием страха» [10, с. 250]. Не стоит забывать, что русский православный царь для большин-

ства населения воспринимался как природный, а лавирование между интересами старшины и посполитых помогло удержать правительству Левобережье в своих руках. Избранный новым гетманом сразу после предательства Мазепы, И. И. Скоропадский выступил союзником Петра I (возглавлял верных казаков во время Полтавской битвы), был человеком слабохарактерным и неспособным на предательство, за что так понравился царю. После полтавской виктории новый гетман просил «об утверждении прав, вольностей и порядков, доселе бывших в малороссийском войске, о том, чтобы великороссийские воеводы не вмешивались в городские и полковые дела, а присматривали бы только «за замками», расправы без малороссийской старшины сами не чинили, чтобы выведены были гарнизоны, помещенные в некоторых малороссийских городах». Но доверие к вольнице уже было подорвано, был взят курс на постепенную ликвидацию автономии. В 1722 г. с учреждением в Глухове Малороссийской коллегии гетманская власть по факту перестала существовать. Гетману и генеральной старшине было предписано никаких указов по важным делам без подписи коллегии к полковникам не посылать. Примечательно, что образование коллегии оказалось мотивировано жалобами малороссиян на местные власти и необходимостью принятия мер, дабы «малороссийский народ ни от кого как несправедливыми судами, так и от старшины налогами утесняем не был». Жалобы нового выборного гетмана (и.о.) Полуботка (1722–1724 гг.) так разозли императора, что тот был посажен в Петропавловскую крепость, где и умер. Начавшаяся в России «Эпоха дворцовых переворотов» возродила для старшины мечту о вольнице (хотя посполитые были вполне удовлетворены ограничением власти гетмана).

Аресты старшины при Екатерине I и при Петре II обернулись реставрацией института гетманства, первым выборным стал 70-летний Даниил Апостол. В 1728 г. Верховным Тайным Советом были подписаны Решительные пункты, по которым власть гетмана была ограничена царской, а для посполитых давались льготы — возможность покупки земель на всей территории империи. Велико-россам вовсе запрещалось переселяться на территорию Малороссии, устанавливалась свобода торговли, была создана достаточно благоприятная обстановка для экономического развития. Финансами, налогами, военными и ранговыми именами теперь ведала Генеральная канцелярия Скарба войскового, возглавлявшаяся двумя генеральными подскарбеями. Аппарат скарбовой канцелярии формировался из канцеляристов, секретаря и счетоводов. Государственный контроль за деятельностью канцелярии возлагался на специальную счетную комиссию (1734–1776 гг.).

При Анне Иоанновне (1730–1740) казаки использовались в польском походе (1733–1735), в целом автономия продолжала существовать до смерти Апостола в 1734 г., после чего вновь оказалась ликвидирована, а Малороссийская коллегия не воссоздана. По сути, гетманат

перестал существовать (временно восстановлен в 1750 г.), а последний гетман Разумовский, являвшийся одиозной фигурой, занял должность из-за родства с братом Алексеем, фаворитом Елизаветы Петровны. В своих двух столицах (Глухове и Батурине) Разумовский окружил себя придворными, завёл итальянскую оперу и французский театр. Свои указы он формулировал не менее самодержавно, чем то было принято в Петербурге: «Мы за-благорассудили... Мы повелеваем...» [11, с. 95–96]. До Елизаветы доходили весьма неблагоприятные сведения о порядках, которые Разумовский завёл на вверенных ему территориях. Валишевский отмечает, что при всех обнадёживающих задатках молодой гетман нередко «подпадал под влияние алчных родных и испорченной среды, окружавшей его» [Там же]. В 1754 г. она вызвала Разумовского для объяснений в Москву. Тогда же власть гетмана была серьёзно ограничена, отменялись таможенные сборы на имперско-гетманской границе, к гетману был приставлен резидент из генералитета. Елизавета также запретила Разумовскому переписываться с иностранцами. Впрочем, на рубеже 60-х гг. Разумовский показал себя зрелым государственным деятелем, пекущимся о благополучии малороссов — проводил грамотную экономическую политику, развернул архитектурное строительство. Впоследствии сыграл значительную роль в перевороте в пользу Екатерины II, последней же не пришлось по нраву малороссийская вольница. Одним из главных инициаторов упразднения гетманства был Г. Н. Теплов, составивший знаменитый документ «О не порядках, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии». В нём Теплов изобличает институты канцелярии в несостоятельности, кратко излагает историю утверждения гетманской канцелярии в России, причины коррупции в Малороссии, и приходит к выводу, что для улучшения положения малороссийских крестьян необходимо провести ротацию вельмож, а институты Гетманщины полностью заменить по причине их неэффективности и в силу грабительских притязаний казацкой старшины, обличённой грамотами на крестьянские земли. Разумовский был вызван ко двору, где у него затребовали прошение об отставке. Указ об упразднении гетманского достоинства вышел 21 ноября 1764 г., тогда же была восстановлена и Малороссийская коллегия из 4 великороссов и 4 малороссов (просуществовала до 1786 г.)

Подводя итоги, отметим — превращение России в империю не могло не привести к централизации окраинных земель. Предательство гетмана Мазепы, продиктованное личными интересами, дискредитировало институт гетманства как таковой, а существующая вольница на Левобережье оставалась в глазах правительства взрывоопасным элементом. Возникла необходимость полной интеграции Малороссии в состав Российского государства, что сопровождалось постепенным наступлением на автономию и закономерным уничтожением гетманата.

Литература:

1. Оглоблин, О. Гетьман Іван Мазепа та його доба / О.Оглоблин. — Київ, 2001.
2. Яковлева, Т. Г. Мазепа — гетман: в поисках исторической объективности / Т. Г. Яковлева // Новая и новейшая история. — М., 2003. — № 4.
3. Артамонов, В. А. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. и Мазепа / В. А. Артамонов. — СПб., 2008.
4. Грушевский, М. Иллюстрированная история Украины / М. Грушевский. — Київ, 1997.
5. Шутой, В. Е. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII в 1700–1709 гг. / В. Е. Шутой. — М., 1958.
6. Андреев, А. И. Письма и бумаги Петра Великого / А. И. Андреев. — СПб., 1889. Т. 7.
7. Таирова-Яковлева, Т. Г. Мазепа / Т. Г. Таирова-Яковлева. — М., 2007.
8. Курукин, И. В. Образы и трагедия гетмана Мазепы / И. В. Курукин. — СПб., 2008.
9. Труды императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. 1.
10. Костомаров, Н. И. Мазепа / Н. И. Костомаров. — М., 1992.
11. Валишевский, К. Дочь Петра Великого / К. Валишевский. — М., 2002.

Ставропольский городской драматический театр в 1943 году

Забелин Владимир Михайлович, кандидат исторических наук, доцент
Северо-Кавказский социальный институт (г. Ставрополь)

В статье рассматривается история создания и деятельности в 1943 году Ставропольского городского драматического театра. Внимание уделено репертуару театра и его вкладу в налаживание мирной жизни ставропольчан в послеоккупационный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, драматический театр, репертуар, актеры.

В августе 1942 г. Ставропольский краевой драматический театр был эвакуирован в г. Минусинск Красноярского края. После освобождения Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков место эвакуированного театра занял Ставропольский городской драматический театр.

Уже во второй половине февраля месяца коллектив городского театра репетировал пьесу К. Симонова «Парень из нашего города». В главных ролях были задействованы артисты Орлов, Валентинов, Костин, Кавка, Расторгуева, подольская и др. не забыли артисты и об антифашистских скетчах. Скетч В. Вишневского «Ноль-Шесть» поставил режиссер О. Ф. Синенко. Из классического репертуара репетировали А. Н. Островского «Без вины виноватые» и «Анжело». Режиссер Е. П. Сперанская готовила пьесу В. Гюго «Мещанин во дворянстве».

Открытие театрального сезона было запланировано на 23 февраля в Доме Красной Армии.

Театр проводил вечера одноактных пьес. Спектакли всегда начинались в 18 часов вечера. С двадцатых чисел апреля месяца в фойе перед спектаклем с 17 часов стал играть оркестр, танцы. Объявления о постановках публиковались в краевой газете «Ставропольская правда».

Уже в конце марта месяца в печати появились развернутые отзывы о работе театра: «Городской драматический театр в Ставрополе еще не выработал своего репертуарного плана, не успел еще четко определить свое творче-

ское лицо. Пьеса на современную тему («Парень из нашего города» — К. Симонова) чередуется с сомнительной по своим драматургическим качествам комедией Мольера «Мой мальчик» и произведениями русской классики. Но, пожалуй, в комедии А. Н. Островского «без вины виноватые», шесть десятков лет не сходящей со сцены русской театра, молодому коллективу удалось наиболее полно показать свои творческие возможности.

Четырехактная комедия Островского в постановке Ставропольского городского театра превращена в трехактную. Опущено первое действие — драма юной Любови Ивановны Отрадиной. С этим можно согласиться, учитывая актерские возможности начинающего театра; исключение первого действия, к тому же, может не отразиться на полноте показа основных действующих лиц пьесы, которая с большим основанием могла бы быть названа не комедией, а драмой.

Актерскому коллективу удалось в основном раскрыть и драматургический замысел автора и социально-общественную среду, на фоне которой разворачивается личная драма главных действующих лиц пьесы. Роль Отрадиной-Кручининой, образ которой отдаленно напоминает толстовскую Анну Каренину, только в другой социальной среде, является особо трудной и ответственной. Актриса Э. Горская нашла достаточно выразительный внешний рисунок роли, однако в ее игре не хватает теплоты, лирич-

ности, многоцветной гаммы душевных красок глубоко чувствующей и богато одаренной русской женщины. Вот почему финальная сцена пьесы (Елена Ивановна Кручинина узнает своего сына в безвестном актере Незнамов) не производит того впечатления, на которое рассчитан замысел автора.

Элемент драматический, который в пьесе нашел наибольшее выражение в образе Незнамова, делает эту роль наиболее сценически трудной. Молодой актер С. Орлов этих трудностей не сумел преодолеть. В его трактовке Незнамов невзрачен сверх меры, в ущерб выразительности живого образа. Сказалось и ничем неоправданная внешняя «модернизация»: актер восьмидесятых годов прошлого века напряжен под современного «парня из нашего города».

Выгодное впечатление производит игра П. Глыбина в роли богатого барина-мецената Дудукина. Актер проявил и тонкий вкус, и большой такт в показе характерного персонажа восьмидесятых годов. Корректно играет Мурова В. Валентинов. Вполне на месте Е. Расторгуева в роли актрисы Коринкиной.

Надо отметить ценное, особенно для молодого коллектива, качество спектакля — наличие сыгранного ансамбля. И трактирный слуга (М. Дмитриевский), и гости, и пропившийся актер Шмага (Д. Скатыльцев), и «первый любовник» Миловзоров (Б. Костин) — все эти роли второго плана исполнены с большим старанием.

Тесная и лишенная элементарных приспособлений сценическая площадка крайне затрудняет и работу режиссера и, в особенности, работу художника-оформителя. Все же, думается нам, художник К. Цыгвинцев не в полной мере использовал даже те минимальные возможности, которые ему предоставлялись. Оформление спектакля обеднено до крайности. Между тем в комедии Островского, которой в нынешнем году исполняется 60 лет, даже «проторенные пути» дают большие возможности сценической выразительности и оформления и мизансцен» [1].

Несмотря на свою загруженность и трудности в работе не оставались в стороне артисты театра от общественной жизни. Так, в начале апреля месяца, 15 артистов (Э. Горская, чистяков, Скатыльский, Касичка, Кавка, Костин и др.) вступили в ряды доноров, чтобы помочь раненым воинам [2]. Проводились и благотворительные спектакли, сбор от которых шел на приобретение подарков для Красной Армии к 1 мая.

В мае был опубликован второй отзыв о работе театра: «К майским праздникам Ставропольский театр драмы приурочил постановку пьесы Б. Лавренева «Разлом».

Вполне понятно решение театра — в грозные дни Великой Отечественной войны показать зрителю героиню борьбы русского народа за установление власти Советов. Крейсер «Аврора» (по пьесе «Заря»), помогавший петерским рабочим штурмовать последнюю цитадель буржуазного правительства, Зимний дворец, беззаветная революционная доблесть моряков Балтии, и ныне наводящих трепет на гитлеровских захватчиков и их фин-

ских наймитов, — эти моменты Октябрьского восстания волнующе звучат и в наши дни. Однако, обстановка Великой Отечественной войны с гитлеровской Германией требовала некоторой обработки отдельных мест авторского текста, чтобы правильно показать советскому зрителю исторический смысл событий, произошедших четверть века назад. Без этих коррективов отдельные детали в пьесе звучат анахронизмом.

Пьеса Б. Лавренева отличается свойственной этому писателю остротой фабульной завязки и развязки, отменной доходчивостью текстового материала, насыщенностью драматических ситуаций, четкостью образов. Здесь большой простор для актера.

Молодой театр, рядом своих последних работ (в частности постановкой мольеровского «Мещанина во дворянстве») показавший заметный рост, удачно справился с новой постановкой. Эта удача сказалась, прежде всего, в разрешении образа ведущего действующего лица пьесы, председателя судебного комитета крейсера «Заря», балтийского матроса Артема Годуна. Б. Костин, молодой актер с разносторонними и симпатичным дарованием, создал живой и запоминающийся образ вожака матросской массы, в котором неукротимая страсть революционного бойца сочетается со здоровой рассудочностью в решающие острые моменты борьбы, с мягким юмором, глубокой человечностью и лиричностью. Актер, избежав штампа и схемы, сумел придать этому образу большую жизненную убедительность. Несомненная творческая удача!

Антипод Годуна — «моряк от Донона и Кюба» лейтенант фон Штубе — из прибалтийских немчиков. Отменный прообраз нынешних фрицев — опустошенный, люто свирепый, яростно ненавидящий массы. Актер С. Орлов не избежал присущих ему мелодраматических нот и «напевности», но в целом создал предельно омерзительный образ врага, достойный его нынешних фашистских продолжателей.

Благородный образ последователя славных традиций лучших представителей русского морского офицерства — братьев Бестужевых, Суханова, Шмидта — в лице капитана Берсенева — не вполне удался В. Валентинову, впадающему временами в чрезмерную «риторичность».

По-разному разрешают симпатичную роль Татьяны Берсеновой артистки Э. Горская и Н. Вишневская. Артистка Э. Горская вложила много драматичности и сдержанной страсти в этот портрет русской женщины, сумевшей найти верный путь в революционной стихии. Вишневская строит образ в мягком лирическом плане. Нам кажется более верной и соответствующей авторскому замыслу первая трактовка роли.

Выразительна Е. Расторгуева в характерной роли второй дочери Берсенева «девы Балтики» Ксаны. Сквозь налет цинизма артистка сумела с большой силой показать глубокую внутреннюю драму без времени созревшей и морально опустившейся девушки, попавшей в гнилую среду тылового разгульного офицерства из «большого света». Много юной непосредственности вкладывает в эту роль артистка Л. Горина.

В изображении действующих лиц второго плана безусловно удачны М. Дмитриевский в роли боцмана-шпиона Швача, Н. Чегодаева (жена Берсенева), г. Русаков (фат и пустышка, поручик Полевой). В ролях матросов следует выделить способного В. Чистякова.

Большую и полезную работу проделал постановщик спектакля Е. Н. Сперанская в разработке отдельных ролей и в постановке массовых сцен. Хороши декорации заслуженного деятеля искусств ДАССР худ. К. Цыгвинцева.

Спектакль войдет в актив театра как несомненный показатель его творческого роста» [3].

Третья, последняя рецензия о мастерстве художественного воплощения образов артистами театра вышла в конце июня месяца: «Пьесы К. Симонова заняли почетное место на советской сцене. Острота и значительность темы, глубина обобщений характеризуют творчество драматурга и служат лучшим объяснением устойчивости успеха его произведений у советских зрителей.

«Русские люди» занимают особое место в творчестве Симонова. Пьеса не лишена драматургических погрешностей; без ущерба для развития фабулы можно было бы исключить ряд эпизодических фигур, очерченных автором лишь вскользь, без органической связи с тематическим стержнем пьесы. Эти недочеты, однако, искупаются глубокой значительностью темы, поднятой и разрешенной автором. Что может быть благодарнее и благороднее избранной Симоновым темы — показать величие духа и эпический героизм русских людей в отечественной войне? Народ-титан, русский народ первым в великой семье народов несет на своих могучих плечах тяжесть невиданной в истории человечества жестокой войны с гитлеровской Германией и ее вассалами.

Широк «кругозор» пьесы! Перед нами и самоотверженный командир Сафонов, и пламенный патриот, старый офицер Васин, и героическая русская женщина, мать Сафонова, и журналист-боец Панин, и отважная, без страха и колебаний идущая на смерть, девушка Валя и простой русский человек, старый фельдшер Иван Иванович Глоба, и руководитель партизан — предгорсовета Василий, бойцы, партизаны. Изумительные, подлинно бессмертные русские люди!

Показан и вражеский стан. Подлые, опустошенные до предела изменники — «городской голова» Харитонов, диверсант Козловский, мелкий согладатель Семенов.

Пьеса Симонова не легка в постановке. Необходимы вдумчивая работа постановщика и большое актерское мастерство исполнителей, чтобы дать на сцене живые образы, не превратить действующих лиц в маски, в схему и штамп, а все действие — в инсценированный клубок.

Этой ошибки не избежал ставропольский театр драмы, задавшийся хорошей мыслью отметить патриотической постановкой знаменательную дату двухлетия Отечественной войны, но не проявивший достаточной серьезности при решении трудной задачи.

Недочеты спектакля относятся, прежде всего, за счет ошибок постановщика Э. Горской, не сумевшей помочь актерам в раскрытии образов пьесы. Сказалось это, прежде

всего, на разрешении центральных образов — капитана Сафонова и Вали Анощенко. Актер Б. Костин сгустил «лирические» тона, уделив значительно меньшее внимание показу решающих черт в образе Сафонова — советского командира, ведущего борьбу в тяжких условиях вражеского окружения. Чрезмерный натурализм (особенно в сцене допроса) затрудняет правильное и полное разрешение образа героической русской девушки Вали, сводя на нет отдельные искренние и волнующие нотки в игре способной артистки Е. Расторгуевой.

Один из самых обаятельных людей в пьесе — военфельдшер Глоба. Этот образ построен автором на интересном «противоречии» между внешним обликом и внутренним миром замечательного человека. Внешне-напряженный, лукавый, даже несколько пошловатый, старый «хвершал». Но под этой оболочкой кроется большая русская душа, любящая и жизнелюбивая, оптимистическая и готовая на величайшие жертвы. Глоба уходит на смерть с песней. Потрясающий драматический момент. В трактовке С. Орлова этот образ крайне беден.

Выгодное впечатление производит В. Валентинов, нашедший теплые и выразительные тона для образа начальника штаба, старого штабс-капитана Васика. Д. Спиглянина создала волнующий образ русской матери. Е. Максимов сумел создать предельно омерзительный портрет гитлеровца Розенберга.

Тема пьесы настолько значительна, настолько волнует, что зритель готов простить многие грехи постановки. Взмолвленные аплодисменты то и дело раздаются в зале.

Следует поставить в заслугу театру уже одно то, что он ознакомил зрителя с замечательной патриотической пьесой. Однако работу над спектаклем следует продолжать со всей серьезностью, чтобы добиться правильного разрешения всех образов пьесы, показывающей, как идут на смерть за родину русские люди, как русские люди добиваются победы над лютым врагом» [4].

В связи с возвращением из эвакуации краевого драматического театра, городской драматический театр 22 августа закончил работу в г. Ставрополе и был переведен в г. Черкесск.

За семь месяцев работы театра в нем сформировался творческий ансамбль, повысилось актерское мастерство, определился репертуар. Горком партии «отметил заслуги коллектива и пожелал ему творческих успехов на новом месте работы» [5].

Таким образом, Ставропольский городской драматический театр, после освобождения Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков возник в короткий срок из-за отсутствия краевого драматического театра, временно эвакуированного в Красноярский край. В репертуаре театра были классические постановки, пьесы современных авторов, комедии, проводились вечера одноактных пьес. Артисты театра в силу своих возможностей, в трудное послеоккупационное время, заполняли духовную жизнь ставропольчан, сыгранными образами вселяя в них оптимизм и уверенность в Победе над врагом.

Литература:

1. Раскин, Г. Театр // Ставропольская правда. — 1943. — № 68 (28 марта). — с. 4.
2. Актеры-доноры // Ставропольская правда. — 1943. — № 79 (13 апреля). — с. 4.
3. Раскин, Г. Театр // Ставропольская правда. — 1943. — № 97 (9 мая). — с. 3.
4. Раскин, Г. Театр // Ставропольская правда. — 1943. — № 134 (30 июня). — с. 3.
5. Ставропольский театр драмы переводится в Черкесск // Ставропольская правда. — 1943. — № 171 (21 августа). — с. 4.

Проблема фальсификации событий Великой Отечественной Войны

Ибрагимов Гузель Шарафутдиновна, студент

Тюменский государственный университет

Фальсификация — это подмена подлинного мнимым, злоостное преднамеренное искажение или неверное истолкование документов, фактов, событий; подделка, изменение с корыстной целью свойств определенных явлений и социально-политических процессов, характеристик отдельных личностей. [3]

В последнее время историки все чаще сталкиваются со случаями фальсификации исторических событий. Данный вопрос часто поднимается в научной литературе, и последнее время стал одним из наиболее важных не только для ученых, но и для простых граждан. [1] Одной из наиболее острых тем для фальсификации исторических фактов является Великая Отечественная война. Некоторые историки и зарубежные политики пересматривают итоги Великой Отечественной войны, используя сомнительные источники. Проникая в учебную литературу и средства массовой информации, фальсификация истории Великой Отечественной войны наносит огромный вред подрастающей молодежи, и в этом ее главная опасность для нашего будущего, золотого фонда российской нации. В учебниках приводятся обобщенные данные о массовом героизме, искаженно преподносятся материал об источниках нашей победы, итогах и уроках войны. [1]

В некоторых учебниках для школ и вузов делается попытка пересмотреть основополагающие выводы об итогах войны и их влиянии на судьбы не только европейских стран, но и мирового развития в целом; все чаще появляются предложения о необходимости «нового» прочтения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн с целью дать ответы на вопросы: кто спровоцировал и начал войну, кто сыграл решающую роль в разгроме фашистской Германии. Отсюда вытекает одна из важнейших задач нынешних историков — противодействовать фактам фальсификации отечественной истории. Окончание Великой Отечественной войны «плавно» перешло в не менее ожесточенную идеологическую борьбу против СССР. Внешнеполитическую сторону этой «холодной» войны возглавили США, которые постепенно становились мировым лидером не только в научно-техни-

ческом отношении, но и в деле морально-нравственного разложения современного общества. [1]

Если подробно остановиться на случаях фальсификации исторических событий Великой Отечественной войны, то начать стоит с того, кто являлся агрессором или инициатором данной войны. Для более взрослого поколения ответ на данный вопрос является очевидным, но и здесь некоторые историки расходятся во мнениях. Почвой для фальсификаций являются дискуссии, связанные с событиями 1939–1940 гг. в Прибалтике, в результате которых прибалтийские республики были присоединены к Советскому Союзу. Авторы учебников истории стран Балтии единодушно рассматривают события 1940 г. как факт «оккупации». Так, например, о пакте Риббентропа-Молотова как первоисточнике «советской оккупации» говорится во всех латвийских учебниках истории XX века, изданных после распада СССР. [2]

Введение летом 1940 г. вооруженных сил СССР на территорию Латвии рассматривается как «оккупация» Латвии, а последующие события включения Латвии в состав СССР как «аннексия». Близкие по характеру трактовки этих событий содержатся в учебниках Литвы и Эстонии. Так, в частности, в учебниках истории для гимназий Эстонии предлагаются три версии квалификации событий, связанных с изменением международно-правового статуса Эстонии, — «оккупация, аннексия, инкорпорация», но при этом официальная позиция Эстонии выражается в признании этих событий как «оккупации» Советским Союзом. В современной российской историографии есть определенные различия в трактовке этих событий. Часть российских историков акцентирует внимание на том, что в условиях начала Второй мировой войны и агрессивных действий германского руководства у руководителей республик Прибалтики не было иного выхода кроме определенного сближения с Советским Союзом. Другие российские историки подчеркивают заинтересованность советского руководства в присоединении республик Прибалтики по причинам геополитического и стратегического характера, а само присоединение этих

стран рассматривают в контексте противоборства с Германией. [2]

Особого внимания заслуживают обвинения в адрес нашей страны в «совиновности» с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны, умаление роли СССР в достижении победы стран антигитлеровской коалиции над государствами фашистского блока. В учебниках стран Балтии утверждается, что виновниками начала Второй мировой войны в равной степени являются Германия и Советский Союз. [2]

В данном вопросе странам Прибалтики симпатизируют другие страны Европы, которые преследуют цель занижить роль России в международных делах в рамках «нового прочтения» итогов Второй мировой войны. Это позволило бы перевести Россию из разряда страны-победителя в разряд государства-агрессора. Особую активность на этом поприще проявляет Польша. Её элите важно сохранить то место, которое она недавно заняла в западном сообществе и, одновременно, усилить свое влияние в Евросоюзе и НАТО. И чтобы доказать свою верность антироссийскому курсу, польский Сейм 23 сентября 2009 г., к примеру, принял резолюцию, в которой квалифицировал освобождение Красной Армией в сентябре 1939 г. оккупированной поляками земли Западной Украины и Западной Белоруссии, как агрессию против Польши. Тем самым впервые на официальном уровне СССР был объявлен агрессором, развязавшим Вторую мировую войну совместно с Германией. [5]

Фальсификаторы как отечественные, так и западные нередко искажают события, связанные с причастностью СССР к развязыванию Германией Второй мировой войны, а некоторые из них считают СССР пособником фашистов. Данные заявления основываются на «Пакте Молотова — Риббентропа» от 23 августа 1939 г., который фальсификаторы истории демонстрируют в качестве своего основного аргумента. Главной тезис, на котором строится это утверждение: это был сговор Гитлера и Сталина который привел к главной трагедии XX века. При этом в Европе, как и в США, умалчивают факты безответственной политики западных стран накануне войны, когда США, Великобритания и Франция пытались сдержать Гитлера, отдавая ему всю Центральную и Восточную Европу в надежде на столкновение Германии и СССР. При этом западные политики как бы «забыли» про Мюнхенский договор и расчленение Чехословакии в сентябре 1938 г., когда рухнула не продержавшаяся и пяти лет система европейской безопасности, выстроенная в 1935 году. Умалчивается и то, что Великобритания и Франция раньше СССР подписали с Германией декларации о ненападении, в то время как советское руководство неоднократно предлагало им согласовать свою внешнюю политику по отношению к Германии, но каждый раз наталкивалось на стену молчания. Поэтому «германо-советский договор о ненападении» был ответной реакцией Москвы на Мюнхенский сговор. [4]

Другой темой острых дискуссий является вопрос, кто победил в данной войне, и кто внес решающий вклад.

Для миллионов россиян, очевидно, что основой победы в войне против фашизма явился массовый героизм самоотверженности советских воинов. Их движущей силой явилось понимание справедливого характера войны и необходимость любой ценой победить агрессора. Массовый героизм советских людей в годы войны был обусловлен и тем, что люди всех национальностей одной шестой части планеты выступили в этой войне как патриоты своей Родины и как интернационалисты. Однако западные историки и политики нередко фальсифицируют исторические факты и во много раз уменьшают вклад русских солдат и всего русского народа. [4]

Так, американский историк Х. Болдуин считает, что исход Второй мировой войны решили 11 битв («великих кампаний»). В частности — операция «Маркет Гарден» в Голландии, высадка англо-американских войск в Нормандии, битва за атолл Мидуэй на Тихоокеанском театре военных действий. Из битв, выигранных советской армией, он упоминает лишь Сталинградскую битву. Аналогичный характер имеют концепции западногерманских историков Г. Якобсена и Г. Доллингера которые насчитывают 7 «поворотных пунктов войны». Существуют и другие варианты «решающих битв» и «поворотных пунктов». И во всех этих концепциях западных историков предпочтение отдается Тихоокеанскому и Североафриканскому театрам военных действий, а советско-германскому фронту отводится второстепенное место. И такие трактовки активно внедряются в учебную литературу для подрастающего поколения. [4]

Фальсификация исторических фактов, а в особенности фактов, касающихся Великой Отечественной войны для нас кажется кощунством. Нельзя допустить, чтобы подрастающее поколение читало книги и учебники, в которых подвергнута сомнению значимость русского народа в победе над фашистами или где СССР называют оккупантами и пособниками нацистов. Соккрытие критически важных фактов и событий, значимых для мировой общечеловеческой ответственности, погружение ценной информации в массив информационного мусора — эти и другие приемы позволяют манипулировать общественным мнением в выгодном Западу направлении. Как в свое время цинично заявлял министр нацистской Германии Й. Геббельс «Чем больше ложь, тем скорее в неё поверят». [6] Это осуществляется через СМИ и систему образования, где намеренно искажаются исторические события. Для достижения поставленных целей используются и другие области информационного воздействия на международное сообщество. [4]

Профессор Е. Е. Вяземский в своей научной статье, посвященной проблеме фальсификации научных фактов, предлагает следующие пути решения данной проблемы. Он считает, что необходимо для противодействия попыткам фальсификации истории и проникновения фальсифицированных версий истории в учебную литературу необходимо повысить статус исторического образования как ключевого направления социализации школьников. [2]

Е. Е. Вяземский подчеркивает, что эффективность исторического образования можно обеспечить при условии формирования в школе целостной системы основного и дополнительного образования, урочной и внеурочной образовательной деятельности, фокусом которой будет создание педагогических условий для становления гражданина. Задача авторов учебников, преподавателей истории — найти яркие, образные выразительные средства для реализации этой миссии на основе российских культурно-образовательных традиций и не игнорировать при этом мировой педагогический опыт. [2]

Также Е. Е. Вяземский считает, что в преподавании истории необходимо стремиться к тому, чтобы сформировать у учащихся набор ключевых компетенций, к числу которых можно отнести умение отличать факты, достоверные научные данные от их идеологических обоснований, умение критически воспринимать различные версии истории, но при этом не разрушить целостность

исторического, историко-культурного образа России. Формирование этих ключевых умений возможно при условии поэтапного развития способностей старшеклассников самостоятельно работать с исторической информацией, творчески применять полученные знания в новых, в том числе проблемных, ситуациях. [2]

Таким образом, проблема фальсификации исторических фактов является актуальной в современное время. Для ее решения необходимо стараться защищать истинные факты о Великой Отечественной войне, передавать их из поколения в поколение, чтобы подрастающее поколение знало о подвигах нашего народа, гордилось им и стремились не допустить тех ужасов войны, что пережили наши предки. Необходимо, чтобы наши потомки не только знали о Великой Отечественной Войне, но и осознавали, как нелегко далась эта победа, сколько людей жизнью она унесла, сколько крови было пролито. Именно благодаря победе над фашистами мы имеем мирное небо над головой.

Литература:

1. Бауэр, В. П., Суховецкая Е. Ю. Актуальные вопросы фальсификации истории Великой Отечественной Войны. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.ru/download/13413674.pdf>
2. Вяземский, Е. Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты. / [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-falsifikatsii-istorii-rossii-i-obshchee-istoricheskoe-obrazovanie-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty#2>
3. Капто, А. С. Фальсификация как оружие антиистории. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.ru/download/20446298.pdf>
4. Морозов, Ю. В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России. [Электронный ресурс] URL: <http://rusus.ru/?act=read&id=436>
5. Стародубцев, Д. М., Косаченко Н. А., Березовский И. Е. К вопросу о фальсификации истории Великой Отечественной войны в западных СМИ. [Электронный ресурс] URL: <http://sibac.info/16411>
6. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/23/28.htm>

Опричнина (1565–1572). Ивана IV Грозного

Кочетовский Иван Евгеньевич, студент;

Коренева Диана Альбертовна, студент

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации

В данной статье будут рассматриваться основные причины введения опричнины в 1565 году её начало и развитие, а также основные события и результаты.

Ключевые слова: *опричнина, причины введения, основные события, результат.*

Официальным поводом введения опричнины стало отречение Ивана IV Грозного от престола объяснив свой поступок изменой ближних бояр. Но углубляясь в историю XVI века мы увидим нем менее трех более весомых повода для введение опричнины в 1565 году. В 1558 году Иван IX начинает Ливонскую войну за права овладеть Прибалтийским побережьем но она оказалась не удачной, что более усугубило положение в стране и нарастанию недо-

вольства со стороны бояр требовавших расширения их землевладений. Недовольство избранной радой, а также страх перед энергичными, самостоятельно мыслящих людьми, смерть духовного наставника митрополита Макария в 1563 году. Также и личная трагедия, смерть жены Анастасии Захакиной единственную которую он любил в зрелые годы. Всё эти события пошатнули самодержавие Ивана IX и нанесли серьезный удар его авторитету.

В январе 1565 г. Ивана Грозного отрекается от престола. И вместе со свайей семьей уезжает в Александровскую слободу. Оттуда он обратился в столицу с двумя посланиями. В первом, направленном духовенству и Боярской думе, Иван IV сообщал об отказе от власти из-за измены бояр и просил выделить ему особый удел — опричнину от слова «опричь» — кроме [2, с. 106]. Во втором послании, обращенном к посадским людям столицы, царь сообщал о принятом решении и добавлял, что к горожанам у него претензий нет. [1, с. 183]

Это был хорошо рассчитанный политический маневр со стороны Ивана IV. Используя веру народа в царя, Иван Грозный ожидал, что его позовут вернуться на трон. Когда же это произошло, царь продиктовал свои условия: право неограниченной самодержавной власти и учреждение опричнины. Страна была разделена на две части: опричнину и земщину. Столицей опричнину стала Александровская слобода, туда Иван IV включил наиболее важные земли, такие как поморские города, города с большими посадами и важные в стратегическом положении, а также наиболее экономически развитые районы страны. В этих землях поселились дворне, входившие в опричное войско. Казна у опричнины была собственная. Однако налоговая система отвечавшая за поступление и распределения, была едина для всего государства. Общим оставался и Посольский приказ. Это как бы символизировало, что несмотря на разделение земель на две части, государство по-прежнему едино и нерушимо.

Состав опричников был вначале определен в тысячу человек в лице которых Иван Грозный создал некий полумонашеский, полурыцарский орден, строившийся на щедрых земельных и денежных пожалованиях государя и на беспрекословном повиновении его воле. Они носили черную, похожую на монашескую, одежду и прикрепляли к седлам собачьи головы и метлы, демонстрируя этим собачью преданность царю и готовность в любую минуту смести с лица земли любого его врага. Но самым жестоким и без пошадным опричникам был любимец и помощник Ивана Грозного, Малюта Скуратов (настоящие имя Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский) прославившийся убийством митрополита Филиппа.

Опричный террор наносил безжалостные удары не только по боярской и княжеской знати кого царь считал изменниками, но и по всему населению. Что приводило к тому, что уже и сами опричники становились объектом царского гнева. Казнены были Алексей Данилович Басманов (боярин и воевода Ивана IV, один из предводителей опричнины) его сын Федор, князь Вяземский, руководитель земщины Иван Висковатый.

Осенью 1569 г. царь получил сообщение, что Новгородская знать хочет передать Новгородские земли под патронат Польши, и при этом свергнут самого Ивана с царского престола В декабре 1569 г. собрав довольно большое войско, царь выступил против Новгорода. По свидетельствам летописцев расправа над новгородцами была крайне жестокой. Этому свидетельствовали убийства не-

винных жителей Новгорода, поджоги разграбления домов, подворье и даже монастырей, сожженный скот и все припасы. Согласно летописным сводам, за шесть недель пребывания в Новгородских землях опричники казнили 10-15 000 человек. [1, с. 184]

Следующей остановкой жестокого царя и его опричников стал Псков. Несмотря на то, что царь изначально планировал также совершать расправы над жителями, казнены в итоге были лишь некоторые из псковичан, их имущество конфисковали.

После Новгородского похода Иван Грозный возвращается в Москву и продолжает политику террора, чтобы найти оставшихся пособников новгородской измены и совершить над ними расправу. Не щадил царь даже собственных приближенных. Общее количество жертв, по некоторым данным, превысило 200 человек, среди которых самые знатные люди. 1570-71 года ознаменовались массовыми казнями в Москве. [1, с. 184]

Причиной роспуска опричнины в 1571 году стало вторжение в Москву крымского хана Давлет Гирея. Опричники, привыкшие жить за счет грабежа своих же граждан, оказались бесполезными воинами и по некоторым сведениям просто не явились на поле боя. Именно это заставило царя отменить опричнину и ввести земщину, которая мало чем отличалась. Существуют сведения, что свита царя продолжала существовать практически в неизменном виде вплоть до его смерти, сменив лишь название с «опричников» на «двор». [2, с. 108]

Итоги опричнины 1565–1572 годов были плачевны. Но историки не дают однозначной оценки столь масштабному политическому деянию Ивана IV. Кто-то считает опричнину настоящим хаосом и полной анархией, причиной разорения земель. Кто-то наоборот ведет в ней движущую силу централизации и усиления власти. Столь противоречивые мнения обусловлены, недостатком источников исторической информации в наше время для объективного изучения опричнины как государственно политического явления.

Минусы опричнины. Пожалуй, самый значимым последствием столь сурового варианта внутренней политики можно считать разорение многих земель. Уезды и уделы, по которым покатила волна карательных отрядов опричников, лежали в руинах — массовые казни как правителей земель, так и рядового крестьянства не способствовали процветанию. Экономический кризис, вызванный сокращением посевных площадей — а Россия по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной — стал причиной голода в центральной и северо-западной частях страны. Голод, в свою очередь, вынуждал крестьян переселяться из обжитых районов, вскоре переселение обернулось откровенным бегством. Государство пыталось бороться с обезлюдением земель, принимая первые крепостные акты, как, например, указ о заповедных летах. Так опричнина стала причиной закрепощения крестьян, усиления из зависимости от воли помещиков.

Эта политика оказала свое влияние и на проводимую в то время Ливонскую войну. Частично причина стала причиной поражения России в ходе военных действий. Боясь обвинений, военачальники не спешили проявлять инициативу в проведении боевых операций. Кроме того, на вооружении войска сказались и недостаточное финансирование — из-за разорения центральных земель в последние годы опричнины государственная казна недополучила значительную часть налогов.

Плюсы опричнины. Несмотря на резкую критику со стороны большинства историков как XVIII-XIX веков, так и современных, опричина имела и положительные стороны, не упомянуть о которых нельзя.

В первую очередь, политика террора послужила на благо централизации страны. Разорение княжеских уделов, смерть, насильственные земельные мены и переселения представителей высшего боярско-дворянского сословия существенно ослабили земельно-родственные связи между противниками верховной власти. Следствием этого стало укрепление влияния царя и централизации государства.

Формирование нового стиля правления, без оглядки на боярскую думу тоже стало возможным благодаря введению опричнины. И хотя самодержавие не всегда шло на благо, для нового государства, только что объединившегося из разрозненных земель, единая власть стала си-

стемообразующим фактором. По мнению многих историков, становление великого государства невозможно без суровых мер — пусть и столь жестоких как опричина. Террор во времена Ивана Грозного мог быть единственной формой утверждения центральной власти, единственным способом объединения земель.

Кроме того, террор и разорения, которые устраивали опричники, привели к тому, что в стране начался экономический кризис. Феодалы потеряли свои земли, крестьяне не хотели работать, народ остался без денег и не верил в справедливость своего государя. Страна погрязла в хаосе, опричина разделила страну на несколько разрозненных частей и все ближе подводила страну к смуте.

Подводя итог из всего выше сказанного можно сделать вывод, что последствия опричнины 1565–1572 годов, усугубленные неудачами в Ливонской войне, были трагичны для страны несмотря на то, что она задумывалась как средство единения государства. В России разразился экономический кризис. Крестьянское хозяйство утратило устойчивость, начался голод, казна усилила налоговый гнет. Отмена Юрьева дня из временной и ограниченной меры привело к закрепощению крестьян. А это утверждало наиболее консервативный тип феодальных отношений и укрепляла закрепощение крестьян, что тормозило развитие страны. Складывались духовные предпосылки Смуты.

Литература:

1. Сахаров А.Н. Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века М: Просвещение., 2012 — 325 с.
2. Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунин А.Ю., Терещенко Ю.Я. Основы курса истории России: Учебн. пособие. — М.: Простор, 2002 — 651 с.
3. Скрынников Р.Г. «Царство террора», СПб, 1992 — 574 с.

Влияние опыта русско-японской войны на процесс вооружения Российской императорской армии начала XX в.

Марыжихин Вениамин Евгеньевич, аспирант

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

Процесс вооружения Российской императорской армии происходил под влиянием изменений тактических принципов военного искусства, новейших научно-технических разработок и полученного боевого опыта.

В 1895 г. император Николай 2 утвердил, в качестве личного стрелкового оружия, «Револьвер образца 1895 г. (системы «Наган»)».

Конструкция этого револьвера состояла из 39 деталей и обладала следующими характеристиками: калибр — 7,62 мм; вес без патронов — 0,75 кг; длина — 234 мм; вес пули — 6,9 г; начальная скорость пули — 272 м/с; скорострельность боевая — 7 выстр./15–20 сек; прицельная

дальность — 50 м. Его барабан являлся одновременно и патронником, и магазином; емкость барабана — 7 патронов. Прицельные приспособления состояли из целика с прицельной прорезью на верхней части рамы и мушки на передней части ствола.

В войсках были распространены две основные модели револьвера системы «Наган» — офицерский и солдатский. На солдатском — устанавливался более простой и дешевый ударно-спусковой механизм одиночного действия (для производства выстрела необходимо было предварительно взвести курок, а для следующего — повторить вышеописанные операции). На офицерском револьвере

применялся более сложный ударно-спусковой механизм двойного действия. Опыт боевых действий 1904—1905 гг. показал, что оружие с таким механизмом обладало значительным тактическим преимуществом, — это, в конечном итоге и привело к отказу от производства солдатской модели.

К началу XX в. основным вооружением сухопутных войск были винтовки системы С. И. Мосина, которые, с технической точки зрения, представляла собой «магазинное оружие с ручным перезаряданием. Запирание ствола осуществлялось продольно-скользящим поворотным затвором на два боевых упора за ствольную коробку. Боевые упоры располагались в передней части затвора и в запертом состоянии — в горизонтальной плоскости. Введение ударника и постановка его на боевой взвод осуществлялись при открытии затвора. Затвор простой по конструкции, прямая рукоятка перезарядания расположена в середине затвора» (2, с. 598).

Винтовка Мосина также обозначалась как «3-линейная винтовка образца 1891 г». Три линии в старинной русской системе мер равны 0.3 дюйма, или 7.62 мм. Вместе с винтовкой был принят и новый трехлинейный (7.62 мм) патрон, ныне известный как 7.62x54 мм R.

Для вооружения утвердили три базовых варианта этой системы, мало отличавшихся между собой: пехотная — имела длинный ствол и штык; драгунская (кавалерийская) — отличалась чуть более коротким стволом и также снабжалась штыком. Казачья винтовка отличалась от драгунской только отсутствием штыка.

Русско-японская война выявила основной недостаток винтовки системы С. И. Мосина: штык всегда должен был носиться примкнутым к винтовке, в боевом положении, потому что все винтовки, кроме казачьей, пристреливались с примкнутым штыком, и снятие штыка приводило к существенному изменению боя винтовки. Это делало и так довольно длинную винтовку еще более неудобной в переноске и в маневре, особенно в стесненных обстоятельствах (в окопах, в густом лесу и т. п.).

В 1901 г. на вооружение сухопутных войск появились первые образцы группового стрелкового оружия — 7,62-мм пулемёты «Максим» на колёсном лафете английского образца.

Это первая система автоматически действующего оружия получила воплощение в конце XIX в., когда технические и производственные возможности позволили использовать энергию пороховых газов для перезарядания. И первым, кому удалось реализация этого замысла, был американец Х. С. Максим. В 1883 г. он запатентовал пулемет, получивший впоследствии широкую известность во всем мире.

Производство отечественных пулеметов началось накануне Русско-японской войны на Тульском оружейном заводе.

«Максим» отнесли в подчинение к артиллерии, установили на тяжелый лафет с большими колесами и большим бронецитом. Масса всей конструкции получилась около

250 кг. Установку намечалось использовать для обороны крепостей, а также с заранее оборудованных и защищенных позиций пулеметным огнем планировалось противостоять массированным атакам пехоты противника.

В ходе боевых действий пулемет показал себя как «весьма надежное и эффективное оружие». При этом, уже в войсках, их снимали с тяжелых лафетов и с целью повышения маневренности ставили на самодельные, более легкие и удобные в перевозке станки. Теперь вес конструкции составлял около 60 кг.

«Русско-японская война дала обширный материал боевого использования пулеметов в полевых и крепостных укреплениях, на равнинной и пересеченной местности, в различных видах боя, на различных дальностях и привела ее участников к пониманию того, что позицию, усиленную искусственными препятствиями, на которой поставлены пулеметы, взять с фронта весьма трудно; а значит, пулемет приобретал исключительное значение» [3, с.198].

Он открыл эпоху развития автоматического оружия, и во многом определил изменение и развитие системы вооружения, организации и тактики сухопутных войск в XX в.

Накануне войны с Японией в артиллерийском подразделении, на вооружении, появляется полевая 76-мм (3 дм.) пушка обр.1900 г. , а затем — Приказом по артиллерии от 3.03.1903 г. и ее модернизация — «3 дм полевая пушка обр.1902 г».. Высочайшее Повеление о принятии пушки последовало 19.03.1903 г.

Образцы имели противооткатные устройства и унитарное зарядание; прекрасную баллистику и превосходили по своим характеристикам практически все дивизионные орудия за рубежом.

К новым пушкам в России в качестве снаряда была принята только шрапнель, хотя до этого для всех полевых орудий полагались также и осколочно-фугасные гранаты. Глубина площади разлета пуль шрапнели, выпущенной из 76-мм пушки на дистанцию около 2 км, достигала 500 м, ширина — от 20 до 65 м. «Шрапнельным огнем одна 8-орудийная русская батарея могла в считанные минуты полностью уничтожить не только пехотный батальон, но даже полк кавалерии». Но насколько эффективной шрапнель была при стрельбе по открытым живым целям, настолько же слабой при поражении целей сколь-нибудь укрытых. Этот факт и выяснился в ходе Русско-японской войны. ГАУ вынуждено было заказать 3-дюймовые осколочно-фугасные гранаты за рубежом и одновременно начать разработку отечественной гранаты.

Кроме этого, результаты военной кампании 1904—1905 гг. привели к пониманию того, что кроме пушек легкой полевой артиллерии необходимы и дальнбойные подвижные гаубицы, и более мощные артиллерийские орудия для разрушения укреплений противника во фронтовой полосе.

Русско-японская война выявила значительные недостатки в техническом оснащении армии, ее организации, комплектации, боевой подготовки и поставила задачу

дальнейшего проведения реорганизации военного-промышленного комплекса в целом в начале 20в.

Таким образом, на процесс вооружения Российской императорской армии начала XXвв. оказывали влияние как

научно-техническим достижения, так и изменения тактических принципов ведения боя, но доминирующую роль играл опыт боевых действий.

Литература:

1. Всемирная история войн (в 4-х тт.). книга 3 (1800—1925). СПб., М.: Полигон — АСТ, 1998. — 587 с.
2. Жук, А. Б. Энциклопедия стрелкового оружия: револьверы, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулемёты, автоматы /А. Б. Жук. — М.: АСТ МОСКВА, 2006. — 796 с.
3. Марыжихин, В. Е. Военный костюм и вооружение Российской императорской армии периода Русско-японской войны // Власть и управление на востоке России. — 2014 г. — № 3 (68).
4. Федосеев, С. Пулеметы русской армии в бою / С. Федосеев. — М.: Изд — во Эксмо, 2009. — 368 с.

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви и церковная политика в отношении сектантства и старообрядчества во второй половине XIX века

Секирин Андрей Александрович, аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена исследованию возникновения и развития миссионерства в Русской Православной Церкви в отношении сектантства и старообрядчества во второй половине XIX-го века. Особое внимание уделено анализу миссионерской деятельности Православных церковных братств и Православного Миссионерского Общества среди сектантов и старообрядцев, как части церковной политики в отношении данных религиозных групп населения во второй половине XIX-го века.

Ключевые слова: миссионерство, миссионерская деятельность, сектантство, старообрядчество, секты, раскольники, сектанты, государственно-конфессиональные отношения, церковная политика, церковные братства, Миссионерское Общество, Православная Церковь.

Missionary activity of the Russian Orthodox Church and church policy on sectarianism and the Old Believers in the second half of the XIX-th century

Sekirin Andrey, a postgraduate student

Belgorod State National Research University

The article investigates the origin and development of missionary work in the Russian Orthodox Church against sectarianism and the Old Believers in the second half of the XIX-th century. Particular attention is paid to the analysis of missionary activity Orthodox church brotherhoods and Orthodox Missionary Society among the sectarians and Old Believers, as part of church policy against religious groups the data in the second half of the XIX-th century.

Keywords: missionary, missionary activity, sectarianism, Old Believers, a sect, schismatics, sectarians, church-state relations, church policy, church brotherhoods, Missionary Society, Orthodox Church.

Религиозные движения сектантского типа в Российской империи, законодательно ограничивались в своих правах и преследовались в уголовном или административном порядке. Таким образом, политика государства в конфессиональном вопросе, в отношении данных религиозных групп, была направлена, прежде всего, на регулирование их правового статуса в рамках конфессиональной

системы империи и заключалась, прежде всего, в императивном законодательном регулировании по отношению к ним. Государство, как правило, будучи источником права в позитивном отношении, основывало свою политику на стремлении урегулировать правовой статус данных групп населения с учётом правового положения Православной церкви и защиты интересов общества и государства.

Однако в условиях конфессионального государства, обеспечивающего поддержку государственной системы духовной власти, было недостаточно лишь регулировать правовой статус отдельных вероисповеданий. При наличии государственной религии — Православия, которая являлась фундаментальной и идеологической основой русской самодержавной монархии, государство исходило из идеи «симфонии властей» [1, с. 43], при которой, государственная власть обеспечивает законодательное, правовое регулирование жизни своих подданных, а Церковь, обеспечивает духовное, пастырское руководство жизнью народа. Соответственно, одних лишь законодательных актов регулирующих деятельность сектантов и раскольников, и применения к ним мер административного воздействия со стороны государства, было недостаточно, чтобы решить вопрос о существовании сектантства, так как государство активно действовало в отношении сект, как правило, лишь в случае выявления нарушения ими существующего законодательства.

Таким образом, основная деятельность по работе с сектантами, как и вообще со всеми иноверцами, ложилась на Православную церковь, как идеологическую основу государства. Так как только Православная церковь могла распространять своё вероучение среди населения империи, то, следовательно, и проблема существования сект, находилась в плоскости духовной жизни подданных империи. Поэтому во второй половине XIX века, в Русской Православной Церкви, активизировалась противосектантская и противораскольническая миссионерская деятельность, направленная на то, чтобы христианским духовно-нравственным примером, распространять Православие и способствовать возвращению «заблудших», и «отпавших» чад, в ограду церкви.

Следует сказать, что миссионерство как таковое, является одной из важнейших основополагающих форм служения Церкви, как Тела Христова, института, сообщества верующих призванного, распространять Евангельскую весть, среди всех людей. Все члены Церкви, как Тела Христова, все верующие, должны нести миссионерское служение, каждый православный христианин, должен свидетельствовать своей собственной христианской жизнью, об Иисусе Христе, таким образом, все верующие призваны быть миссионерами в широком смысле слова. Миссионерская деятельность Церкви, как апостольское служение, является прямым исполнением заповеди Господа Иисуса Христа своим ученикам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам (Мф. 28:19–20)» [2, с. 1053]. Таким образом, миссионерская деятельность, распространение учения Христова, проповедь Благой Евангельской вести, лежит в самой природе Церкви.

Следует сказать, что практически, вплоть до середины XIX века, в Русской Церкви практически не было строго организованной миссионерской деятельности направленной именно на служение среди сектантов и раскольников. В течении XVIII — начале XIX века, в связи с уста-

новлением Синодальной системы управления Церковью, подчинением её государству, миссионерская деятельность была выражено достаточно слабо, что обуславливалось недостаточностью развития духовного образования, секуляризационной реформой 1764 года, значительными сложностями синодального периода, вызванными бюрократизацией и подчинённостью Церкви государству. Миссионерское служение в этот период, прежде всего, выражалось в существовании отдельных миссий, направленных на распространение христианства среди иноверцев, и практически никак не затрагивало в этот период сектантов и старообрядцев.

Эти миссии действовали, прежде всего, в регионах со значительным иноверческим населением среди мусульман, буддистов и язычников — «Контора новокрещенских дел в Поволжье, Казанская миссия среди татар и башкир, Осетинская духовная миссия на Северном Кавказе, Алтайская миссия, Якутская миссия, Кадьякская миссия на Аляске» [3, с. 20]. Таким образом, специально подготовленные миссионеры в этот период, действовали, как правило, в отношении инородцев и иноверцев, обязанности же текущей миссионерской работы среди населения, лежали практически целиком на приходском духовенстве, что конечно, в условиях постепенного роста сектантства и старообрядчества, было малоэффективным.

Со второй половины XIX века, с началом «Великих реформ», начались существенные изменения в культурной и социально-экономической сферах жизни российского общества, которые не могли не затронуть и религиозную жизнь народа. Общая либерализация общественной жизни, освобождение крестьян от крепостной зависимости, развитие промышленности, рост городов, приводило к быстрому разрушению традиционного, патриархального сельского уклада жизни. Огромная масса бывших малообразованных крестьян, оторванных от земли, направлялась в города, где становилась объектом воздействия различного рода идей, от нигилизма, социализма и атеизма, до сектантства и различного рода религиозного вольнодумства, что явно способствовало быстрому росту и распространению, различного рода сект и религиозного инакомыслия. Для государственных и церковных властей становилось очевидным, что в условиях быстрого роста сектантов, одних административных, законодательных мер не достаточно, для решения конфессионального вопроса и ограждения православного населения от влияния сектантства и раскола. «Необходимо было наладить хорошо организованную миссионерскую работу в епархиях, организовать противораскольническую и противосектантскую миссии, улучшить положение приходского духовенства, поднять его образовательный уровень, укрепить в народе Православную веру и нравственность» [3, с. 396].

Становлению полноценной миссионерской деятельности Церкви, способствовали и церковные реформы императора Александра II, в результате которых был поднят образовательный уровень духовенства, улучшено положение приходов, учреждены новые епархии. С середины

XIX века, миссионерское служение Церкви, становится более организованным и скоординированным, постепенно формируется соответствующая законодательная база, которая позволяет организовать полноценное миссионерское служение среди сектантов и старообрядцев.

В миссионерской деятельности Церкви, ко второй половине XIX века, сформировалось два вида миссий — внутренняя и внешняя. «Внутренняя миссия действовала среди римо-католиков, греко-католиков, протестантов и других христианских конфессий на территории России, сюда же относились старообрядцы и сектанты, то есть среди инославного населения империи, а также была направлена на христианизацию иноверного населения — мусульман, буддистов, иудеев и язычников. Внешняя миссия, главным образом, действовала за рубежом — на Среднем и Ближнем Востоке, в Северной Америке, Корее, Китае и Японии» [4, с. 130]. Для подготовки соответствующих миссионерских кадров, в духовных академиях и семинариях были открыты соответствующие отделения, особенный упор делался на подготовку миссионеров для служения среди раскольников.

С 60-ых годов XIX века начинается формирование активной миссионерской политики в отношении сектантов и раскольников, как на высшем церковном уровне, так и на уровне епархий. Синодом подготавливаются и издаются соответствующие нормативные акты, призванные упорядочить и скоординировать миссионерское служение духовенства, содействовать вовлечению приходов, мирян в активную миссионерскую деятельность. В связи с этим, Кабинетом Министров 8 мая 1864 года, был принят устав «О правилах для учреждения Православных церковных братств» [5, с. 409–410], который предусматривал создание в епархиях, на местах, при приходах и монастырях, с благословения и утверждения епархиального архиерея, церковных братств — объединений православных верующих и духовенства, для миссионерской и общественно-просветительской деятельности среди населения.

В статье 1 положения, устанавливались цели создания и полномочия членов братств: «Православными церковными братствами именуются общества, составляющиеся из Православных лиц разного звания и состояния, для служения нуждам и пользам Православной церкви, для противодействия посягательствам на её права, со стороны иноверцев и раскольников, для созидания и украшения Православных храмов, для дел Христианской благотворительности и для распространения и утверждения духовного просвещения» [5, с. 409], таким образом, братства были призваны, способствовать распространению и укреплению Православной веры среди населения. Члены братств занимались благотворительностью и духовным просвещением, вели активную миссионерскую работу, прежде всего в епархиях, со значительной долей инославного и иноверного населения. Исторически, Церковные братства существовали в Западных губерниях, со значительным католическим и униатским населением, однако, после издания данного положения, они стали организовываться по всей стране.

«К 1893 году уже насчитывалось более ста таких братств, они вели активную миссионерскую деятельность среди как инославных конфессий, так и среди старообрядцев и сектантов. Святейший Синод регулярно выдавал существенные финансовые средства на деятельность и организацию братств, они имели своих штатных миссионеров, регулярно проводили съезды, активно занимались различными духовно-просветительскими проектами, издавали книги, журналы, организовывали миссионерские школы, различные социальные и благотворительные заведения» [6, с. 453–454].

Однако, духовным, так и светским властям становилось, очевидно, что для наиболее эффективного противодействия распространению раскола и сектантства, организации миссионерской деятельности среди инославных конфессий и иноверных вероисповеданий, необходимо создание общероссийской организации, которая занималась бы миссионерским служением и курировала бы деятельность миссионеров на местах. С этой целью, 16 июля 1865 года, Комитетом Министров, был утверждён устав «Миссионерского Общества» [7, с. 792–794], которое призвано было заниматься распространением Христианства, первоначально, только среди язычников и нехристианского населения империи. В параграфе 1 устава общества, указывались цели его создания: «Миссионерское Общество имеет целью распространение Православного Христианства между язычниками в пределах Империи (кроме Кавказа) и соседних стран, а также между другими нехристианами, в нашем отечестве обитающими» [7, с. 792]. В четвёртом параграфе, устанавливалась территориальная сфера деятельности общества — это районы Алтая, Забайкалье, а также населённые мусульманами регионы, так же общество планировало распространить сферу на сопредельные регионы Средней Азии. Планировалось, что основными видами деятельности общества будут материальная и организационная поддержка миссионеров, постройка церквей, организация социальных учреждений, строительство и содержание школ и больниц, содействие епархиальным властям в организации и снабжении миссий, а также всеобщая поддержка в Православных верующих миссионерского призвания.

Однако действия учрежденного общества не отличались сколько-нибудь заметными успехами. Выявились организационные трудности, не было достаточно хорошо продумано и организовано взаимодействие с Церковными властями, кроме того, сфера миссионерской деятельности общества, а именно, распространение христианства только среди язычников и иноверцев, явно не соответствовало общим миссионерским задачам Церкви, особенно касательно сферы борьбы с сектантством и расколом. «В связи с этим, обер-прокурор Синода Д. А. Толстой, сообщил руководству общества, о том, что его деятельность будет перенесена в Москву, и подчинена непосредственно Церковному начальству. Руководство реорганизованным обществом, было решено поручить выдающемуся церковному деятелю, Святителю Иннокентию (Вениаминову),

Митрополиту Московскому и Коломенскому, который много лет потрудился в деле миссионерского просвещения народов Сибири, Дальнего Востока и Аляски» [8, с. 4–5].

Вопрос с перенесением деятельности общества, столкнулся со значительными трудностями, в связи с этим, владыка Иннокентий, решил заново организовать эту деятельность и 25 января 1870 года в Москве, было вновь создано «Православное Миссионерское Общество», которое было призвано стать основным координирующим органом, в деле развития миссионерского служения, но уже во всероссийском масштабе. Ранее, 21 ноября 1869 года, был Высочайше утверждён новый устав «Православного Миссионерского Общества» [9, с. 300–305], также разработанный при непосредственном участии Святителя Иннокентия, которое теперь состояло под покровительством Государыни императрицы, при непосредственном наблюдении Святейшего Синода. Тем самым, миссионерская деятельность Церкви, отныне находилась под самым пристальным вниманием высших духовных властей, что говорило о чрезвычайной важности политики миссионерского служения среди населения и распространения Христианства.

По сравнению с предыдущим уставом, новый устав, предусматривал значительные изменения в целях создания и действиях общества, расширение миссионерского служения на всё население империи, параграф 6 устава общества устанавливал: «Миссионерское Общество имеет целью содействовать, ..., Православным миссиям в деле обращения в Православную веру обитающих в пределах Русской Империи нехристиан и утверждения обращенных в истинах Св. Веры, так и в правилах Христианской жизни» [9, с. 300–301]. В седьмом параграфе устава, устанавливалось, что Общество стремится к пробуждению у православных христиан интереса к миссионерскому служению, содействует в материальном обеспечении миссионеров, организует постройку и содержание миссионерских церквей, школ и больниц, организует издание и распространение среди населения духовно-нравственной, миссионерской литературы, книг и журналов. В организационном плане, делами Общества руководил Совет, под председательством Митрополита Московского и Коломенского, находящийся в Москве, а на местах, в каждой епархии предписано было создавать Комитеты Общества, под председательством местных епархиальных архиереев. Тем самым, деятельность общества была поставлена под строгий контроль духовенства, для наиболее успешных действий в деле миссионерского служения. Православное Миссионерское Общество поставило задачу с одной стороны просветительно-благотворительную деятельность среди населения, его ознакомление и привлечение к миссио-

нерскому служению, с другой, организационную, материальную поддержку миссий и создание различных миссионерских учреждений.

Однако духовным и светским властям становилось, очевидно, что принятых мер явно не достаточно в деле миссионерского служения, особенно в вопросе противостояния сектантам и раскольникам. За период либеральных реформ Александра II их численность значительно выросла, а дарование определенных гражданских прав и свобод старообрядцам законом 3 мая 1883 года, чем также воспользовались и некоторые сектанты, привело к значительной активизации и к увеличению численности данных конфессиональных групп. Изменение социальной структуры Российского общества, вызванного реформами Александра II, либерализация общественной жизни, а также ведомственно-бюрократическое положение Православной Церкви в государстве, несмотря на некоторые реформы в её правовом статусе, приводили к религиозному расслоению населения, росту маргинальных конфессиональных групп, росту сектантства. Было очевидно, что необходимо значительно активизировать миссионерскую деятельность в отношении сектантов, деятельность в этой сфере, Православного Миссионерского Общества была явно недостаточной, так как Миссионерское Общество, в первую очередь, осуществляло миссионерское служение и просвещение среди нехристианского населения.

Одной из значительных сложностей в деле борьбы с сектантством и расколом было отсутствие значительного количества хорошо подготовленных миссионерских кадров для служения именно в сектантской среде. Для этого в семинариях и академиях, при подготовке будущих пастырей в первую очередь, необходимо было устранить недостаток знаний о сектантстве и расколе. «С 1885 года в учебную программу духовных учебных заведений вводятся новые предметные дисциплины и создаются кафедры по истории и обличению раскола и сектантства, тем самым, в Церкви стали готовить миссионерские кадры, направленные на деятельность именно в старообрядческой и сектантской среде» [4, с. 114].

Таким образом, можно сделать вывод, что во второй половине XIX века, в условиях изменения социокультурных и экономических реалий в жизни российского общества, роста религиозного инакомыслия и сектантства, в Русской Православной Церкви, создаётся организованная миссионерская деятельность, направленная как на противодействие раскольникам и сектантам, так и на широкое духовно-нравственное просвещение населения. Миссионерская деятельность, являлась частью церковной политики, в отношении данных религиозных групп населения в условиях сложившейся в Российской империи системы государственно-конфессиональных отношений.

Литература:

1. Фирсов, С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х-1918 гг.). М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2002. 639 с.

2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1989. 1371 с.
3. Ефимов, А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.
4. Фёдоров, В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700—1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
5. «О правилах для учреждения Православных церковных братств», высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 8 мая 1864 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Том XXXIX, Отд. I, 1864. № 40863. с. 409—410.
6. Русское православие: вехи истории. / Под ред. А. И. Клибанова. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
7. «Устав Миссионерского Общества», высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 16 июля 1865 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Том XL, Отд. I, 1865. № 42309. с. 792—794.
8. Православное Миссионерское Общество. Историческая записка о деятельности Общества за истекшее двадцатипятилетие (1870—1895 гг.). / Сост. А. В. Никольским. М., Печ. А. И. Снегиревой, 1895. 147 с.
9. «Устав Православного Миссионерского Общества», высочайше утвержденный именной указ, данный Святейшему Правительствующему Синоду от 21 ноября 1869 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Том XLIV, Отд. II, 1869. № 47699. с. 300—305.

Коллективизация в СССР

Селдусhev Владислав Николаевич, магистрант

Краснодарский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

От полноты информации зависит становление молодых умов нашей страны, правильное формирование взглядов и убеждений. В свою очередь, ложная информация, ведет к ограничению возможностей эффективного развития российской действительности. Отсюда вытекает особая значимость и понимание исторических событий.

Ключевые слова: коллективизация, сельское хозяйство, экономика, социализм, капитализм, рынок, страна

Неоспоримо то, что в 1920—1930 годах прошлого века, крестьянство испытывало довольно сильные притеснения со стороны правящей партии и всего государственного аппарата в целом. Многие данные фальсифицируются для принижения заслуг СССР и всей истории России в целом. Нужно много разбираться, для того, чтобы докопаться до истины тех событий.

В умах многих историков встает вопрос, а нужна ли была вообще коллективизация? Некоторые утверждают, что России больше бы подошло развитие крестьянско-фермерских хозяйств, с последующим превращением их в кооперативы. Однако время идет и историческая наука накопила достаточно сведений для того, чтобы оспорить данное суждение.

Для большого толчка в развитии промышленности и экономики страны в целом нужны были крупные хозяйства. Они бы использовали новую технику и являлись бессменными потребителями промышленности. К сожалению, в стране с такими хозяйствами было туго, картина, существующая до революции, была гораздо лучше.

К началу XX века в России было много мелких и крупных помещичьих предприятий, которые обеспечи-

вали страну хлебом. Но в 1917 году их уничтожили, раздав землю крестьянам.

Разумеется, данные действия имели большой эффект и коммунисты воспользовались ситуацией. Стоит сказать, что на деле, в социальной жизни крестьян мало что поменялось, было получено не так много земли, как казалось при начале раздела. Сильно поправить экономическое положение народа не получилось.

Много земли не прибавилось, однако появились новые крестьянские хозяйства. До революции в стране их было 16 миллионов, а уже в 1923 году 26 миллионов хозяйств были заняты. Впрочем, стоит сказать и о том, что страна потеряла 10 лет, которые могли бы пойти на индустриализацию. Разрыв между нашей Родиной и Западом увеличился — это факт и историческое событие.

Страна развивалась тяжело, более того не было стабильности. В 1927—1928 годах, крестьяне не захотели продавать государству хлеб по принятым ценам, тем самым требуя повышения. Появилась угроза голода, руководство было серьезно напугано. После этой ситуации началось наступление на деревню. Людей можно понять, никто не хочет получать обесцененные деньги за реальный товар.

С другой стороны, где было взять денег государству? Новая экономическая политика смогла вывести страну из развала, но не обеспечило крепкое экономическое положение. Можно было бы взять деньги у Запада, да вот только кто бы их дал просто так. Пришлось бы идти на политические уступки, вплоть до перехода в стране к капитализму.

Кто-то мог бы сказать, что это достойный выход из ситуации. Но что такое переход к капитализму мы увидели в полной красе в 1990 годы, когда, казалось бы, в мирное время, были загублены сотни человеческих жизней. И это при том, что тогда не было сильного блока оппозиции социалистов, которые могли бы схватиться за оружие. Было много недовольных, но широкомасштабных действий никто не применял.

Зато после революции было много сторонников социализма и много горячих голов, которые носили с собой оружие. Их бы точно не устроила реставрация капитализма.

При всем этом к 1980 году, наше государство стало передовой индустриальной державой с сильной экономикой. Разборка машины под названием «СССР» сильно ослабила страну, но костяк остался. Стоит сказать, что благодаря старым заслугам, с Россией считаются до сих пор.

Однако в 1920 годы такого ресурса не было, а потому любые уступки перед Западом были чреваты тяжелыми последствиями.

Можно было развивать кооперативы, но на это не было времени, государство находилось во враждебном окружении. Как ни ужасно, но коллективизация могла идти, только за счет села, так как денег не было. Такова жестокая реальность времени, тогда, и в Европе, город грабил деревню.

Приведем немного статистики, в 1913 году на крупных отечественных предприятиях (свыше 1 тысячи работников) трудились 39 % всех рабочих (тогда как в Германии — 10 %). В одном только Петербурге было сосредоточено 250 тысяч фабрично-заводских пролетариев.

Но страна решила отказаться от пути монархического развития, и пошла путем революционного социализма. Стоит сказать, что довольно сильное участие в ней приняли крестьяне, развернувшие классовую войну в деревне. Многие помещичьи имения были разграблены, а владельцы убиты. В авангарде грабителей были богатые, кулацкие элементы деревни, имеющие средства, благодаря которым можно развезти награбленное добро, что касается бедняков и обычных солдат, то последним мало что доставалось.

Встает вопрос, можно ли говорить о какой-то мягкой модернизации после 1917 года?

Принято считать кулаков очень пострадавшими людьми, в действительности же все не совсем так.

«В результате спонтанно возникшего свободного рынка 7 % крестьян (2,7 млн. человек) вновь оказались без земли, — пишет Олег Арин [2, с. 68]. В 1927 году 27 миллионов крестьян были безлошадными. В целом 35 % от-

носились к категории наиболее бедных крестьян. Большая часть, средние крестьяне (около 51–53 %), имели устаревшие орудия труда. Количество богатых кулаков — составляло от 5 до 7 %. Кулаки контролировали около 20 % рынка зерна. По другим данным, на кулаков и верхний слой середняков (около 10–11 % крестьянского населения) в 1927–1928 годах приходилось 56 % продаж сельскохозяйственной продукции. В результате «в 1928 и 1929 годах вновь пришлось нормировать хлеб, затем сахар, чай и мясо. Между 1 октября 1927 года и 1929 года цены на сельскохозяйственные продукты выросли на 25,9 %, цены на зерно на свободном рынке выросли на 28,9 %». Экономическую жизнь страны, таким образом, начал определять кулак».

Тогда на селе существовала четко выраженная борьба между богатыми и бедными.

Часто коллективизацию видят только в рамках постоянного нажима на деревню, это довольно поверхностный взгляд на проблему. У данного события была очень сложная динамика, на которую нужно обращать пристальное внимание.

Началось оснащение сел и деревень техникой. К примеру, в 1930 году в МТС (машинно-тракторная станция) было 7 тысяч тракторов, а в 1931 году число достигло 50 тысяч [1, с. 27]. Существенные льготы и кредиты были предоставлены колхозам, для них снижали нормы сдачи продуктов. Стали помогать в создании животноводческих ферм.

В мае 1932 года, при условии выполнения обязательных поставок продукции государству, колхозам разрешили торговать по рыночным ценам. План заготовок был урезан — 1100 миллионов пудов, против 1367 миллионов в 1931 году. В феврале 1935 года был принят Примерный устав коллективного хозяйства, крестьянам гарантировалась возможность ведения личного подсобного хозяйства — в самых широких масштабах.

Конечно, пряник сочетался с кнутом. Так, осенью 1930 года начинается новый этап раскулачивания, который сопровождался массовой высылкой крестьян. Всего в этом году (по данным Объединенного государственного политического управления — ОГПУ) было выслано 1 803 392 человек [1, с. 261].

В августе 1932 года был принят печально известный закон о «трех колосках», который предусматривал расстрел за хищение колхозного имущества. Это уже было проявлением революционного терроризма на государственном уровне. Существует представление о том, что расстрелу подверглись едва ли не все «проходящие» по этому закону. Однако масштабы исторических событий тут явно завышены. Смертных приговоров по «закону о трех колосках» было вынесено 6 % (всего осуждено — 100 тысяч). К тому же мы прекрасно понимаем, что воровство являлось серьезной проблемой.

Самая страшная страница коллективизации — это голод, унесший тысячи жизней. Стоит сказать, что и здесь масштабы преувеличены. Начнем с того, что разоблачение голодомора началось с выявления фальсификаций.

Так, американский журналист Т. Уолкер, опубликовал много статей про коллективизацию в СССР, сопровождаемых жуткими фотографиями. Его коллега и соотечественник Л. Фишер выяснил, что журналист никогда не был на Украине, а провел шесть дней в Москве, после чего выехал в Маньчжурию. Другой американец Д. Кейси доказал, что знаменитые фото Уолкера (например ребенка-лягушки) были сделаны в Западной Европе во время Первой мировой войны.

Сам факт фальсификаций заставляет задуматься о многом. Самое ужасное и циничное — преувеличение масштаба жертв голода.

В данной ситуации имеет место игра на чувствах людей, желание сделать сенсацию, поражая умы большими цифрами и масштабами исторических событий. Некоторые журналисты называют такие цифры, как 15 миллионов погибших, что совсем уже выходит за рамки. Большинство исследователей, настроенных воинственно по отношению к И. В. Сталину предпочитают говорить о 6–8 миллионах. В то же время, многие историки очень осторожно говорят

о количестве жертв голода. Увы, точной статистики нет, потому приходится оперировать косвенными данными. Так, доктор исторических наук В. Н. Земсков обращается к данным демографии: «...Благодаря демографической статистике мы знаем, что в 1932 году на Украине родилось 780 тысяч человек, а умерло — 668 тысяч, в то время как в 1933 году родились 359 тысяч, а умерли — 1,3 миллиона. В эти цифры включена естественная смертность, однако ясно, что главной причиной смерти в эти годы стал голод» [5, с. 192]. Ужасающие цифры, но это не 8 и даже не 3 миллиона, о которых говорят рьяные западные обличители.

Коллективизация, вне всякого сомнения — это страшная трагедия. Все ошибки и преступления того времени, объясняются масштабами революции, целями в кратчайшие сроки догнать и перегнать Запад.

Как итог — русский народ и другие народы СССР смогли выдержать страшные испытания «великого перелома» и осуществить полномасштабную модернизацию страны.

Литература:

1. Бэттлер, А. Общество: прогресс и сила (критерии и общие начала) / А. Бэттлер. — М.: ЛКИ, 2008. — 328 с.
2. Арин, О. Правда и вымыслы о царской России. Конец XIX начало XX века / О. Арин. — М.: ЛЕНАНД, 2010. — 200 с.
3. Арин, О. Двадцать первый век: мир без России / О. Арин. — М.: Альянс, 2001. — 352 с.
4. Земсков, В. Н. Сталин и народ. Почему не было восстания / В. Н. Земсков. — М.: Алгоритм, 2014. — 239 с.
5. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР / В. Н. Земсков. — М.: Наука, 2005. — 306 с.

Положение виноградарско-винодельческого удельного имения Абрау-Дюрсо в начале XX в.

Синчина Евгения Владимировна, аспирант
Кубанский государственный университет

В предлагаемой статье рассмотрена история развития кавказского удельного имения Абрау-Дюрсо, основной специализацией которого еще в дореволюционный период стало возделывание виноградной лозы и производство игристых вин высокого качества. Затронута деятельность главных шампанистов имения, отмечен их значительный вклад в виноградовинодельческое хозяйство. Уделено внимание малоизученному положению Абрау-Дюрсо в период Первой мировой и Гражданской войн.

Ключевые слова: виноград, виноделие, шампанское, удельное имение, Абрау-Дюрсо, Кубань.

Культура винограда на Кавказе появилась с незапамятных времен. Многие ученые считают Ближний Восток и Кавказ, в том числе южную часть Черноморского побережья, прародиной виноградной лозы. Состав почв и благоприятные климатические условия способствовали её распространению в этих регионах. В пореформенный период (1861–1917 гг.) в России возникает множество торговых виноградарско-винодельческих предприятий. Одним из таких хозяйств стало имение царской семьи в Черно-

морском округе, образованное в местечке реки Дюрсо и озера Абрау в 1871 г. Поначалу здесь находился крупный конный завод, имелись попытки садоводства и т. д. Однако благодаря усилиям талантливого агронома Ф. И. Гейдука в имение началась закладка виноградников и, как показало время, этот опыт был весьма удачен — получен хороший урожай, а произведенные вина признаны качественными.

В 1880 г. виноградники удельного имения Абрау-Дюрсо располагались на 2 дес., в 1885 г. они зани-

мали 12 дес. В 1882 г. был построен винный подвал на 2,5 тыс. ведер вина, а через пару лет на 13, 5 тыс. ведер. В 1891—1898 гг. главным виноделом при Удельном ведомстве назначен князь Л. С. Голицын, хорошо знакомый с культурой винограда и являющийся основоположником крымского виноделия. Свою деятельность он также направил на развитие виноделия в Абрау-Дюрсо: увеличилось количество возделываемых сортов винограда, расширились площади виноградников (к 1896 г. — около 160 дес.), построены новые подвалы, а также заложено строительство завода по производству шампанских вин. В 1898 г. была выпущена и распродана первая партия шампанского «Абрау». В это время в пределах Российского виноградарства вина удельного имения Абрау-Дюрсо становятся известными и охотно покупаются. Таким образом, виноделие становится рентабельной отраслью производства.

После ухода с должности князя Л. С. Голицына Главное управление Уделов, заинтересованное доходным производством отечественного шампанского, направляет служащих ведомства во Францию и приглашает французских виноделов в Абрау-Дюрсо. А шампанское «Абрау» продается теперь не только в городах империи — Петербург, Москва, Варшава, Тифлис, но и в других странах — Италии, Великобритании (в 1907 г. здесь на 3 года разрешена продажа российского шампанского), США [1, с. 97—98]. Шампанское из Абрау-Дюрсо активно участвует в местных и международных выставках.

На рубеже XIX-XX вв. удельное имение Абрау-Дюрсо благоустраивается. Во многом это было сделано для привлечения рабочих и их семей (виноградарство и виноделие — трудоемкие работы). К 1896 г. в имении имелось 2 паровые машины в 10 и 8 сил, две больницы на 10 и 4 кровати, был собственный фельдшер [2, с. 194], а также проведено в последующем электрическое освещение, построен водопровод. Имелись школа, библиотека, собственная опытная станция, с помощью пожертвований планировалось создание музея Отечественной войны 1812 года, а также установка памятника генералу М. Д. Скобелеву [3]. Была построена в Абрау Николаевская церковь, которая существует и сегодня. Выдавались пособия и пенсии работникам удельного имения на воспитание детей, пострадавшим от несчастных случаев, семьям работников, призванных на военную службу. Например, существовали хозяйственные льготы участникам русско-японской войны [4]. В качестве вознаграждения за усердный труд служащим и работникам имения бесплатно отпускались вина [5]. Также, доходы от продаж продукции расходовались на хозяйственные нужды имения, часть шла в казну Удельного ведомства.

После заграничной стажировки в 1904 г. возвращается в Россию А. М. Фролов-Багреев, подающий надежды молодой химик-винодел. Его направляют работать шампанистом в Абрау-Дюрсо. В 1906 г. Фролов-Багреев был заведующим магаarachской энохимической лаборатории. В период Первой русской революции Фролов-Ба-

греев поддерживает рабочих в их борьбе за права, за что его отправляют в ссылку в Сибирь [6, с. 144]. Но он еще вернется в Абрау-Дюрсо в 1919 г. и станет основателем школы советских шампанистов.

В июле 1905 г. в удельное имение приезжает французский специалист по игристым винам Виктор Дравиньи [7] по рекомендации известного шампаниста из Эперне. Прибыл он с семьей — женой и сыном. Также в последующее время приехали еще 8 французских специалистов вместе с семьями.

В. Дравиньи поднял качество абрауского шампанского, оно стало классическим и ни в чем не уступало французскому. За свои высокие заслуги В. Дравиньи в 1909 г. был награжден Николаем II золотыми часами с цепочкой, а в 1913 г. на выставке в Петербурге по указу императора французскому мастеру был вручен золотой портсигар с изображением из бриллиантов двуглавого орла. В. Дравиньи серьезно относился к своей работе, был требователен и справедлив. В знак уважения рабочие и служащие имения подарили французам бокалы. Все эти реликвии до сих пор хранятся в семье Дравиньи, которая проживает во Франции [8].

Одним из самых доходных винодельческих предприятий среди удельных имений Абрау-Дюрсо стало приблизительно к 1913—1914 гг. Хозяйство имения оценивали в 10 млн. рублей. Доход имения в год составлял 1 млн. рублей. Площадь имения равнялась 220 тыс. дес. В эти годы Удельное ведомство покупает имение графини О. М. Толстой «Северная Озерейка» [9] и присоединяет его к хозяйству удельного имения Абрау-Дюрсо. В административном отношении имение делится на: управление, виноградарство, шампанское производство, лесоводство. Общее хозяйство состояло из управляющего, бухгалтера, кассира, 4-х конторщиков, приказчика по общему хозяйству, техника, землемера, магазинера, фельдшера, фельдшера-акушера, священника, псаломщика, учителя, садовника и обслуживающего персонала. К виноградарству были привлечены 2 виноградаря и 1 помощник, садовые и поденные рабочие, к виноделию столовых вин — подвальные рабочие, 2 бондаря. Шампанским производством занимались винодел-шампанист, 2 помощника, шампанисты, подвальные рабочие [10, Л.76—77]. На Рис. 1 представлен общий вид удельного имения Абрау-Дюрсо в начале XX в.

В связи с началом Первой Мировой войны В. Дравиньи и другие французские специалисты были призваны в армию Франции. Их семьи остались в имении. Император Николай II вскоре направил президенту Франции Раймону Пуанкаре письмо с просьбой разрешить В. Дравиньи как можно скорее продолжить работу в удельном имении Абрау-Дюрсо [12]. В июне 1915 г. Дравиньи снова прибыл в Абрау-Дюрсо и продолжил свои опыты с игристыми винами. Однако в условиях войны ухудшилось и положение удельного имения Абрау-Дюрсо: нарушились торговые связи, сократились доходы, не хватало рабочих рук, привозного материала и инвентаря. К тому

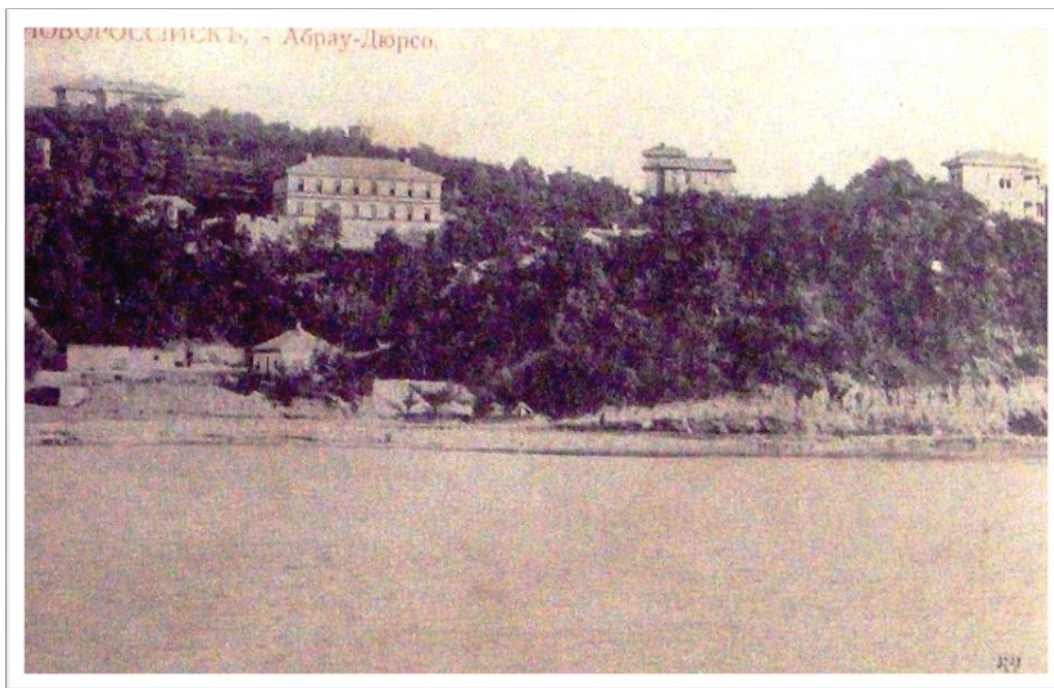

Рис. 1. Удельное имение Абрау-Дюрсо. Фотография начала XX в. [11, с. 82]

же, в 1914 г. был введен сухой закон (окончательно отменен в 1926 г.).

Архивные документы демонстрируют нам нелегкое положение удельного имения Абрау-Дюрсо после революции 1917 г. В 1918 г. начинается Гражданская война: на Кубани с переменным успехом господствуют разные политические силы. Все удельные земли и их имущество были национализированы. Удельные ведомства должны были подчиняться Государственному Контролю. Постановлением комиссара Временного правительства от 11 июня 1917 г. управление бывшим удельным имением Абрау-Дюрсо возложено на административный коллегияльный орган, в состав которого вошли винодел-шампанист, специалисты по виноградарству и виноделию, лесничий, счетовод, техник, представители от местных общественных организаций, от Комитета общественной безопасности и от Совета старост. В ноябре 1917 г. хозяйством заведовал комиссар от Временного правительства Ю. Лебедев, член Государственной Думы. В декабре 1917 г. имение поступило в ведение Черноморского губернского земельного комитета, а затем в ведение образованного Черноморского Губернского ЦИКа. С августа 1918 г. с приходом белогвардейцев имение Абрау-Дюрсо называется национальным, находится в ведении Особого Совещания при Главнокомандующем Добровольческой Армии и работало на нужды армии.

В этот период Абрау-Дюрсо поступает множество разных заявок на вино и спирт: для больных и раненых, для лазаретов (например, для Екатеринодарского), для работы вулканизационного аппарата [13, Л.32], для актерского грима и красок [13, Л.101], шампанское для встречи союзной эскадры, для английской миссии, для

благотворительного бала в пользу вдов и сирот Добровольческой Армии, для высших чинов Добровольческой Армии, для членов Кубанского Правительства, для чинов Дипломатического корпуса [13, Л.129] и т. д.

Продажа и отпуск шампанского производились только на месте, т. е. в имении, покупателям и нуждающимся необходимо было иметь разрешение Черноморского Губернского Комиссара [13, Л.66]. Деньги поступали от продаж в Азово-Донской Коммерческий Банк, в Новороссийский филиал Государственного Банка, в Общую Губернскую кассу на нужды губернии, а также значительные средства шли на нужды самого имения, на оплату налогов.

Правительство Черноморского военного губернатора генерал-майора А. П. Кутепова пыталось регулировать цены на вино, а так же контролировать его продажу, о чем свидетельствуют многочисленные постановления. Протицируем одно из распоряжений А. П. Кутепова, подписанное им лично: «В целях предоставления населению возможности приобрести к праздникам Рождества Христова и Нового года виноградное вино, я разрешил производить вольную его продажу по предъявлению складам продовольственных карточек по расчету 1 бутылки на человека. Продажу вина разрешаю из складов: Т-ва «Сакэ» и казенных имений «Мысхако» и «Абрау-Дюрсо» в дни 20, 21, 22, 24, 28, 29, 30 и 31 сего декабря от 8—12 час. дня, а по особым разрешениям и рецептам врачей в те же дни от 2—4 час. дня. При отпуске вина по карточкам на последних конторах складов должна быть сделана соответствующая отметка (штампель)...» [13, Л.305].

Преодолевая условия военного времени, в 1918 г. в Абрау-Дюрсо в довольно скромной обстановке и при стеснении в средствах было заложено начало научно-опытной ра-

боты. Штат опытной станции Абрау-Дюрсо составили: директор (специалист по виноградарству и виноделию); заведующий микробиологической лабораторией; заведующий химической лабораторией; 2 лаборанта; 2 специалиста — энтомолог и миколог; 2 лаборанта-служителя; заведующий метеостанцией; виноградарь; 1 садовый рабочий; переписчик; конюх. Опытная станция занималась изучением различных технологических моментов шампанского производства в местных условиях.

Что касается французского винодела В.Дравиньи, то он руководил подвалами игристых вин удельного имения до 1919 г. [1, с. 97] Несмотря на все его попытки продолжить производство абрауского шампанского в тяжелых условиях Гражданской войны, он вынужден был покинуть Россию, так и не передав свой опыт изготовления классического шампанского. Об этом во многом и беспокоился князь Л. С. Голицын, говоря о необходимости воспитания высококвалифицированных русских специалистов-шампанистов, о том, что иностранцы никогда не сделают русское виноделие первым в мире: «Разве иностранец может любить нашу Родину больше своей?.. Разве все торговцы, которые нажили миллионы в России, подумали выдвинуть русское виноделие? Никогда! Они заботятся только об одном, и они это высказали громогласно, именно, чтобы не сажали в России виноградников» [2, с. 8].

Французский метод В.Дравиньи был утерян и никому не передан. Пройдет еще много времени, прежде чем, советские виноделы сделают отечественное шампанское высокого качества, сравнимое с французским. С отъездом В.Дравиньи фактически и закончилась история удельного имения Абрау-Дюрсо.

Становление виноградарства и виноделия Абрау-Дюрсо начиналось в очень трудных условиях — не было особой поддержки со стороны государства и местных властей (относились критично, временами даже забрасывалось); необходимость рынков сбыта; существовала конкуренция,

как с российскими крупными виноторговцами, так и с иностранными. Удельное ведомство, боясь недовольства Франции, старалось не рекламировать абрауское шампанское. Особенно тяжело было соперничать с французскими винами — российская элита (дворяне, помещики, купцы) считала, что употребление этих вин — признак хорошего тона. Для простого народа качественные вина были просто недоступны в силу их стоимости — поэтому выбирали более доступный алкогольный напиток — водку.

С другой стороны Абрау-Дюрсо в пореформенный период удалось добиться значительных успехов. Расширилось производство, увеличились площади виноградников. Продавали и распространяли посадочный материал по всему краю. Культура винограда была признана рентабельной для возделывания. В удельном имении обучали работников, многие из которых потом стали специалистами в области виноделия и виноградарства. Также работали с высококачественными европейскими сортами, благодаря которым можно было получать хорошие вино-материалы и вина. Удалось наладить производство классического шампанского по французскому методу, которое высоко оценили в России и за рубежом. Российская империя в начале XX в. из страны, импортирующей винодельческую продукцию, превращается постепенно в страну, экспортирующую свои вина.

В рассмотренный период были заложены основы для промышленного виноделия на Кубани.

Удельное имение Абрау-Дюрсо можно по праву считать столицей российского шампанского в начале XX в. Утвердиться в этом звании в имперский период во многом помешали Первая Мировая война, революция, Гражданская война, которые основательно разрушили виноградарство и виноделие на территории имения. Однако дореволюционный опыт был использован для становления советского виноградарско-винодельческого хозяйства на Кубани.

Литература:

1. Симанович, Е. А. Удельное имение Абрау-Дюрсо // Вопросы истории Кубани XIX — начала XX вв. Сборник научных трудов. Краснодар, 2001.
2. Ламан, Н. К., Белоусова А. Н. Князь Лев Сергеевич Голицын. Выдающийся русский винодел. М.: Наука, 1999.
3. УАМОН (Управление архива муниципального образования г. Новороссийск). Ф.1.Оп.1.Д.919.
4. УАМОН. Ф.1.Оп.1.Д.807.
5. УАМОН. Ф.1.Оп.1.Д.202.
6. Фисенко, Ю. Ф., Фисенко Н. В., Коваленко Ф. А. Виноделие Кубани. Краснодар, 1979.
7. УАМОН. Ф.1.Оп.1.Д.796.
8. Русский Шампанский Дом «Абрау-Дюрсо» // Сайт ОАО «Абрау-Дюрсо» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.abraudurso.ru/house/kinozal> (дата обращения 05.04.2016).
9. УАМОН. Ф.1.Оп.1.Д.1040.
10. УАМОН. Ф.1.Оп.1.Д.1086.
11. Герасименко, А. История Новороссийска в открытках (конец XIX — начало XXв.). Краснодар, 1998.
12. Русский Шампанский Дом «Абрау-Дюрсо». Указ.соч.
13. УАМОН. Ф.1.Оп.1.Д.1143.

Обзор политики по содействию развитию кустарной промышленности в Нижегородской губернии во второй половине XIX века

Чиркунов Илья Вячеславович, аспирант

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Мелкотоварное кустарное производство являлось неотъемлемой частью жизни традиционного крестьянского населения России, которое обеспечивало их дополнительными заработками. Изучение кустарного сектора помогает более подробно познакомиться не только с устройством быта крестьян в XIX-начале XX вв., но и более полно воссоздать картину российской экономики прошлого.

Начало активных действий по отношению к кустарному сектору Нижегородской губернии принято относить к возникновению Нижегородского Губернского Земства, в 1863 году. Уже через два десятилетия, в 1880-х гг., действия членов Земства перерастали в полноценную линию политики [1, с. 57–74], которая была направлена на поддержание кустарей и дальнейшее развитие мелкотоварного кустарного сектора Нижегородской губернии [2, с. 34].

В противовес быстро текущей капитализации мелкой сельской промышленности, по идеям представителей Земства, было необходимо выстроить систему, которая была основа на кооперации кустарей. Основная проблема заключалась в том, что у членов Земства не было ясного понимания складывающейся ситуации, ведь производственная кооперация, о которой они говорили, в принципе являлась логичным продолжением развития мелкого производства. Видимо по этой причине ни действия Губернских Земств, ни действия Уездных Земств не приводили к желаемым результатам [3, с. 179]. В тоже время во всех отчетах, неудачи виделись в первую очередь в некомпетентности участников процесса. Попытки построить базу для поддержания кустарного сектора, тем не менее, не оставлялись.

Одним из практических шагов, который обсуждался в среде Земства, был связан с необходимостью открытия большого количества ремесленных училищ [4, с. 90]. Это обсуждение велось еще в начале 1880-х гг. и по идеям Губернских и Уездных Земств, обучение в ремесленных школах должно было способствовать развитию кустарной промышленности в регионах. В Горбатовском уезде, с данной идеей были согласны, и считали, что ремесленные училища помогут вывести продукцию кустарного сектора на более высокий уровень [4, с. 90]. Однако идея не получила должного распространения в запланированных масштабах. Это было связано с тем, что переданный на рассмотрение об организации ремесленных классов при городских училищах вопрос, в большинстве регионов не был воспринят положительно. Например, Арзамасское, Ардатовское, Семеновское и Балахнинское Земства высказались, что у них не хватит денежных

средств на реализацию предлагаемой идеи. Княгининское, Лукояновское и Нижегородское собрания отнесли к вопросу «сочувственно» [4, с. 90].

С нашей точки зрения, большой вклад в развитие кустарного сектора внесли проводимые выставки. Одна из первых организована еще в 1874 году в Лукояновском уезде. На ней были представлены изделия кустарей, проживавших в пределах указанной местности. За участие в выставке кустарным производителям были выданы похвальные листы и небольшие денежные вознаграждения, с целью стимулирования мелкотоварных производителей.

Основную роль в распространении идей по развитию кустарного производства и привлечению внимания к проблемам, существовавшим в кустарном мелкотоварном секторе, сыграло Нижегородское Отделение Императорского Технического Общества [5].

Одна из идей Общества заключалась в организации крупного музея кустарного производства. Однако ее дальнейшая реализация была затруднительна. По причине того, что музей был организован в центральном здании губернского управления, кустарям представлялось сложным и неудобным доставлять туда свою продукцию. Это в первую очередь было связано с трудностью доставки продукции, и «стеснением» кустарей появляться со своим товаром на публике перед покупателями в здании губернского управления [3, с. 181].

Единственный выход, который бы послужил дальнейшему развитию идеи об организации музеев кустарных изделий и выставок, заключался в переносе данных мероприятий в более открытые и людные места. Проблема заключалась лишь в том, что на реализацию данной идеи у Нижегородского Отделения Императорского Технического Общества не было средств. Но вскоре они были получены, в размере 5 000 рублей, от Губернатора Нижегородской губернии, Н. М. Баранова, что позволило открыть новую кустарную выставку уже 2 августа 1889 года [4, с. 93]. Она получила название «Постоянная выставка кустарных изделий и рукоделия Нижегородской губернии». Основная идея данного мероприятия заключалась не только в том, что кустарный производитель мог реализовать здесь свою продукцию, но и приобрести в дальнейшем все необходимое для работы сырье. Совет отделения дал понять, что организация выставки не призвана спасти кустарного производителя от скупщика. В тоже время основной целью мероприятия являлся вывод кустарной продукции на более высокий уровень [6, с. 6].

Основой выставки являлись товары, которые производились кустарями Нижегородской губернии. Широко были представлены изделия кустарей села Павлово (но-

женный, замочный товары), Семеновского уезда (деревянные изделия), а также рыболовные изделия, игрушки, обувь (валенки) и прочее.

После реализации товара на выставке, с денежных средств, получаемых кустарем, организаторами выставки удерживалась сумма в 5–10 % [4, с. 94], которая шла на погашение дополнительных расходов. Последними выступали страховка, сбор средств за предоставляемое помещение, жалование служащим и так далее. Для того чтобы выставка проводилась постоянно, было принято решение об ассигновании со стороны Министерства государственных имуществ сумм в размере 1 500 рублей в год. Ассигнование было запланировано лишь для выставок 1891 и 1892 гг.

Начавшийся экономический и эпидемический кризис, охвативший преимущественно районы Черноземья и Среднего Поволжья в период с 1891 по 1892 гг., способствовал тому, что власти Нижегородской губернии, наряду с Уездными Земствами, выделяли дополнительные средства, с целью поддержания кустарных производителей разных регионов губернии. Например, в 1891 году был дан заказ на изготовление одежды для больниц и богаделен [3, с. 183]. Попутно с развитием ткацкого кустарного промысла, поддержку получил и бердовый промысел, распространенный в населенных пунктах Лукояновского и Макарьевского уездов.

Поддержание кустарного сектора Нижегородской губернии осуществлялось не только при помощи организации мероприятия по типу выставок, но и налаживанием связей с более крупными промышленными заведениями России. Например, в 1895 году Нижегородской Губернской Управой был заключен договор с товариществом русского хозяйственного комиссионерства «Работник» [3, с. 184]. Суть договора заключалась в том, что в указанное товарищество будет поставляться необходимый для работы инвентарь, произведенный кустарями Нижегородской губернии.

В конце 90-х гг. XIX века все чаще наблюдалась поддержка кустарного сектора через прямое кредитование мелкотоварных производителей. Начатая местными органами власти политика по поддержанию кустарного сектора через организацию выставок уже в конце XIX века принесла свои плоды. У населения Нижегородской губернии формировался интерес и спрос на производимую кустарями продукцию [7, с. 57].

Большую роль в развитие кустарного сектора сыграла и находившаяся в регионе крупнейшая Нижегородская ярмарка [8, с. 21], на которой часто можно было встретить кустарных производителей, реализующих свой товар либо закупавших необходимые материалы для производства. Наряду с организацией и использованием имевшихся торговых площадок, уездные земские управы часто искали и привлекали на работу специалистов, которые имели возможность обучить кустарей новым приемам производства, что, несомненно, положительно сказывалось на поддержании мелкотоварного промыслового сектора.

Одной из наиболее эффективных форм по содействию развития кустарного сектора в регионе являлась организация так называемых кустарных складов. По инициативе Губернской Земской Управы в последнее десятилетие XIX века была создана целая сеть кустарных складов, через которую представлялось возможным осуществлять обмен продукцией между кустарями входивших в состав Нижегородской губернии уездов.

Важную роль в процессе содействия развитию кустарного сектора Нижегородской губернии играла организация складов-музеев. Идея этих заведений заключалась в том, что в них будут собраны образцы товаров кустарного производства. Таким образом, Земство получало возможность вести посредническую и комиссионную деятельность по сбыту кустарных изделий [3, с. 188]. Данный сбыт осуществлялся по средствам заказов. Положительный момент заключался в том, что можно было не опасаться брать заказ, так как образец производимого товара был представлен в музее, и относительно данного качественного образца, представлялось возможным начать производство с целью выполнения поступивших заказов. Таким образом, склад-музей, благодаря содействию в сбыте товара произведенного кустарями, выступал в роли одной из опорных точек в политике Губернского Земства, направленной на содействие кустарному сектору.

Нередки были случаи заключения договора на производство конкретного вида промыслового товара непосредственно с кустарем. В данном случае между заказчиком и исполнителем заключался договор, а аванс выдавался в виде материала для производства. Денежное обеспечение проходило через квитанции после выполнения заказа [3, с. 190].

Таким образом, мы можем сделать вывод о важной роли складов-музеев в развитии кустарного сектора региона. Во-первых, музей превращался в центр сбыта готовой кустарной продукции. Здесь же появлялась возможность закупить необходимый для дальнейшего производства материал. Во-вторых, данное заведение играло роль посредника между заказчиком и исполнителем в лице мелкотоварного кустарного производителя, так как активно развивалась система заказов по договорам.

Нередкими были случаи поддержания крупных кустарных регионов с помощью создания в этом регионе складов сырых материалов. Например, в селе Павлово и в населенных пунктах Горбатовского уезда. Появление таких складов, содержащих в себе необходимые для производства сырые материалы по ценам, ниже, чем предлагались ранее частными лицами или учреждениям, способствовало повышению интенсификации труда и повышению качества производимой продукции [9, с. 36].

Нельзя обойти вниманием и создание так называемых Кустарных Попечительств, которые стали появляться с 1897 года. Основной целью, которая преследовала данная организация, заключалась в изучении условий производства, в которых находились местные кустарные промыслы. Немаловажным были и сбор статистических

сведений, позволявших выявить проблемы развития мелкотоварного отраслевого производства. Что касается вопросов финансирования и определения общего плана действия данной структуры, то они находились в компетенции членов Кустарного Попечительства, куда в основном входили меценаты, представители земских учреждений и администрации населенных пунктов. Попечительство просуществовало вплоть до 1917 года и полностью оправдывало

цели, которые были поставлены учредителями данной организации [3, с. 197].

Таким образом, в XIX веке в развитии кустарных промыслов и в среде мелкотоварного производства в целом, не малую роль играли государственные учреждения. В основном они преследовали цели, которые были направлены на поддержание и дальнейшее развитие промыслового сектора.

Литература:

1. Неволин, П. И., Такаченко М. Н., Бехли Д. Ю., Анненский Н. Ф. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения (Высочайше утверждённого Товарищества И. Н. Кушнерёв и К), Выпуск 3, 1896.
2. Воронцов, В. П. Значение кустарных промыслов, общие условия их развития и меры их поддержания в России. СПб., 1902.
3. Егоров, В. Г., Зозуля О. А., Моркунцов С. А., Петряев С. В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX — начала XX века. СПб.: Алетей, 2013.
4. Плотников, М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Издание Нижегородского губернского земства. Нижний Новгород: Типография Ройского и Душина, 1894.
5. Нижегородский вестник пароходства и промышленности 1888 г. № 10, 1889— № 3, 9; 1890— № 6. Отчёт постоянной выставки кустарных изделий за 1890 г. А. С. Поездка по кустарным районам. Экономический журнал 1893 г. № 4.
6. Пономарев, Н. В. Правительственное содействие кустарной промышленности за 10 лет (1888—1898 гг.). СПб., 1898.
7. Погрузов, Л. Д. Кустарная промышленность России, ее значение, нужды и возможное будущее. СПб., 1901.
8. Волков, Ф. К. О сельских ярмарках и о значении их для изучения ремесленной и кустарной промышленности. Киев. 1873.
9. Мероприятия Нижегородского губернского земства. 1895—1902. СПб., 1902.

Роль права в формировании правовой культуры

Ягмурова Лола Мамедовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель;
Джумаева Гульджахан Нуриевна, старший преподаватель;
Розыева Гулялек Гурбанмырадовна, старший преподаватель
Туркменский государственный педагогический институт имени С. Сейди

Сегодня Туркменистан является одним из государств, в котором осуществляемые позитивные преобразования позволили достигнуть значительных успехов в общественно-политическом и социально-экономическом развитии. На новом этапе развития государства появилась необходимость совершенствования Основного Закона страны в соответствии с требованиями времени и международными стандартами. В Конституции республики нашли свое отражение как национальные традиции, так и мировой демократический опыт, основные принципы государственного устройства, учтены общечеловеческие интересы. В этой связи следует отметить, что не менее чем 90 национальных конституций, принятых после 1948 года в странах-членах ООН, содержат перечень фундаментальных прав Всеобщей декларации прав человека или же они были имплементированы в них.

Туркменистан объявил человека высшей ценностью общества и государства. Сегодня в республике создаются все условия для обеспечения основных прав и свобод граждан, предусмотренных как в международном праве, так и в национальном законодательстве. В этой связи Президент Туркменистана на заседании совета старейшин, отметил две кардинально новые конституционные нормы, внесенные в Основной Закон. Первая из них гласит, что «главной задачей органов государственной власти является защита, поддержка человека и служение ему», вторая определяет Туркменистан государством, гарантирующим каждому человеку социальную защищенность.² Одно-временное изложение в Основном Законе двух конституционных норм в отношении защиты и обеспечения прав человека полностью подтверждает признание в Туркменистане человека высшей ценностью государства и об-

щества. «Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана на 2011–2030 годы» является одним из примеров, подтверждающих нацеленность государственной политики страны на обеспечение социальной защиты граждан.

Общество информационных технологий заинтересовано в том, чтобы его граждане были способны самостоятельно, активно действовать, принимать решения, гибко адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. И, естественно, что решение новых задач, стоящих перед государством, связано с созданием и использованием наиболее эффективных методов их решения.

Согласно прагматизму основной характеристикой бытия человека является действие. Человек может воздержаться от познания, от занятий наукой, — люди жили и в донаучную эпоху — но он не может воздержаться от действия, чтобы жить. Активно воздействуя на социальную среду, человек получает результат, а именно конструирует среду в которой он живет, устанавливает определенные нормы и принципы. И, естественно, что общество информационных технологий заинтересовано в том, чтобы его граждане были способны самостоятельно, активно действовать, принимать решения, гибко адаптироваться к изменяющимся условиям жизни.

Не нужно объяснять, что современное общество является продуктом взаимодействия людей, объединенных различными отношениями и интересами. При всем разнообразии составных частей общества, оно не может существовать без упорядочения и стабилизации хотя бы тех отношений, которые связаны с разделением труда и хозяйственной деятельностью. А таким феноменом, организующим, регулирующим и упорядочивающим общественные отношения, является право.

Возникнув в силу объективных причин, право начинает активно взаимодействовать с обществом. В этом взаимодействии ведущая роль, несомненно, принадлежит обществу, которое изменяет содержание права, влияет на его развитие. Таким образом, ценность права можно объяснить его способностью служить целью и средством для удовлетворения социально справедливых, прогрессивных потребностей и интересов граждан, общества в целом. Право выступает и одним из мощных средств государственного управления, и критерием справедливого распределения материальных благ, оно утверждает равенство всех граждан перед законом независимо от их происхождения, материального положения, социального статуса.

Следует отметить, что справедливость в представлениях людей всегда увязывалась с правом. Общеизвестно, что в переводе с латинского право (*jus*) и справедливость (*justitia*) звучат синонимично. Право по своему назначению противостоит несправедливости.

Конечно, возникая как результат объективной потребности общества, право обеспечивает стабильность и правовой порядок в данном обществе. Вместе с тем, право не только должно соответствовать экономическому и духовному уровню общества и развиваться вместе с ним, но

и должно включать в себя все ценное как от обычаев, так и от морали, религии, господствующих в данном обществе.

Вместе с тем, право выступает фактором прогресса, источником обновления общества. Его роль особенно возрастает в условиях крушения тоталитарных режимов, утверждения новых рыночных механизмов.

Изменение системы социальных ориентиров и потребностей в Туркменистане обусловило необходимость соответствующих преобразований во всех областях общественной жизни. Соответственно изменяется и право. Отражая назревшие социальные потребности, право в Туркменистане, с одной стороны, вынуждено «подстраиваться» под происходящие изменения, а с другой — само выступает инструментом, посредством которого быстро и качественно осуществляются необходимые преобразования. Да, право обладает инструментальной ценностью. Оно придает действиям людей организованность, устойчивость, согласованность и вносит элементы упорядочения в общественные отношения, делает их цивилизованными, а также выступает как нормативно закреплённая справедливость.

Хотелось бы отметить, что демократическое преобразование нашего общества, достижение в нем демократического мира и согласия, граждане Туркменистана связывают с правом, правовым регулированием общества, а именно, с правовым государством. Убежденность в справедливости права предопределяет гражданскую активность людей, которая, в свою очередь, является элементом правовой культуры общества.

Основу совершенной системы правового регулирования общества составляет высокий уровень правовой культуры его членов. Для успешного социально-экономического развития страны необходимо воспитать активного молодого человека с развитым правосознанием. Вступая в жизнь молодежи необходимо быть психологически и практически готовыми к происходящим в обществе изменениям, с одной стороны, а с другой — к возрастающей социальной ответственности и самостоятельности поведения в границах нравственных и правовых норм. Решение данной проблемы видится в целенаправленном повышении уровня правовой культуры молодежи, что способствует формированию социально-активной личности, способной грамотно строить взаимоотношения с обществом, государством, другими людьми.

В современном обществе правовая культура выступает важнейшей составляющей общей культуры человека. Соответственно, важными целями образования должны стать формирование правовой культуры, знание основополагающих правовых норм и умение их использовать. Процесс формирования и развития правовой культуры должен строиться в соответствии с основными ее компонентами: интеллектуальным, эмоционально-ценностным и практическим, которые взаимосвязаны и взаимозависимы.

На данном этапе развития нашего государства актуальность проблемы формирования правовой культуры

граждан возрастает не только в связи с высоким динамизмом социальных процессов, происходящих в Туркменистане, но и в связи с повышенными требованиями научно-технического прогресса. Чтобы правильно и глубоко разобраться в политической жизни, динамичных изменениях во всех сферах современного общества, необходимы гибкое мышление, стойкие мировоззренческие убеждения и последовательная правовая позиция.

Формирование правовой культуры предполагает развитие интеллекта, расширение кругозора правовых представлений, формирование установок и нравственно-правовых ценностных ориентаций, активацию самостоятельной поисковой деятельности молодежи.

Правовая культура позволяет гражданину самостоятельно найти свое место в жизни, нести ответственность за принятое решение, последствия его реализации и, вместе с тем, является более широким понятием, чем правовое образование и правовое воспитание, поскольку охватывает целый культурный пласт, систему ценностных установок, социально-ценностное отношение человека к окружающему миру, предполагает ответственность человека за свою деятельность. Вместе с тем правовая культура является основным показателем результативности правового образования и правового воспитания, которые выступают в качестве основного механизма формирования правовой культуры личности.

Формирование правовой культуры начинается в школе и направлено на решение ряда конкретных задач. К ним относятся: вооружение учащихся системой правовых знаний, развитие умений и навыков сознательного, юридически правильного поведения в обществе; воспитание уважения к правам, свободам, обязанностям личности в обществе; воспитание чувства ответственности за свое поведение; формирование внутренней потребности в защите законности правопорядка. Исходя из этого, в Туркменистане предусматривается реализация стратегии, направленной на создание всех условий для полноценного раскрытия молодыми людьми своего потенциала.

Позитивные общественно-политические и социально-экономические преобразования, осуществляемые се-

годня в жизни нашего государства требовали конституционных реформ. Исходя из этого, правительством Туркменистана было принято решение о совершенствовании Основного Закона страны. В этой связи Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов отметил, что «в нашем государстве, объявившем человека главной ценностью общества и государства, должны быть созданы все условия для обеспечения основных прав и свобод, предусмотренных в международном праве и гарантированных в национальном законодательстве»³.

В настоящее время в нашей республике происходят серьезные изменения всей системы образования. Одним из факторов, обусловивших процессы реорганизации, в частности, вузовской модели образования являются процессы глобализации, затронувшие практически все аспекты нашей жизни, и информатизации образовательного процесса.

Праву принадлежит особое место в образовании, поскольку оно позволяет не только приобрести правовые знания, но и развить особые способности, связанные с развитием мышления и речи, практические навыки действия в социальной сфере. Занятия, направленные на правовое воспитание личности оказывают огромное влияние на формирование мировоззрения студента, поскольку слабая система правового воспитания молодежи, самым отрицательным образом сказывается на повышении преступлений совершаемых несовершеннолетними подростками. Соответственно, актуальной становится всемерная активизация работы по пропаганде и разъяснению законодательства среди молодежи. Сегодня Туркменистан присоединился к свыше 40 международным договорам ООН в области прав человека, восемь из которых являются основополагающими международными документами.⁴ Масштабы деятельности Туркменистана в качестве постоянного нейтрального государства и активного участника государственного сообщества, подтверждают его успехи не только в совершенствовании национальной правовой системы в соответствии с общепризнанными нормами международного права, гарантии и защиты прав и свобод человека, но и во всех отраслях развития в целом.

Литература:

1. Гурбангулы Бердымухамедов. Выступление на заседании совета старейшин Туркменистана. //Демократия и право. Ашхабад, 2015, № 3.
2. Егоров, С. Е. Права человека в уголовном процессе: международные стандарты и российское законодательство. Издательство «НОРМА», Москва, 2008.
3. «Нейтральный Туркменистан», 11 сентября 2015 г.

5. АРХЕОЛОГИЯ

Народная дипломатия в эпоху зарождения Древнерусского государства

Степанова Екатерина Андреевна, учитель истории и обществознания
ГБОУ СОШ № 591 г. Санкт-Петербурга

Современный мир не устаёт бросать вызовы человечеству, требуя зачастую от дипломата мастерства гроссмейстера в сфере урегулирования конфликтов. Но вместе с тем в условиях глобализации растёт значение такого явления как «народная дипломатия». Пожалуй, самым удачным толкованием этого понятия служит высказывание российского дипломата Ф. М. Мухаметшина: *«Что такое народная (общественная) дипломатия сегодня? Это деятельность государственных органов, неправительственных организаций, самих граждан по взаимодействию с зарубежной общественностью, иностранными журналистами, общественными и политическими лидерами, способствующая укреплению дружбы, взаимопонимания и сотрудничества, а в конечном счете стабильности и мирному сосуществованию народов»*. [1] Но как это определение можно соотнести с событиями тысячелетней давности, когда Русь стояла на пороге обретения государственности? Народная дипломатия существовала во все времена, но со временем её формы совершенствовались, а для того, чтобы как можно больше узнать о сторонах её проявления на раннем этапе истории России, обратимся к археологическим и летописным источникам.

Пожалуй, самым ярким эпизодом в древней истории, связанным с народной дипломатией, является летописное призвание варягов. До сих пор не утихают споры по поводу «норманнского вопроса», личности самого конунга Рюрика. «...Согласно вариантам «Повести временных лет» по Радзивилловской и Ипатьевской летописям Рюрик после короткого пребывания в Ладоге перешёл к истоку Волхова «... и пришед ко Илмерю и сруби городок над Волховом, и прозва и Новъгород, и сяде ту княжа раздаа волости». Этот вариант Сказания, дающий Ладоге первенство над Новгородом, как полагала известный отечественный скандинавист Е. А. Рыздзевская, «едва ли объясняется простым сочинительством»». [2, с. 36] Точно также можно и сказать и о самом Рюрике: если народная память сохранила до наших дней легенду о пришедшем конунге, то остаётся сомневаться только в обстоятельствах его появления в землях Поволховья. Таким образом, можно говорить о том, что Рюрик заключил соглашение со старейшинами словенских племён Приильменя, включая предыдущие условия договора с племенами чуди и веси о «призвании» Рюрика, и, видимо, условия договора поспо-

собствовали постройке «нова-города» Рюрикова Городища <...>, замена «князей» равного «братского статуса» на «мужей» новгородского князя указывает на успешное и выгодное для славянской знати соглашение этого «переноса столицы» из Ладоги в Новгород». [3, с. 493] В дальнейшем, уже после подавления восстания в Новгороде оппозиции во главе с Вадимом Храбрым, Рюрик заключает династический брак с представительницей местной знати. «Брак Рюрика с представительницей местного, скандо-славянского рода <...> закреплял «княжение» за этой местной династией, передавая освящённое «избранием» королевское право призванного конунга прямым мужским потомкам Рюрика». [3, с. 493]

Ещё одним интересным моментом в эпоху правления Рюрика в только зарождающемся Древнерусском государстве является его система торговых отношений со скандинавами. С приходом к власти князя Рюрика, скандинавы получают «торговый мир», а именно — условия для свободного и беспрепятственного прохождения судов. Причём спустя некоторое время, когда новая княжеская династия устоялась, скандинавы вновь были вынуждены просить «мира» для дальнейшего прохождения по речным системам уже Древнерусского государства, что видно из следующего сюжета, в «Пряди о Карле несчастном», когда герой-норвежец Карл вместе со своими товарищами прибывает в Ладогу и просит разрешения для дальнейшего путешествия: «Как и знатные вельможи, купцы тоже все сразу не едут вглубь страны — отправляется «к конунгу» один Карл. Очевидно, он должен получить разрешение («мир») для остальных купцов на проезд от Ладоги до Новгорода. Когда Ярослав освобождает Карла, он говорит, что Магнус просит **дать мир ему и всем тем норвежцам**, т. е. «мир» для Карла — не освобождение из заточения, а действительно право на провоз товаров, как и для остальных норвежцев, ожидающих его в Ладоге. <...> В понятие «мира» входит также «личная безопасность»». [4, с. 23] На фоне такого покровительства викингам следует отметить, что на основе кладов, сделанных в эпоху Рюрика, видна дестабилизация обстановки в отношениях с Ближним Востоком, поскольку кладов в это время было сделано больше, чем когда-либо ранее или позже. С другой стороны, «второй период его [Рюрика] пребывания на Руси (875—879 гг.) отмечен стабилизацией экономических связей на Балтике». [3, с. 493]

Вполне возможно, это и были изменения в системах международной торговли и даней. В эту эпоху происходит огромный оборот дирхамов, отчеканенных до 860 г., при этом наблюдается скромный уровень торговых отношений с Востоком, а также столкновения в присоединяемых землях. Вероятнее всего, это и явилось причиной образования «резервного фонда».

Вышеизложенные сюжеты хорошо демонстрируют народную дипломатию на заре русской государственности, поскольку здесь очевидны основные факторы, способствующие данному явлению: производство товаров, трансконтинентальная торговля, как следствие этого — выделение правящей верхушки и местной знати. Ведь Рюрик не ограничился отрезком торгового пути до Ильменя, а продолжил экспансию внутрь славянских земель, закрепив за собой Полоцк и Ростов к уже имеющимся Изборску и Белоозеру. Последние два города связаны с именами несущих «братьев» Рюрика, однако отсутствие в них следов пребывания княжеской знати не отменяет ключевого значения этих городов в процессе славяно-скандинавской торговли. «Во всех трёх случаях речь идёт, прежде всего, о контроле над магистральными выходами из Балтики — в Ладожское озеро, с Финского залива — в Нарову и водную систему Чудского бассейна на западе или в речной бассейн Волги на востоке «Верхней Руси»». [3, с. 492] И, разумеется, вряд ли Рюрик, появившись в Ладоге, ставил перед собой установление личной власти в землях славян, его больше интересовал экономический потенциал региона, поэтому здесь уместно говорить о проявлении народной дипломатии как системе устных договоров, основанных на охранительных, экономических, а впоследствии и административных функциях.

Другой эпизод народной дипломатии из истории Руси связан с женитьбой князя Ярослава Мудрого на шведской принцессе Ингигерд. Существует некая сложность в классификации данного события: с одной стороны, женитьба Ярослава была связана с интересами Древней Руси, целью данного брака являлось установление дружественных отношений с соседней Швецией, что напрямую является государственной дипломатической функцией, с другой стороны, последствия привели к укреплению сотрудничества между государствами посредством личности самой Ингигерд и её наместника в Ладоге, Рёгнвальда Ульвссона.

Ингигерд, будучи мудрой дочерью шведского конунга Олава Шётконунга, не просто так согласилась выйти замуж за конунга Ярицлейва. Незадолго до сватовства Ярослава Ингигерд была обещана в жёны конунгу Норвегии, Олаву Харальдссону, этот брак был желателен и для самой Ингигерд, но отец Ингигерд не сдержал своего обещания из-за ссоры с норвежским конунгом. Ингигерд, очевидно, понимая безысходность своего положения, совершила «сделку» с Ярославом: она стала его женой, получая при этом «в качестве свадебного дара Альдейгьюборг (Ладогу) и то ярлство, которое к ней относится». [5, с. 69] И ещё одним из условий было, чтобы наместником в Ладоге оказался приближённый Ин-

гигерд — Рёгнвальд Ульвссон. Тем самым Ингигерд буквально спасла Рёгнвальда от гнева своего отца, поскольку Рёгнвальд без ведома шведского короля, но с согласия его второй дочери Астрид, помог ей уехать в Норвегию и выйти замуж за Олава Харальдссона. Кроме того, этот мудрый ход был связан со следующим обстоятельством: «Ладожское ярлство в результате превратилось в своеобразную буферную зону между Скандинавией и Русью: став владением шведки Ингигерд, эта область оказалась защищённой от нападения шведов, а, будучи передана ярлу Рёгнвальду, другу Олава Норвежского, — от нападений норвежцев». [5, с. 66]

Данный политический аспект династического брака послужил, однако, и для укрепления христианства на севере Европы, а также способствовал связи северных земель с остальной частью Европы. Что касается христианизации севера, то, как известно, не везде она проходила гладко, особенно ярое сопротивление наблюдалось в Норвегии, что, скорее всего, было связано с разреженностью поселений; на Руси Великий Новгород стал ярким противником новой веры, что привело к восстанию и жестокому подавлению. Однако даже на уровне подсознания сложно сразу полностью переключиться на новую веру, поэтому изначально наблюдалось явление двоеверия. Наглядным примером служат женские погребения в Бирке середины X в. Захоронения совершались по языческому обряду, но в могилах были найдены христианские кресты. Это свидетельствует о постепенной смене мировоззрения в ранний период проникновения христианства на север. Христианство стало проникать в Скандинавию через Киев и Новгород ещё задолго до крещения Руси. Верхом христианизации севера явились камерные погребения; этот обряд на Руси тоже приобретает широкое распространение. «Основная масса захоронений в камерах была обнаружена на юге Руси, в Киеве, Шестовицах, Чернигове, а также в Гнездово. Всего на территории Руси удалось зафиксировать около 70 древнерусских погребальных камер эпохи викингов». [7, с. 73–74] Многие исследователи склонны считать, что это был закономерный этап развития скандинавов, к которому они подошли к началу X в. Таким образом, после передачи Ладожского ярлства принцессе Ингигерд Ладога приняла на себя функцию объединяющего североευропейского христианского центра. «...До окончательного оформления церковного раскола между Римом и Константинополем период относительного «межконфессионального равновесия» (860–1054) выдвинул Ладогу в качестве первоисточника «общеевропейского» почитания св. Климента». [3, с. 495] По всей Руси и Скандинавии наблюдается активное строительство и почитание культа св. Климента, который стал неким символом единения западной и восточной ветви христианства, между которыми, однако, уже наблюдалась огромная пропасть.

Если касаться религиозного вопроса, то также достойным примером культурного и обмена в эпоху раннего средневековья является почитание культа св. Олава — крестителя Норвегии — как в Скандинавии, так и на Руси.

Как уже было сказано выше, шведская принцесса Ингигерд изначально была невестой Олава, но, несмотря на превратности судьбы, Ингигерд сохранила дружбу с бывшим женихом, оказывая ему помощь в сложных ситуациях. Так, по настоянию Ингигерд перед возвращением Олафа в Норвегию был взят в княжескую семью на воспитание его сын — Магнус. В своём последнем походе Олаф погиб в борьбе с норвежскими бондами при Стикластадире в 1030 г. В дальнейшем, с приходом его сына Магнаса на норвежский престол уже «развивающийся стихийно культ Олава Святого стал официальным государственным культом, а конунг провозглашён церковью «вечным королём Норвегии»». [3, с. 399] Так, к примеру, самой известной варяжской церковью на Руси стала церковь св. Олава в Новгороде. Среди посмертных чудес св. Олава присутствует сюжет о чуде иконы св. Олава: «В некоем городе Русии, который называется Хольмгардер, вдруг случился такой пожар, что, казалось, городу угрожает полное уничтожение». [6, с. 101] По сюжету икона спасает город от пожара, однако, в данном сюжете важен факт наличия варяжской церкви в уже православном Новгороде. Таким образом, можно говорить о том, что на тот период времени народная дипломатия также подразумевала культурно-религиозный обмен, который был вызван необходимостью поддержания экономических и политических отношений между Киевской Русью и странами Скандинавии.

Ещё одним из ярчайших проявлений народной дипломатии в эпоху раннего средневековья стал семантически-знаковый уровень обмена, в частности, явление билингвизма. С появлением кириллицы на Руси были сохранены некоторые формы скандинавского рунического письма (известны находки новгородских берестяных грамот с руническим письмом, относящиеся к XII в.), для скандинавов же — наоборот — долгое время оставались важными «дохристианские» славянские обозначения. «Билингвизм «руси» с преобладанием скандинавской речи в среде «русов», засвидетельствованный в середине

X в. (Константин Багрянородный), очевидно, актуален для предшествующих полутора столетий, но, судя по деформации скандинавских имён, уже в течении IX в. заметно славянское воздействие, становящееся преобладающим к концу X в.». [3, с. 581] Таким образом, данное свидетельство хорошо обрисовывает процесс народной дипломатии в интересующем периоде, поскольку описанное явление в то время едва ли могло быть вызвано политическими заявлениями, это прямое доказательство культурно-лингвистического взаимодействия двух совершенно разных, но в то же время столь близких народов.

Подводя итог, стоит ещё раз отметить следующее:

— В период появления Рюрика в регионе Ладоги и Новгорода народная дипломатия проявилась в виде системы устных договоров, включающих в себя охранительные, экономические и административные соглашения, заключённые с представителями местной знати, что дало дополнительный импульс развитию торгового пути «из варяг в греки», а как следствие — трансконтинентальной торговле;

— Брак князя Ярослава и шведской принцессы Ингигерд позволил наладить обстановку в Северо-Западном регионе, поскольку Ладога стала буферной зоной между Скандинавией и Русью, а сила личностей и влияния Ингигерд и её наместника Рёгнвальда Ульвссона обезопасили Русь от набегов викингов;

— В функции народной дипломатии раннего Средневековья вошёл культурно-религиозный обмен, который заключался в распространении христианства в Скандинавии через территорию Руси; объединяющей силой двух народов стал также культ почитания некоторых скандинавских святых на Руси;

— Явление билингвизма в среде славян и скандинавов напрямую свидетельствует о культурно-лингвистическом взаимодействии двух народов, что способствовало на данном этапе относительной стабильности в регионе вплоть до окончания эпохи викингов в 1066 г.

Литература:

1. «Ф. Мухаметшин: народная дипломатия — это исторически непрерывный процесс общения»// Информационно-аналитический портал Vip Premier// URL: <http://www.vip-premier.ru/inside.php?action=statia&id=7020&pid=644>
2. Носов, Е. Н. Рюрик — Ладога — Новгород // Ладога и истоки Российской государственности и культуры / под ред. Кирпичникова А. Н. — СПб.: ИПК «Вестник», 2003. — с. 35–38
3. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб.: Евразия, 2005. — 640 с.
4. Джаксон, Т. Н. Исландские саги о роли Ладоги и Ладожской волости в осуществлении русско-скандинавских торговых и политических связей // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей / под ред. Носова Е. Н. — СПб.: ИИМК РАН, 1999. — с. 21–27
5. Джаксон, Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси. — М.: Языки славянской культуры, 2000. — 192 с.
6. Джаксон, Т. Н. Austr i gördum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 208 с.
7. Михайлов, К. А. Время появления камерных погребений в Старой Ладоге // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской / под ред. Д. А. Мачинского. — СПб.: Изд-во СПбИИ РАН «Нестор-История», 2003. — с. 73–78

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Об историческом аспекте исследования культурного наследия Гянджи XIX века (на примере творчества М.Ш.Вазеха)

Гасанов Эльнур Лятиф оглы, PhD, главный специалист
Гянджинское отделение Национальной академии наук Азербайджана

Ключевые слова: Гянджа, культурное наследие, Мирза Шафи Вазех, XIX век

«Мой гянджинский Устад, вечно живущий в глубине моей души! — писал Ф. Боденштедт. — Мечтаю оказаться вновь рядом с тобой и услаждать слух свой нежностью мелодии твоих песен. Ты подарил мне прекрасные цветы, из которых сплел я чудесный букет. Слова Мирза Шафи, рассыпанные передо мной драгоценными камнями, аккуратно нанизав на нить, я создал ожерелье тебе во славу, а женщинам нашим в радость». (2, 3)

Благотворное влияние поэзии восточного певца на мировосприятие европейского исследователя и путешественника подчеркивают глубину философского взгляда Мирза Шафи. Если его восточные песни смогли очаровать европейского читателя, избалованного тонкой западной литературой, это говорит о феномене «мудреца из Гянджи». Творчество Мирза Шафи Вазеха, жившего и творившего в первой половине XIX века, следует скрупулезно изучать: подобно зернышку, отбирать и вникать в значения слов, внимательно прислушиваться к интонациям подтекста, стараться воспринять эмоциональную ауру автора. Только в таком случае исследователю удастся раскрыть личность и духовный мир неординарного поэта Востока.

Изучая литературное наследие поэта, интересно познакомиться с той характеристикой, которую дал ему лично знакомый с ним Боденштедт: «Мирза Шафи не имел привычки реагировать на пустяки, был терпеливым и взвешенным человеком. Не был он также любителем долгой и нудной болтовни. Если высказывался, то был краток и говорил ясно. Отличался аккуратностью во всем» / (2, 11).

В песнях Вазеха звучат мотивы личной гражданской смелости, к чему он подвигал и своего современника. Откуда у него эта гражданская отчаянность? Ответ находим в биографии поэта, которая описана рядом литературоведов. (2, 5). Ранняя утрата отца не отвлекла юного Вазеха от учебы в гянджинском медресе. Видя неограниченную любознательность мальчика, опекающий его Гаджи Абдулла оказывал ему всяческую материальную и моральную поддержку. Мюeddarисы/муллы-преподаватели/медресе вскоре заметили, что Вазех несколько охладел

к религиозному образованию, больше тянется к гуманитарным наукам. Они отказались его учить. Вазеху пришлось покинуть медресе. Именно после этого у будущего поэта сформировалось негативное отношение к духовенству в целом, что явно просматривается в стихах сатирического характера. К этому времени Вазех изучил арабский и фарси, накопил солидный интеллектуальный багаж, благодаря самостоятельному чтению классиков азербайджанской литературы и трудов восточных мыслителей.

Вазех почитал Низами и Мехсети, Хайяма и Хафиза. Нередко литературоведы характеризуют Мирза Шафи как «хайямоподобного» певца вина и похмелья, сладострастий и увеселений. С этим можно не согласиться, ибо тематическая палитра волшебных песен намного шире, лирический образ ярче и разнообразнее, интонационные краски резче. Так, поэт не ограничивается лишь воспеванием вина и пери, танца и услады. У него звучит призыв к гражданской справедливости и восхищение красотой, гимн уму и просвещенности, социальной терпимости и взаимопониманию, гнев против лести и подлостей.

Способность Мирза Шафи Вазеха убеждать собеседника, его железная логика просматривается в стихах патристических и обличительных. Например, еще в годы своего учительства Мирза Шафи сыграл решающую роль в становлении личности Мирза Фатали Ахундова, будущего замечательного драматурга. Мирза с первых же дней усмотрел в талантливом своем ученике особый склад ума, неподдельный интерес к наукам и образованию. Учитель воспротивился против его религиозного образования, сделал все, чтобы тот не погряз в пучине мракобесия. Мирза Шафи постарался и добился того, чтобы отвратить молодого Ахундова от необдуманного шага. Всю свою жизнь Мирза Фатали с благодарностью вспоминал учителя: «Мирза Шафи, словно пробудил Ахундова от крепкого сна, открыл глаза на мир и тем самым отдалил от религиозного обучения». (2, 11).

Изданный в 1961 году и переизданный в 2004 году сборник «Мирза Шафи Вазех. Песни» под редакцией Ф. Садыгадзе включает в себя газели, мухамессы и рубаи

поэта. Причем поэтические образцы, отобранные для сборника, состоят из стихов, написанных как на азербайджанском языке, так и на фарси /оригиналы и построчный перевод, / а также художественные переводы стихов с немецкого языка. Под рубрикой «Переводы с немецкого языка» опубликованы «Любовные мотивы», «Мудрые мысли, жалобы и протест против времени». Последние вызывают интерес не только с точки зрения своей социальной остроты, но и формирования в представлении наших современников морального облика «Мудреца из Гянджи». Большинство стихов здесь (всего 35) без названия, 4 стиха имеют конкретную адресованность: «Ибн Ямин», «Кипарис», «Шах Аббас», «Однажды шах собственноручно написал Манифест». Как следует из содержания стихов, они социально-обличительного характера и являются личным манифестом поэта-глашатая своей активной гражданской позиции. С каким мастерством и гражданской непреклонностью высмеивает мудрец наводящего на всех ужас Шах Аббаса. Сюжетная линия обличительного стиха такова: не было предела жестокостям шаха, заключающего каждого неугодного ему горемыку в темный и сырой зиндан. Настолько сила власти ослепила шаха, что перестал он прислушиваться к совету мудрецов, не признавал ни бога, ни черта. Озверевший от своей безнаказанности и покорности черного люда, он правил, руководимый жаждой крови. Раздулся от важности шах Аббас, словно мыльный пузырь, уподобился в собственных глазах Аллаху.

И тут пострадавший от своеволия шаха певец Салим, вознес руки к небесам и взмолился:

Зачем терпеть вам столько, несчастный мой народ.

Глупец наш шах, а вы еще глупей!

Достаточно угроз! Подлецу одному

По силам связать руки столькоим?!

— Шах силен! Скажи, как поступить с таким?

— Смеяться надо над таким, и спесь слетит тогда.

Изменитесь и вы, измениться и он в испуге,

А то ничто не повлияет на него.

Автор умело использует сатирические нотки в осмеянии беспощадного правителя. Он вкладывает в уста народного хананде простые и справедливые слова, подчеркивая истину о том, что «клин вышибают клином». Окаменевший от неожиданного для него громогласного, всенародного осмеяния, хохота и улюлюканья, шах Аббас задумался. Он оторопел, подумал несколько минут и, не найдя выхода, поступил как все его подданные — захохотал, озарив улыбкой добра лицо.

И с того дня шах изменился, народ доволен стал.

И жалоб нет, народу стало лучше жить,

А имя шаха по весям разнеслось.

В стихотворении «Однажды шах собственноручно написал Манифест» автор демонстрирует истинность данной ему оценки «Устада слова»: в 14-ти поэтических строках раскрыл философскую мысль о необходимости соответствия правителя возложенным на него обязанностям. Описывая всенародное ликование иранского народа

по поводу неожиданного написания Манифеста шахом, автор с горечью дивится простоте и непросвещенности народной массы. Прогрессивный мыслитель Вазех убежден, что властитель обязан печься о благополучии страны постоянно, а не от случая к случаю:

Видя ликование народа,

Мирза Шафи был удивлен:

Иранцы в Иране, о ужас!

И шаха, и хана оценивают как:

Коль поступит умно,

Нарадоваться не могут на чудо.

Юношеская неприязнь поэта к непросвещенному, безыдейному духовенству прослеживается во многих стихах Вазеха. Его неприятие их взглядов связано с нигилистическим отношением мулл ко всему передовому. Эти мотивы звучат в 6-строчном шедевре:

Шел как-то я по закоулку,

Вдруг повстречался мне мулла.

— Мирза, в чем дело, случилось что,

В мечети не видать тебя давно?

— Да потому, друг милый, вскипает кровь моя,

Увижу как тебя, вся вера прочь бежит от меня.

Возмущением и протестом полны строки, в которых автор выступает против угнетенности и бедствий народа. Нищета, считает Вазех, такой социальный бич, что бьет по достоинству и чести личности, делает его зависимым от тугих кошельков. Самое непростительное в этой ситуации то, что:

От глупца зависит умный,

Слезам и горем полна душа

Горьким бедам быть тогда.

А человек для жизни создан!

Вазех-сатирик смело иронизирует как над шахами, так и над псевдомуллами. Так, диалог между автором и Мирзой подкупает простотой, глубиной мысли:

Обратился Мирза с вопросом:

— Что думаешь о шахе, Вазех?

Щедростью полнится его душа,

Уши остры его, а ум?

— Он такой же, как все, —

Кто носит абу и амамму.

В угнетении держит народ,

Видя слабость и слепоту его.

Чем не слова для ритмичной, полной сарказма мейханы?

Вывод краток: социальный гнет — почва для бесчинств и цинизма власть имущих. С каким рвением и оптимизмом написаны строки, призывающие азербайджанку к свободе и раскрепощению. Твердая гражданская позиция Вазеха-мужчины явно демонстрирует не характерную для того времени демократичность и гуманность. Считая женщину лучшим созданием Аллаха, автор, не переставая, уговаривает красу Вселенной совершить смелый шаг:

Не гоже в клетке тесной чахнуть

Такой достойной, кроткой пери!

Скинь ты чадру... пусть знает мир,

Нет тебе подобной в красе, афет.

Согреет мир очей твоих огонь.
Улыбка губ-бутонов нежных,
Мир озарит, наступит утро, наконец.
Чадра-покрывало, красавица моя,
Лишь темной ночью станет для тебя.
Да скинь ты чадру... Светлый лик твой,
И султану стамбульскому не снился!
Сквозь густые ресницы твои,
Пиалы черных очей сверкнут.
Вскинь, черноокая, очи, скинь чадру!
Живи достойно, смелой в жизни будь!

Четырехкратный призыв — «скинь ты чадру...!» звучит рефреном поэтического Манифеста Вазеха-гражданина, Вазеха-поэта, Вазеха-мужчины. Сколько искренности, естественности вкладывает автор в трехчленное повелительное предложение, надеясь встрепенуть духовные силы забытой женщины. Вазех-психолог касается заложенного в человеке от природы чувства свободолюбия и не хочет, чтобы в определенных социальных условиях оно стерлось из генетической памяти личности.

Не приемлет Вазех-человек стяжательство и карьеризм, над которым иронизирует в образе Мирза Гаджи Агаси. Это человек, посвятивший всю сознательную жизнь тупому накопительству, от которого нет пользы страждущим:

Ты погляди, как вдруг в Иране,
Мирза Гаджи стал господином важным!
Был он неприглядным, как и мы,
А нынче в наградах вся грудь его!
Все силы на обогащение направил,
Не принеся ты пользы никому.
— Ах, как мне быть: когда визирь и векиль
Есть самые богатые глупцы.

Если юнцу «по-щучьему велению» достается большое наследство, то и пользы не будет никакой ему самому. Сменяются поколения, от прадедов и дедов достается несметное богатство, которое улетучивается в азартных играх, застольях. Поэтому автор выступает за нажитое и приумноженное собственным трудом:

По-настоящему мил человеку
Лишь плод своего труда.

Кто сторонится тяжелого труда, тот для поэта является невеждой:

Легкая ноша не по мне, ведет она к падению!

Труд-послание Аллаха для тебя.

До скончания жизни буду предан и я.

Труд в глазах Вазеха — это фактор прогрессивный, развивающий сознание и физические силы человека. Трудолюбивый человек для автора — это мудрый человек:

Кто любит труд, для того он упоение,

Мечта и желание мудрых людей.

Вазех-учитель, формирующий мировоззрение молодого поколения своего времени, осознавал индивидуум как социальное явление. Раз живешь в обществе, нужно придерживаться норм общения. Тактичность и дипло-

матичность в человеческих контактах считал он важным принципом:

Резкость, насилие и давление вредны,

Пользы больше от добродетели и миролюбия.

Беспокоит Мирза Шафи и несовершенство в социальных отношениях времени, ложность критериев оценки личности. Хорошо, если основным показателем значимости человека является его высокая сознательность. А что было в действительности?

Не пойму: смеяться мне иль плакать?

Полмира населяют недоросли, глянь.

Не стесняются, не стыдятся сотня

Повторя мысли одного глупца.

Этим строкам вторят мысли поэта о безграничности их самовластия:

Слава Всевышнему, проявил к нам милость,

Оценил ум, достоинство и благо на земле.

Из-за непросвещенности людей принципы общения в социуме не соблюдаются большинством из них. Автор ясно дает понять:

На вопрос ответь с улыбкой доброй,

Даже на иронию иного,

Будь выше злорадства любого.

Не достоин если ты,

Не унижат тебя и тысяча ухмылок.

Вечная тема самокритичности и самовоспитания человека с целью совершенствования, установления гармоничного отношения между членами общества волнует Вазеха-учителя:

И твои песни, мудрый Вазех,

Рисуют портреты недорослей этих.

Если не слеп к недостаткам своим,

Увидев в зеркале отражение свое,

Поймешь вконец и ты себя.

Повидавший виды Вазех искренне желает, чтобы человек человеку не был враждебен, не распространялся по поводу его недостатков:

Услышав хулу о постороннем,

Не раздувай ее, в тайне держи.

Семью разрушить труда не стоит,

Камень на камень трудней положить.

Сплетни и интриги, как болотная трясина, засасывают человека в омут злобы. Поэтому всегда старайся избегать «сборища сплетников». Человеку следует прислушиваться к гласу судьбы, которая не всегда благосклонна к нему:

Одарит тебя судьба везеньем вдруг,

С благодарностью, как бокал вина.

Коль не удержишь в руке этот дар,

Не по силам и шаху осчастливить тебя.

Будь честен, отстаивай свое достоинство, но при этом, не режь словом, как кинжалом, учит Вазех:

Будь осторожен, себя береги постоянно,

Горькую правду скажи добрым словом.

Автор с горечью сознает, что вечная борьба между добром и злом, порядочностью и подлостью, к сожалению,

не всегда увенчивается победой светлых сил. В чем же кроется причина этого?

В схватке подлости с правдой,
Вдруг подлость выигрывает бой.
Для подлых самым низким делом,
Не подлость явится, а смелость.

Смысл жизни Мирза Шафи видит в просвещении, поэтому сравнивает знание со светом, прорывающим тьму невежества:

В стихах увидел истину свою,
А в истине нашел поэзию свою.
Для поэта понятие учености и мудрости синонимичны:
Чувствует счастье мудрый человек,
Чем больше учености — грустней ему
На свете счастлив лишь глупец,
Мудрец такому не завидует счастливцу.

Жить безмозгло, непродуманно — значит не приносить пользы никому. Вазех рекомендует в трудных жизненных ситуациях иметь голову на плечах, трезво рассуждать:

Тело без головы лишь мутит кровь,
Нет пользы никакой от тела такого.
Если голова у тебя на плечах,
Жить тебе во благе и мире вечном

Мирза Шафи — оптимист все же верит в торжество просвещенности и человеческого достоинства:

Гнет не волен стать мудростью,
Она способна гнет согнуть в рога.
Не стони, не сгибайся от бед и печали,
Прочь гони их из стих и песен своих.

Поэту импонируют личности, которые продвигаясь по карьерной лестнице, не теряют человеческого достоинства:

Молчи там, где все говорят
Говори там, где умолкают все.

Несколько диссонансом звучат строки, где автор призывает действовать более жестко:

Кто чтит меня, обожаю их стократ я,
Столь же ненавижу недругов своих.
Отрекись я даже от счастья,
Не изменю привычке этой никогда.

Поэт иногда весьма категоричен по отношению к тем, кто прощает поруганную честь:

Мягкость — качество женщин,
Будь мстителен, коль ты мужчина.
Знай: зуб за зуб, а око за око.

Мудрый Шафи с болью в сердце старается внушить современникам понимание быстротечности жизни, ее отмеренности для каждого. Он стремится к тому, чтобы люди ценили и плодотворно использовали отпущенные богом дни:

С каждым вздохом теряем по зернышку жизни.
Зови не зови-не вернуть прошлого никак.
Если будет цель твоя ясна уже в начале,
Тогда достигнешь цели ты в конце.
На свет появился ты — не вина твоя,

Прожил жизнь бесцельно — вопи до небес.

Философия жизни и проста, и сложна: она дается всем, но каждому предначертаны разные пути:

От колыбели до могилы есть путь один,
Который с тростью или без проходят все.
И разница лишь в том, кто и как
Преодолеет в жизни этот путь.

Вазех ратует за полноценность человеческого существования на земле. Он программирует людей на позитив: живи, радуйся всему хорошему, отметай плохое и борись с невзгодами, но помни:

Не думай, что смерть тщетна, мол, где она?
За дверью любой человека поджидает всегда.

Любому человеку нужна забота и внимание, чтобы он чувствовал свою востребованность в обществе. Можно согласиться, что каждому воздается по заслугам:

Красавиц нежных надо лелеять,
Щеки алые всегда целовать.
Землю черную возделывать,
А коварную гадюку топтать.

Человек в понимании Мирза Шафи — самое лучшее создание Аллаха, который правит Вселенной:

Повелевает он селями, реками бурными,
Громом раскатистым, облаками небесными.
Беспредельны силы небесные,
Воспеваю судьбу человечества — дитя его.

Мирза Шафи — эстет находит красоту во всем, например, в церемонии распития напитка Богов, вина.

Взял в руки бокал — не будь невеждой,
Не пей без чувств и эмоций
Не то вздуешься пузырем мыльным.

Не падай ниц спьяна — не унижая себя.

Мудрый человек никогда не уподобит этот напиток пресной воде, ибо тогда:

Не поймет никогда его волшебства и чар.

Певец любви и гуманности категоричен в не признании всего искусного, подлога во всем:

Как бы ветер не взметал пыль высоко,
Она так и останется пылью никчемной.
Жемчуг даже в пыли очутившись,
Не теряет блеска, цены и красоты своей.

Поэт верит в вечность и нетленность красоты в природе, столь гармоничной и естественной:

Раз сказал Ибн Ямин сверчку —
Что за свечение исходит от тебя?
Днем ты гаснешь сразу,
Ночью ярким пламенем горишь.
Сверчок ему в ответ: — Эх, Ибн Ямин!
Днем также отсвечиваю я.
Солнцу стоит засверкать в выси,
Нет и следа от света моего.

Гимном красоте звучат и такие строки:
Грубых рук не достоин настоящий алмаз,
Этот алмаз должен шлифовать лишь алмаз.

Для мастера художественного слова символом красоты является природа.

Особой эмоциональной насыщенностью отличается стихотворение «Кипарис». Автор описывает очарование этого зеленого красавца. Он страж не только аллей, где встречаются влюбленные. Он и молчаливый свидетель слез, пролитых над надгробьями. Кипарис — символ свободы, гордо взметнувшийся в голубые и безбрежные выси:

Ни от бурь, ни от ветров мой кипарис
Не сбросит листвы, не согнется вовек.
От зла и притворства далек кипарис,
Вечно и нежено его существо.
От суетной жизни бежит он прочь,
Лишь могилы — мирные пристанища его.
Оттуда взмывает в небо стрелой,
И затем гостя высматривает вновь.
Островок надежды, зеленый кипарис,
Словно стрелой взметнется ввысь.
Под ним черви точат бездну могил,
Над ним звездный ковер мерцает ярко.

Мирза Шафи очень чуток к настоящей поэзии, истинным мастерам художественного слова. Сделать поэзию волшебной и чарующей для читателя способен поэт-философ. Не всяк, сочиняющий вирши, хоть и слывет поэтом, в действительности не является таковым. Кратко и ясно резюмирует автор:

Коль в стихах звучит мотив мечети — тот не поэт.
И голова пуста, и туп умом.
Или вот еще вазеховские заметки:
Не будь беспомощен пред словом, настоящий поэт.
Нужный ключ подберешь — найдешь дверь истины тогда.

Как следует из анализа стихов Мирза Шафи Вазеха, он был зрелым литературным критиком. С присущей ему любознательностью, тонкостью знатока стихосложения, способностью определить значительность художественной темы рассуждает Вазех о поэзии, об исполнителях мугама. Поэт отвергает давно «пережеванные» темы рая и преисподнии, разлук и встреч, цветов и соловьев, словом, против «ласкающих слух пустых слогов», не дающих пищу уму.

Он называет их не глашатаями народа, а «сипящими» сакаами:

Тысячекратное презрение к поэтам таким!
Тропка ваша легка и бесцельна,
Лишь улада она для неучей глупых.
Не окрылят эти строки людские сердца,
Для сведущих вирши эти лишь боль головная.

Вазех — поэт как нельзя хорошо разбирается в вопросах сложного творческого процесса. По его мнению, и стихи, и песни должны характеризоваться особой напевностью. Лишь в таком случае написанное поэтом легко передается языком музыки. В статье С. Курбаналиевой (4) результатом исследования является мысль о наличии мотивов мугама и шура в классических произведениях на слова поэта.

Небольшой экскурс в историю свидетельствует, что «Песни Мирза Шафи» привлекали внимание многих из-

вестных композиторов Европы. Музыку на них писали Ф. Лист и Г. Мейербер, Е. Григ и К. Леви, И. Брамс и К. Шимановский, Л. Спор и А. Рубинштейн. Последний сложил на его слова 13 романсов, которые неоднократно исполнял Ф. Шаляпин. С особым удовольствием пел он романс «Иранская песня». В России «Песни Мирза Шафи» были переведены на русский язык революционерами-демократами М. Михайловым и Н. Эйфертом. Этот перевод привлек внимание Л. Толстого, который в письме к А. Фету писал, что «там есть прекрасные стихи».

Болгарский ученый С. Баева отмечает: «В 50-60-х годах XIX века в Болгарии неоднократно переиздавались на многих языках стихи Мирза Шафи Вазеха и пользовались широкой популярностью». (3, 15).

Несмотря на то, что свыше двух столетий отделяют нас от талантливого поэта-мыслителя, его творческое наследие востребовано современными литературоведами, искусствоведами, композиторами и вокалистами.

Читая классиков, в том числе и Мирза Шафи Вазеха, надо вникать между строк и анализировать подтекст. В таком случае раскрывается вся художественная притягательность и волшебство поэзии, постранично начинает перелистываться книга жизни автора. Подобное прочтение и анализ «Мудрых слов, жалоб и протеста против времени» позволил сформировать в нашем представлении моральный облик Вазеха. Перед нами возник не только Вазех-поэт, но и мыслитель, эстет, учитель, психолог, критик, гражданин, сатирик, словом, талантливый человек.

«Устады Востока обладали способностью в своих устных и письменных высказываниях облекать содержание в красивую, доступную форму», — отмечал Ф. М. Боденштедт (с. 91). Именно по этой причине «дети» Запада в течение веков направлялись для обучения мудрости к поэтам и философам этой части света.

Мирза Шафи вазех считал, что в Европе молодежь живет «без убеждений и веры». Поэт твердо верил, что в созданном им литературном меджлисе «Дивани хикмет» возможно привитие им необходимых поучительных качеств.

Автор историко-этнографической книги «Тысяча и один день на Востоке» Ф. М. Боденштедт подробно описал деятельность этого «дьярняя» (кружка) и его идейного вдохновителя Вазеха по распространению морально — этических норм Востока. Знакомство с записками путешественника Боденштедта свидетельствует о четкой системе обучения, включающей разнообразные приемы по усвоению закономерностей суждения и умозаключения. Поэт, учитывая континент иностранных учеников, помогал им в овладении фарси, арабского и азербайджанского языков, в постижении глубины мысли поэтов и философов незнакомой для них страны.

Обычно «уstad читал стихи, растолковывал особенности рифм и содержания, внимательно работал над произношением» (с. 30). Ученики нередко самостоятельно определяли значение арабских слов, что вело к более сознательному усвоению лексики. Элементы интерактив-

ного обучения видны в таком дидактическом приеме: после образцового, мелодического исполнения стиха уstad обязывал «каждого из нас составить мудрое высказывание или рассказать свою версию услышанного» (с. 32). В ответ учитель предложенное или меткое выражение трансформировал в очередную песню — стих.

Как видим, занятия строились на активном диалоге с учениками, что исключало монотонность обучения, готовила их к спонтанной речи на изучаемом языке. Это является показателем прогрессивности «Дивани хикмет» в сравнении с косностью обучения в медресе.

Мирза Шафи не пренебрегал бурными диспутами на философско — литературные темы различных направлений. В конечном итоге ученики приобретали те навыки и умения, что важны для формирования их собственного взгляда. Круг этот был достаточно широк и охватывал интересные проблемы:

- специфика национальных качеств народов Запада (с. 34);
- гендерное равновесие (с. 36 — 48, 99, 108);
- типографское издательство книг и рукописные образцы (с. 90 — 93);
- литературная критика и языковедение (с. 80 — 82);

В процессе урока уstad не ограничивался лишь устными формами работы, а сочетал их с письменными. Например, «когда он, забывшись отвечал на заданный вопрос на привычном ему диалекте, я часто не мог понять мысль. В таком случае Мрза повторно задиктовывал высказывание и старался направить мои усилия в доступное мне русло» (с. 51).

Основным дидактическим материалом служили рукописные тетради со стихами и мудрыми мыслями под названием «Ключи от мудрости», образцы из которых подвергались совместному объяснительному чтению и критическому анализу. Другим источником были высказывания учеников, анализируемые с целью достижения филигранности в написании метких выражений, афоризмов.

Помня о возникающей в ходе урока усталости от напряженной мыслительной работы, учитель продумывал и момент «разрядки». «На каждой перемене исполнялись песни. В них отражалась каждая мечта, каждое пожелание» (с. 65). Здесь видим пример коллективной медитации.

Восточному уму Мирза Шафи учил на творчестве Джами и Саади, Хагани и Хафиз, Низами и Физули, цитируя их. Он всегда при этом называл имя автора, давал объективную оценку их литературному наследию. Поэт без тени ревности упоминал имена мудрецов — современников, например: Аббасгулу хана, Омара эфенди. Он не претендовал на абсолютную исключительность в корте мудрецов. Хотя по словам автора книги, «если существовал человек, создавший сокровище из стихов, то это Мирза Шафи Вазех» (с. 73).

Уstad высоко ценил эти личности. Одного из представителей бакинских ханов, Аббасгулу хана он характеризовал так: уважения достойны его «просвещенность и простота». Омара эфенди он прочил после своей смерти

в учителя Фридриха: «Он обладает большим умом и благовоспитанностью. Он станет первым, а ты — вторым мудрецом» (с. 9).

Пословицы и поговорки — тоже кладезь восточной народной мудрости. Вазех много цитирует, рассказывает легенды и притчи, которые раскрывают национальные ценности того или иного народа, например:

- притча о шайтане (с. 94);
- грузинская притча о Давид — горе (с. 43);
- легенда о 40 девушках (с. 60).

Автор восхищается тонким языковым чутьем Устада: «Если даже Мирза Шафи не знал этого (немецкого) языка, я бы сказал, что он и сеть настоящий знаток языка» (с. 82). Подтверждением этому является чуткое восприятие и большой интерес к поэзии Томаса Марра и Гейне, Байрона и Шиллера. Меткое высказывание поэта по этому поводу подчеркивает его природную мудрость: «Посторонние воспринимают язык звезд в меру своего понимания» (с. 83). Если «расшифровать» семантику слов образного умозаключения, то можно установить такие соответствия: «звезды» — далекие страны, «посторонние» — те, кто не владеет языком. Вот пример краткости, облаченной в красочную художественную форму. Особенность метких высказываний прежде всего в их содержательности, четкости изложения, образности языка. Подобное высказывание может включать в себя цепочку умозаключений, состоящих из суждений, завершаемых выводами.

Вот пример рассуждения на тему истинной любви.

«... Не стоит тратить время на такие занятия! Большими запросами от всего не урвать доли. Есть колодцы, которые даже всем мудрецам не заполнить мудростью. Подобная мысль не придет даже в голову глупых уstadов, но последние доводят толковых уstadов до иступления. Как сказал Саади: «Если облако окрасило землю животворным дождем, и в стране взращен богатый урожай, даже и в этом случае кипарис не станет плодоносить!» Можем ли изменить местоположение солнца, если оно не обогревает нас? Если роза недостаточно благоухает, это значит, что в болоте она росла бы лучше?».

За цепью риторических вопросов следуют логические выводы: «Жизнь — борьба между светом и тенью, добром и злом, красотой и безыскусностью уstadом является тот человек, который в уродствах мира способен заметить красоту. Это такое чувство, которое исходит от нашего сознания и солнца, алых щек красавиц и лепестков роз. Я преклонюсь перед такой любовью.» (с. 51 — 52).

Сам Фридрих Мартин недаром обучался у Мирза Шафи. Вот одно из его высказываний об Устаде: «...свою, состоящую из гасидов, газелей, рубаи и песен книгу, являющуюся источником ума, Мирза Шафи написал для просвещения глупцов и укрепления ума уstadов» (с. 74).

Наберемся и мы мудрости у нашего мыслителя земляка Мирза Шафи Вазеха.

- У неуча знания неглубоки, аппетит — огромен.
- Псевдоучителей интересует не обучение, а карман ученика.

— Невежде не понять вкуса вина.
 — Красота — источник вдохновения.
 — Немцы взрастили ученых и языковедов, англичане — трудолюбивы, а французы — веселая нация.
 — Посеянные семена мудрости взойдут в рассуждениях учеников.
 — Как без цветка соловью не петь, так и без любви нет песен.
 — Любовь сбережет лишь влюбленный.
 — Бедность — жуткая доля.
 — Осознавать утерю клада нестерпимо больно.
 — Бесцельно слоняться по райскому саду подобно пребыванию в аду.
 — Ели рядом с солнцем лампа схожа с песчинкой, то в пустыне она невидима.
 — Восточная мудрость для глупцов — это урок, для сбившихся с пути — это путеводная звезда.
 — Глаза женщины — это красота и истина.
 — Даже с большим аппетитом не урвать доли от всего.
 — Жизнь — борьба света и тени, добра и зла, красоты и безыскусности.
 — Женщина распуститься, как бутон, если лелеять и заботиться о ней.
 — Если розу топтать — то уколишься шипами.
 — В царстве любви мир противоречий.
 — Тесная привязанность к женщине позволит познать ее глубоко.

Литература:

1. Aslanov, A. Mirz Ş fi Vazeh. N ğm l r. / Bakı, 2004.
2. Bayramov, A. F. Bodenstedtin Mirz Ş fi Vazeh haqqında xatir l ri. / Bakı, 2008.
3. Bayramov, A. N ğm l r şairi. / Bakı, 2008.
4. Курбаналиева, С. Вазех и музыка / «M d ni h yat», 2014.
5. Zeitschrift für Ethnographie-Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Berlin, 1901. — S. 82–84
6. А. Байрамов. Фридрих Боденштедт. Воспоминания о М.Шафи Вазехе. Баку «Нурлан, 2008 г. — 108 С.

About research of historic-cultural heritage of Ganja

Hasanov Elnur Latif oglu, PhD., senior specialist

Ganja department of Azerbaijan National academy of Sciences (Ganja, Azerbaijan)

Гасанов Эльнур Лятиф оглы, PhD, главный специалист

Гянджинское отделение Национальной академии наук Азербайджана

The emblem on the flag of Ganja Ziyadoglular generation, which representative was a powerful khan of Ganja Javad Khan, was adopted in 2004 as the emblem of Ganja.

Ziyadoglular is one of the branch of Qachaq, which was the tribes of 9 influential Gyzylbash tribes. From IX-X centuries Ziyadoglular, whose power intensified in Azerbaijan, controlled Ganja's beylerbeylik during 400 years. The symbols on the emblem give the following meanings:

The sun — is the symbol of eternal life.

— Как бы купец не нахваливал товар — все равно купят по потребностям.

— Для вечной любви нужен высокий ум.

— Мастерство, как все остальное не раздается. Часть получишь, а остальное наработаешь сам.

— Дереву не расти на камне, у глупца не обнаружить ума.

— Никудышный поэт присваивает чужой труд. Своими деяниями пользы не приносит.

— Плутватый ученый не лишен достоинства.

— Лжемудрость, как начертанные на пне письма, подобна бесплодному дереву.

— На лжемудрости не взрасти ни пшенице, ни ячменю.

— У автора — нытика голова пуста и дела негодны.

— В пучине науки — глубокое содержание и широкие мысли.

— Полезнее 100 раз прочитать одну хорошую книгу, чем один раз 100 плохих.

— Отчаявшемуся важно будущее, мудрому — ум.

— Почерк, как и мысли, должен быть ясными.

— Любовь, как и запах мускуса, не скрыть.

— Любовь не для тщеславия и времяпровождения.

— Пролазить повсюду — свойство змеи.

— У женщин с любовью крепнет рассудок, а у мужчин — наоборот.

— Иногда мгновенье счастья равно веку, а один век — мгновенью.

The moon — a symbol of eternal light, purity, and as a symbol of white color gives meaning of freedom.

Oak leaf — is a symbol of spending, longevity and wisdom.

Eight-pointed star — (sun symbol) — according to Islamic religious belief means 8 gates of paradise, so it indicates that Ganja is place of paradise.

Libra — reiterated Libra sign in the circle means equality, fairness, honesty.

Monumental and majestic take place in the emblem.

Green background is a symbol of Islamism.

During the archeological excavations material — cultural remains have proved that Ganja, which is one of humanity's most ancient settlements, had played an important role in the history of the development of science and culture of our country. During passage point of zoroastrian, muslim, and christian civilization, also location on the Silk Way from West to East, from North to South, suitable natural-geographical conditions, rich soil, mild climate, plentiful rivers, also talented and gifted people of Ganja played exceptional role for developing in Azerbaijan science and culture history.

Ganja is located on the ancient caravan routes, so merchants, travelers, scientists and cultural workers from different countries of the world visited Ganja, and first of all, their visiting helped our nation to integrate their spiritual values to all mankind civilizations.

Also in XI century, during the Arab Caliphate flowering, the great thinker Gafran Tabrizi's population in Ganja shows, that Ganja has become a major center of culture and science in the Muslim East. From the sources it becomes clear, in that period in Ganja there were personal and public libraries, medresses as modern universities, observatories and medical centers. Muslim culture has spread to the neighboring Christian states from here. That why, many scientists, poets, architects, artists from different countries of East settled in Ganja.

Also, Sheikh Nizami, appreciating Ganja's cultural level more highly, praised his native city «My Babil». In the middle of the XII century there were schools, medresses, private and public libraries, «The houses of wisdom» and «Health centers» in Ganja. In historical sources there was an information that, in Ganja there was a large library «Dar al-kutub», that had been led by a famous scientist Abulfaz al-Nakhchivany. From Sheikh Nizami's reading and the names of the works, it becomes clear, that there were rich libraries in Ganja.

The high value of selcugs, that replacing arabs, to the science and culture, was the reason of formation of a new school of poetry, that was founded by Sheikh Nizami in Ganja.

Sheikh Nizami's knowledges on all the spheres of all the sciences, known at that time, show, that he has studied in madrasa, that belonged to the rich library, where worked well-known scientists of Ganja.

Encyclopedic and perfect knowledge on all areas of science of the great poetries of all proves that Ganja was a center of science and culture.

The great Azerbaijani poet Sheikh Nizami had good knowledge about philosophical thoughts of such coryphaeus as Farabi, Xarezmi, Ibn Becci, Abu Ali Ibn Sina, Ibn Rusd. It shows, that the language of science of that period — the Arabic language and philosophy were highly taught in Ganja. Nizami's works analysis shows, that he was familiar with the ancient Greek and Indian philosophy also. Sheikh Nizami in his work «Iskendername» discusses the creation of the world from the Iskender's language with such famous ancient scientists as Aristotle (Arastun), Fales (Valis), Platon (Aflatun), Tianli Apollonia (Rumlu Bulunus), Socrates, Timbered Parfiri (Fororius) and with the founder of the alchemy,

magic and other «magical sciences» Hermes Trismekistdir (Khormus).

It shows that there were a lot of philosophical thinkers, who had good knowledge about philosophical schools in Ganja.

In 40 s years of XII century in Ganja lived Abu Bakr ibn Khosrov al-Ustad, who was born in Ganja, had a high madrasah education and with his knowledge, literacy had gained great popularity. He was an author of such works as «Mansur and Marjan», «Sanem and Acem», «Mehr and Mushteri», «Hakiza-ya kitab-i Alfiyya and Salfiyya», Rahat ar-Ruh», Huzhat al-maqlis».

The using Al-Ustad's work «Munisname» in scientific society made deeper the level of ancient development of the Azerbaijan's literature. A short introduction of «Munisname» book is equal to the whole literary book. Abu-Bakr ibn Khosrov al-Ustad was known as knowledgeable and experienced scholar, writer, poet had knowledge on the world and shariat sciences. That why he was awarded the nickname «Ustad» (Master).

In the scientific and cultural center of the East, in Ganja's literary environment were raised Abu Hafs, Abul Ganji, Abul Ula Ganjavi, Mehseti Ganjavi, Qivani Mutarrizi, Raziyya Ganjavi, Mirza Shafi Vazeh, who gave priceless pearls to the treasures of world culture. Especially in that period, presence of such kind of chess-player, composer, thinker women as Mahsati Ganjavi and Reziyye, who owned world science and philosophy again shows, that city from cultural point of view, stays on high level.

As always, in the XVI-XVII centuries, Ganja gave to humanity persons, that had improved science and culture of Azerbaijan. Musahibi Ganjavi's and Sheikh Ibrahim Qudsi's names can be mentioned. We should not forget, that Sheikh Ibrahim Qudsi, that was from the great Azerbaijani poet Nizami's family, as a well-known historian wrote a book «Tarixi-mugeddes».

Throughout the centuries, the students in madrasa and in religious schools learnt the classical Eastern literature and world sciences. The well-known poet and teacher Mirza Shafi Vazeh, who was established under cleric Sheikh Hussein Pishnamazzade in school in Shah Abbas Mosque in Ganja, was the first author of the book, prepared for school.

The history of creation of Ganja's libraries is belonging to the beginning of the last millennium. Also there were great libraries in Ganja in the X-XI centuries. The famous Arab traveler and geographical scholar Yagut Hamavi in her work «Macatal-bulan» shows, that there was a great library «Dar-al-kitab» under the leadership of the scientist Haddad ibn Bekran Abul-fazalan Neshevi, that had widen the scientific environment of Ganja. At the end of the XVIII century there was a popular library «Sultaniyye», that was the cradle of science and culture of Ganja. At that time, there was a large library of Javad khan in Ganja. Unlike others this library had been using free by the urban population.

In connection with the 100th anniversary of the famous Russian poet A. S. Pushkin, there was established Nizami — Pushkin Library in Ganja. In 1934 Ganja city Education De-

partment organized the City Central Library. Since 1976, all libraries in the city centralized around the Central Library and created Centralized Library System (CLS). Thus, the

above-mentioned facts, once again demonstrates Ganja's specific weight, as in all stages of history, in the development of Azerbaijani science today.

References:

1. Guliyeva N. M., Hasanov E. L. About ethnographic-archaeological research of some handicraft branches of Ganja during XIX — XX centuries / Progressive scientific explorations — 2012: Proceedings of the 8th International scientific-practical conference. Prague (Czech Republic), 2012, p. 73–75
2. Həsənov E. L. Gəncə İmamzadə türbəsi (tarixi-etnoqrafik tədqiqat). Bakı: Elm və təhsil, 2012, 268 s.
3. The dawn of Art. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1974, 196 p.
4. Ergenekon Cavidan. Tempe keçe sanatında geleneksel süsleme üsulları ve günümüzde bu saneye yönelik yeni yaklaşımlar / Azərbaycan xalçası və xalq tətbiqi sənəti mövzusunda III Beynəlxalq simpoziumun materialları. Bakı: Elm, 2005, s. 45–46
5. Hasanov E. L. Some innovation historic-ethnographical arguments about development of craftsmanship in Ganja / Science, Technology and Higher education: Proceedings of the 1st International scientific — practical conference. Westwood (Canada), 2012, p. 485–491
6. Guliyeva N. M., Hasanov E. L. Investigation of basic decorative-applied arts of Ganja on the basis of some innovative arguments and technologies / Science and Society: Proceedings of the 3rd International scientific-practical conference. London (Great Britain), 2013, p. 281–291
7. Hüseynova S. B. Gəncə şəhəri haqqında bəzi etnoqrafik qeydlər (XX əsrin əvvəlləri) / Kirovabadın maddi, mədəni və ictimai həyatına həsr edilmiş II elmi konfransın materialları. Bakı: Elm, 1987, s. 38–39
8. Hasanov E. L. Applied innovative researches on local craft and national traditions of Ganja / Applied Sciences and technologies in the United States and Europe: common challenges and scientific findings. Proceedings of the 1st International scientific conference. New York (USA), 2013. Volume 1, p. 27–28
9. Кулиева Н. М., Гасанов Э. Л. О развитии некоторых традиционных ремесленных отраслей Гянджи на рубеже XIX-XX веков / I Международная научно-практическая конференция: История и археология в современном мире. Москва (Россия), 2012, с. 36
10. Hasanov E. L. Historic-ethnologic and anthropological importance of handicraft branches of Ganja / Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. Proceedings of the 1st International Symposium. Vienna (Austria), 2013. Volume 1, p. 3–7
11. Флоревский Н. Елизаветпольский округ // Обзорение Российских владений за Кавказом, часть II, СПб., 1836, с. 392–393

Эпос «Гёр-оглы» и его значение как историко-этнографического источника

Диванкулиева Бике Худайбердыевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Туркменский государственный университет имени Махтумкули

Этнология (этнография) как наука применяет в своих исследованиях обширную источниковедческую базу. Художественным произведениям в этом плане принадлежит особая роль. Так, Е. И. Филиппова справедливо полагает, что «для этнографа художественная литература может служить источником еще в большей степени, чем для историка» [1, с. 27]. И. А. Манкевич, рассматривая значение литературно-художественного наследия как источника, отмечает: «Любой художественный текст независимо от времени его создания, авторской, мировоззренческой или жанровой принадлежности, потенциально информативен» [2, с. 20]. Что касается героико-эпического жанра, есть прекрасное высказывание Е. М. Мелетинского: «Памятники героического эпоса составляют

ценнейшую часть культурного наследия и предмет национальной гордости народов» [3, с. 5]. В данной статье автор на материале памятника устного народного творчества туркмен «Гёр-оглы» исследует значение эпоса как этнографического источника.

Включение в 2015 г. туркменского героического эпоса «Гёр-оглы» в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО явилось признанием его как общечеловеческой духовной ценности. В этом выдающемся произведении нашли своё отражение обычаи и традиции, образующие ментальность туркмен, составляющие их жизненную философию, а также различные аспекты материальной культуры. Историко-этнографическое исследование «Гёр-оглы», таким образом, представляется ин-

тересной научной задачей, дает возможность увидеть преемственность традиции, а также значение эпоса как этнографического источника.

Датировку «Гёр-оглы» принято относить к XVI — началу XVII века. Но исследователь Б. А. Каррыев полагал, что некоторые элементы сказания зародились задолго до XVI столетия [4, с. 7]. Можно видеть, что язык, стилистика эпоса близки к эпосам «Огузнама» и «Горкут ата», то есть к огузскому языку. Филолог Д. Нуралиев считал огузским периодом в туркменской литературе V–XII века [5, с. 27]. Предположительно, отдельные главы «Гёр-оглы» складывались уже в этот период. Обратимся к сравнительным примерам. С первых же страниц «Огузнама» мы узнаем, что у туркмен были города с сорока четьрьмя воротами [6, с. 25].

Аналогичное выражение, означающего большой город, встречается в «Гёр-оглы» [Гёр-оглы, с. 426]. В «Горкут ата» описывается свадьба туркмен, на которой поют бахши (певцы — сказатели), борются богатыри, стреляют в золоченую тыкву (спортивная игра). В «Гёр-оглы» о свадьбе главного героя говорится следующее: «Устроил скачки, стрельбу в «золотую тыкву», позвал петь бахши, певцов — всех развеселил» [Гёр-оглы, с. 446]. В «Горкут ата» у предводителя — хана есть свита из сорока джигитов. И Гёр-оглы также сопутствуют 40 его приближенных джигитов. Эти параллели дают основание предположить, что «Огузнама», «Горкут ата» и «Гёр-оглы» объединяет художественный стиль и форма. Время возникновения «Горкут ата» датируется VII–IX в. н. э., а «Огузнама» еще раньше [5, с. 27]. Датировка «Гёр-оглы» XVI–XVII веками связывается с народными выступлениями того времени, то есть основным являлась социальная составляющая. Но в определении времени создания народного произведения должны учитываться и другие немаловажные факты. К примеру, традиции и обряды, характерные особенности времени, стилистика, сравнительное сопоставление и анализ текстов народных преданий и т. п.

События эпоса показывают у туркмен элементы государственного строя. Многочисленная социальная терминология «Гёр-оглы» представлена следующими словами: *патыша*, *хан*, *солтан*, *эмир* (правители), *бег* (князь, правитель области), *торе* (сановник хана), *векиль* (сановник), *агабег*, *аталык* (высокопоставленные сановники), *диванбеги* (бек канцелярии, один из высших чинов в феодальной иерархии), *ички диванбеги* (бек канцелярии по внутренним делам государства), *гушбеги* (начальник егерей), *мехрем* (стремянной, высокая придворная должность), *мурзе* (писарь, письмоводитель; почетный титул знатного человека). Также указаны государственные учреждения: *диван* (учреждение, ведающее государственными делами), *меджлис* (государственное собрание). В эпосе много гражданских профессий: *сейис* (конюх, конюший), *бакгал* (бака-

лейщик), *малдар* (животновод), *совдагар* (торговец), *гаравул* (сторож), *чопан* (пастух), *зергер* (ювелир), *ашбаз* (повар), *гассан* (мясник), *тебип* (лекарь), *мирап* (распорядитель воды), *амбал* (профессиональный носильщик), *дайхан* (крестьянин), *кервенбаши* (предводитель, глава каравана), *мюрид* (послушник), *сарван* (погонщик верблюдов), *эмин* (следающий за соблюдением правил на состязаниях) и другие, обозначающие подданных страны. В описываемый период существовала и военное сословие, о чем свидетельствуют такие категории, как *сердар* (военачальник), *йигит* (воин), *батыр* (богатырь, силач), *ясавул* (низкий военный чин, посыльный), *нокер* (стражник), *лек* (10 000 воинов; множество).

Героический эпос отразил и военное оружие, бытовавшее в прошлом у туркмен: *гылыч* (сабля), *топ* (пушка), *ок* (вид стрелкового оружия), *яшыл найза* (стрела). В «Гёр-оглы» есть описание воинской подготовки на лошадях и борьбы: «Эй, добрый молодец, и на коне ты не дал себя одолеть, и в борьбе не поддался» [Гёр-оглы, с. 431]. Интересно описание воинских доспехов и боевого коня: «Отменно убрали они его коня — седло из золоченой кожи положили на него, бархатный потник, дорогую подпругу, чепрак с золотой бахромой, пуховую подушку на сиденье, украшенную изумрудами сбрую надели, а самому Ровшену (детское имя Гёр-оглы. — Б.Д.) дали сапоги из *сагры*¹ и дорогой кушак, шапку из меха выдры и *чекмень*² из френкского³ сукна [Гёр-оглы, с. 415].

В эпосе широкое отражение нашли сведения о коневодческом искусстве туркмен, которые вывели знаменитую ахалтекинскую породу лошадей. Так, о повадках Гыр-ата, легендарного коня Гёр-оглы, в эпосе говорится: «Двадцать четыре способа скакать знал Гыр-ат. А в ту ночь он нашел такой ход... Поставить на круп пиалу молока, так даже пленка сливок на его поверхности не собьется» [Гёр-оглы, с. 500]. А строки из эпоса: «Снял он с Гыр-ата седло и чепрак и заново оседлал его, накинул чепрак, попону скатал и привязал к крупу, высоко завязал хвост» [Гёр-оглы, с. 420] возвращают в некоторой степени к вопросу о датировке эпоса. В 1949 году на Алтае в вечной мерзлоте был найден древний ковер, получивший название Пазырыкского (по кургану, где был обнаружен), хранящийся ныне в Эрмитаже. Этот ковер, датируемый V в. до н. э., является произведением древних предков туркмен, что подтверждается схожестью орнаментов Пазырыкского ковра с узорами современных туркменских ковров [7, с. 612]. На этом ковре кони изображены с высоко завязанными хвостами.

В «Гёр-оглы» отражены хозяйство, ремесла, занятия туркмен. Так, о древней оседло-земледельческой культуре туркмен свидетельствуют упоминаемые в эпосе названия зерновых: *бугдай* (пшеница), *арпа* (рожь), *кунджи* (кунжут), *джугара* (сорго), *дары* (просо), *бурунч*

¹ Сагры — выделанная кожа зеленого цвета, идущая на сапоги.

² Чекмень — легкий мужской шерстяной халат

³ Френкский — европейский.

(рис); виды собственности на землю; названия фруктов и овощей: *алма* (яблоко), *гавун* (дыня), *узун* (виноград) и как производное от винограда *кишмиш*. Также в эпосе много названий блюд растительного происхождения туркменской кухни: *палав* (плов), *шуле* (рисовая каша с мясом), *говурга* (жареные зерна пшеницы), *машеве* (фасолевая каша) и др. Пожелания землепашцу, которое читаем в эпосе, в виде традиционного приветствия бытует у туркмен и поныне: «Бог в помощь! Обильного тебе урожая! Быки у тебя быстрые, соха отменная, железо острое! [Гёр-оглы, с. 561]. Заслуживает внимания в этом плане и вопрос одного из старцев Ровшену в сцене, где его благословляют 40 старцев — эренов: «К чему лежит твое сердце — к землепашеству, к занятию бахши, иль, может, быть муллою?» О преимущественной роли земледелия в хозяйстве туркмен говорят и следующие строки из эпоса в сцене встречи Гёр-оглы и его джигита Косе после длительного отсутствия первого: «Гёр-оглы! Ничто у меня без дела не стояло — ни лошади твои, ни арбы, ни быки для пахоты. Даже семена твои я высеял» [Гёр-оглы, с. 743].

Эпос отразил сведения о скотоводстве и охоте у туркмен: упоминаются кони, верблюды, коровы, овцы. Есть сведения об охоте на фазанов, джейранов, куланов, зайцев. Причем на охоте, как правило, использовались ловчие птицы и охотничьи собаки — *тазы* [Гёр-оглы, с. 62].

На страницах эпоса освещаются традиции гостеприимства, занятия женщин. Так, повествуется, как юный Гёр-оглы, его дед Джигали бек, тетка Гулендам принимают в гости в своем небольшом шалаше — *чертек*, где они обосновались после бегства от притеснений, 40 странников — *каландаров*, для чего режут единственную корову. Гулендам «заткнула полы халата за пояс, засучила рукава и с восхода солнца до утра следующего дня прислуживала им» [Гёр-оглы, с. 406]. В сцене, где старуха отговаривает пери Агаюнус идти замуж за Гёр-оглы, она предостерегает её домашними занятиями земных женщин, такими как «молоть пшеницу, печь хлеб в тамдыре» [Гёр-оглы, с. 440].

Национальные туркменские блюда, о которых повествует эпос, разнообразны. Это, кроме упомянутых выше, *яхна* (холодное вареное мясо), *чиш кебап* (жареное на вертеле мясо; шашлык), *тамдырлама* (мясо, испеченное в глинобитной печи *тамдыр*), *дограма* (суп с накрошенным в него мясом и чуреком), *гомме* (испеченное в золе чурек с мясом, луком и перцем), *гайнатма* (суп с мясом), *чорба* (суп), *чекдирме* (тушеное мясо), *кабла* (мясное блюдо), из молочных блюд *сузме* (творог) и др. Также упоминаются такие напитки как *чал* (прохлаждающий напиток из верблюжьего молока), *гок чай* (зеленый чай), *гара чай* (черный чай), *шербет* (сладкий прохлаждающий напиток). В эпосе описывается несколько видов хлеба: *чурек* (лепешка), *петир* (чурек из пресного теста), *гатлама* (слоеная лепешка), *челпек* (тонкораскатанная лепешка, поджаренная на масле и подаваемая на свадьбе), *ишлеме* (чурек, начиненный мясом).

Заслуживает внимания описание национальной одежды. У женщин это длинное платье из шелка *кетени* преимущественного красного цвета, из дорогой тонкой шелковой ткани *дараи* красно-фиолетового цвета (дараи — ткань из нитей двух цветов, вследствие чего выделка получалась красивого двухцветного шелкового отлива. — Б.Д.), из хлопчатобумажной ткани *алача*, халаты *дон* (на тонкой хлопчатобумажной подкладке), *ектай* (из тонкой ткани, без подкладки), тонкий узорный платок *тирме*, платок с бахромой *сечекли пота*, головные уборы *тахя* (вышитая шапочка) для девочек и девушек, *зерли тахя* (шапочка, вышитая золотыми нитками).

По поводу красного цвета в туркменской национальной одежде этнограф Г. П. Васильева отмечала: «...В туркменской одежде традиционным цветом был красный, причем не только в женской, где он преобладал, но и в праздничных летних мужских халатах (красных с черно-белыми полосками). Превалировал этот цвет и в ковровых изделиях. А красному цвету с древних времен приписывались магические свойства, способность давать человеку жизненные силы. Не случайно до сих пор в приданом невесты должны быть два-три платья из гырмызы кетени, т. е. шелковой ткани красного цвета» [8, с. 21]. Мужская одежда состояла из *меле дон* — серого или серо-песочного цвета халата, *юпекли (гырмызы) дон* — красного шелкового халата, *ассардаш дон* — халата на подкладке, упомянутого выше чекменя, *юпек койнек* — шелковой рубахи, *шемли гушак* — пояса, которым подпоясывался халат, *меси* — сапог из тонкой кожи, *тельпек* — высокая овчинная шапка мехом наружу.

В «Гёр-оглы» есть интересные сведения об интерьере туркменского жилища. В главе «Женитьба Гёр-оглы» описывается убранство комнаты: «О ком рассказ? — О Косе. Ударил он Боз-Думана плетью, прискакал раньше всех, стал убирать женскую половину — подмел, ковры, паласы расстелил, в нишах разложил румяные яблоки и запер помещение. Притащил сюда и низкий сундук, разложил на нем душистые розы» [Гёр-оглы, с. 445]. В археологических раскопках на городище Шехрислам в Южном Туркменистане были обнаружены остатки жилых домов, датируемые в XII-XIII вв., в стенах комнат которых были предусмотрены ниши. Предположительно, эти ниши служили для посуды и несли на себе, в том числе, и декоративную функцию [9, с. 145]. Также в жилых комнатах у стены строилось кирпичное возвышение примерно 30–35 см от пола, где можно было отдыхать, спать [9, с. 144]. О таком же глиняном возвышении *суна* для сидения или лежания, устраиваемого в саду или помещении, говорится и в «Гёр-оглы» [Гёр-оглы, с. 800].

В создании и сохранении эпоса «Гёр-оглы» исключительно велика роль туркменских музыкантов — *бахши*. К примеру, в варианте эпоса, записанного в 30-е годы XX в. от Пальвана — *бахши*, свыше четырех тысяч стихотворных строк песен. Не удивительно поэтому, что в эпосе много сведений о музыкальных инструментах. Это *дугар* (двухструнный щипковый музыкальный ин-

струмент), *гиджак* (струнный смычковый музыкальный инструмент), *баламан* (музыкальный инструмент типа свирели), *карнай* (духовой музыкальный инструмент; длинная медная труба), *сурнай* (духовой музыкальный инструмент), *аргулум* (музыкальный инструмент), *накыра* (типа литавр), *рубаб* (струнный смычковый музыкальный инструмент), *чингире* (струнно — щипковый музыкальный инструмент), *туйдук* (свирель).

«Гёр-оглы» может дать много материала для исследования духовной культуры туркмен. Так, показаны свадебные традиции, коллективный совет *генгеш* для решения важных вопросов, чаще всего связанных с отправлением сватов, устройством свадьбы и других торжеств, где подавались угощения собравшимся. Эта традиция у туркмен сохраняется и поныне. Также описывается отъезд девушки из своего дома в день свадьбы, в эпосе — невесты Гёр-оглы пери Агаюнус: «...захватила свои златотканые одежды, зеркала, гребешки, положила все это в суму, навьючила на Ховали — Гыра, села на коня и пустилась в путь вместе с Гёр-оглы» [Гёр-оглы, с. 443]. И в наши дни туркменская невеста, отправляясь в дом будущего мужа, берет с собой из отчего дома специально сшитый узорчатый мешочек в виде конверта — *букча* с зеркалом и расческой. Этот мешочек помещают поверх стопки новых платьев, платков и других нарядов, увязанных обязательно в белый цветастый платок. Далее описывается обряд соединения рук молодых, который выполняется до сих пор: «...девушки и молодки стали расходиться. Все ушли, а жена его дяди Генджима осталась. Она ведь тетка — вот и стоит, засучив рукава, как бы говоря: «Не уйду, пока не соединю их руки!» «Заходи же, милый мой деверь» — «взяла она за руку Гёр-оглы, подвела его к пери и прочно соединила их руки» [Гёр-оглы, с. 447]. Этнограф Н. Т. Лобачева отмечает, что жена старшего брата и девушки, и парня — *йенге*, играла большую роль во всех свадебных церемониях тюркоязычных народов центральноазиатского региона [10, с. 77].

Показаны в эпосе и детские игры, а также игры взрослых на свадьбах, праздниках, в дни больших торжеств: *альчики* (бабки, кости барана, козла; игра в эти кости), *алтын габак* (букв. «золотая тыква», спортивная игра — стрельба в золоченую тыкву), *поззам* (детская игра с папайхой), *чилик* (детская игра, напоминающая игру в «чижик»).

Литература:

1. Филиппова, Е. И. Художественная литература как источник для этнографического изучения города // Советская этнография. — 1986. — № 3–4. — с. 26–36.
2. Манкевич, И. А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. — 2007. — № 5. — с. 17–23.
3. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. — М.: Вост. лит., 204. — 462 с.
4. Гёр-оглы. Туркменский героический эпос. Вступит.статья Б. А. Каррыева. М: Глав.ред.вост.лит., 1983–805 с.
5. Горкут — ата: 1500. Ашгабат: Магарыф, 1999. 182 с.
6. Фазлаллах Рашид ад — дин. Огуз — наме. Пер. с пер. Р. М. Шукюровой. — М.: Дом Бируни, 1991. — 128 с.

В «Гёр-оглы» много пословиц и поговорок. Песни из эпоса исполнялись бахши преимущественно на свадьбах и других торжествах (*той*) при большом скоплении людей. Таким образом, духовные ценности народа передавались из поколения в поколение. «Видеть хорошее — отрада для глаз», «Мужчина честью, баран глоткой», «Не будет ума у праздного человека», «Старанию — хвала», «Не забудется одно добро и одно зло», «Игроку пристало признать проигрыш», «Выпущенная стрела не вернется», «Джигит у мастера учиться», «Пришедшему говори «проходи», но не говори «уходи», «Нет стыда в признанной ошибке» — эти и другие пословицы имели очень большое воспитательное значение.

В эпосе нашли отражения названия стран, городов и этнонимы, что свидетельствует об обширных связях туркмен с другими народами: Арабыстан (Аравия), Гермиян (название местности в Турции), Гурджистан (Грузия), Даманган (Дамган, город в Иране), Истамбул (Стамбул), Испихан (Исфаган, город в Иране), Кербела (город в Ираке), Керман (город в Иране), Мекка, Медина (города в Саудовской Аравии), море Омана (Оманский залив), Мосул (город на севере Ирака), Рум (Византия, земли Малой Азии), Тебриз (город в Южном Азербайджане), Ференгистан (страна франков, европейцев; часто под этим словом подразумевается Европа), Халап (Алеппо, город в Сирии), Хинд (Индия), Хиры, Хырат (Герат в Афганистане), Ширван (местность в Азербайджане), этнонимы арап (арабы), дагыстан (дагестанцы), азербайжан (азербайджанцы), гурджи (грузины), ногай (ногайцы) и др.

Таким образом, эпос «Гёр-оглы» является подробным, этнографически наполненным источником по материально — духовной культуре туркмен. В нем нашли отражение сведения по истории, государственному строю, международным отношениям, а также хозяйству, занятиям и ремеслам, жилищу, одежде, пище, семейным отношениям, традициям и обрядам туркмен. На материале «Гёр-оглы» можно наглядно увидеть, что в качестве этнографического источника эпос любого народа представляет исследователю серьезный фактический материал. Если при этом сопоставить археологические, лингвистические и другие материалы, а также максимально приблизительно определить датировку произведения, то такие исследования имеют широкую и актуальную научную перспективу.

7. Гундогдыев, О. Прошлое туркмен. — М: Интерстамо, 1998. — 625 с.
8. Васильева, Г. П. Магическая роль украшений и некоторых видов одежды в представлениях туркмен // Среднеазиатский этнографический сборник. Выпуск 5. — М.: Наука, 2006. — с. 20–32.
9. Атагарриев, Е. Отголоски древности (на туркм. яз). — А., 1989. — 166 с.
10. Лобачева, Н. П. Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатско-Казахстанского региона (по материалам середины XX века) // Среднеазиатский этнографический сборник. Выпуск 5. — М.: Наука, 2006. — с. 47–94.

Вера в магию и духов у индейцев Северной Америки

Попов Максим Евгеньевич, студент
Горно-Алтайский государственный университет

Война была неотъемлемой частью существования индейцев Северной Америки, она пропитывала все стороны их жизни от рождения до смерти, потому как тесно соприкасалась с их мировосприятием. Не изучая военную концепцию североамериканских индейцев, с учётом связанных с ней духовных установок, невозможно сколь-либо успешно разобраться в причинах бесконечных военных столкновений на территории Великих равнин.

Ключевые слова: война, индейцы, военная магия, амулеты.

В настоящее время самобытная культура большинства индейских племен совершенно исчезла, от большинства племён, находящихся в резервации, либо изгнанных со своих родных земель сохранились лишь небольшие группы. Тем не менее, старшее поколение индейцев до сих пор сохраняют некоторые верования, особенный интерес представляют верования, связанные с войной, поскольку напрямую отражают всю военную концепцию индейца Северной Америки. Сведения о религиозных верованиях и верованиях, связанных с войной у североамериканских индейцев очень обильны: от сообщений ранних путешественников и миссионеров-иезуитов XVII–XVIII вв. до систематических исследований этнографов второй половины XIX в. и XX в. Из последних выделяются работы Льюиса Генри Моргана и этнографов школы Франца Боаса — Александра Гольденвейзера, Роберта Лоуи, Поля Радина, Альфреда Кребера, Дж. Суонтона, Лесли Уайта и др.

Немецкие миссионеры, долго прожив в Новой Гвинее, сообщают: «Ничего никогда не предпринимается без применения колдовства: колдовство, связанное с войной, охотой ... обменами, громом, молнией, женщинами, танцами... колдовство, чтобы победить колдовство и т. п». [1, с. 250]. В полной мере эти слова характеризуют и жизнь североамериканских индейцев.

Вера в магию характерна для многих народов. Но у индейцев вера в магию была тесно связана, прежде всего, с войной. Данная связь была краеугольным камнем их военной концепции. Изучение данной связи как важнейшей составляющей мировосприятия североамериканских индейцев позволяет разобраться в причинах бесконечных военных столкновений на территории Великих Равнин,

а также понять причины поражения многочисленных индейских племен в войнах с европейцами.

Магические ритуалы, изготовление амулетов, посты, ритуальные пляски и заклинания являлись важными составляющими военной жизни индейцев Северной Америки. Перед выходом в поход в лагере царил настоящее буйство ритуалов. «Война для нас — это торжественный религиозный обряд», — сообщает Джеронимо [2]. Сиу считали, что воину, которому удалось первым коснуться священного места во время пляски солнца, суждено выходить живым и невредимым из всех битв, в которых он примет участие в течение года.

Как правило магические действия, направленные на получение поддержки духа-покровителя совершались в индивидуальном порядке. У каждого члена племени были свои личные отношения с миром сверхъестественного. У каждого индейца был свой личный дух-покровитель, который приобретался во время видений. Для достижения видения, юноша долго постился в одиночестве, потел в паровой бане, принимал наркотические средства. В полубоморочном состоянии или в нервном возбуждении он мог принять увиденное им животное или иной предмет за видение. Именно так индеец достигал той стадии, когда осознавал поддержку высших сил. Данное обстоятельство, безусловно, придавало уверенность и бесстрашие индейским войнам на поле боя.

Некоторые воины, стремясь добиться особой неуязвимости, соблюдали длительные магические посты. К примеру, Римский Нос из племени шайенов четыре дня лежал на плоту среди озера без еды и питья, молясь великому шаману и духам воды. По возвращении в лагерь шаман сделал ему боевое оперение, которое было настолько велико, что

достигало земли, когда Римский Нос садился на коня. Этот воин был убеждён, что всякое прикосновение металла (на пример вилки) к его пище разрушало магию [3, с. 120].

Среди этнографов-индеанистов существует мнение, что главным мотивом религиозных действий индейца было стремление разжалобить сверхъестественные силы, то есть сделать себя достойным их сострадания. Справедливость такого рода мнения поддерживает наличие данных, имеющихся в мемуарах, где упоминаются различные посты, молитвенные обращения и самоистязания.

«Тот, кто должен был командовать, — вторит Шерлевуа, — и не думает поднять своих воинов в поход, пока не поголодает несколько дней. В течение этого времени он ходит будучи вымазанным черным, почти ни с кем не разговаривает, круглые сутки призывает своего духа-покровителя и внимательно следит за сновидениями» [1, с. 264].

Оружие, в понимании индейцев, было действительно не потому, что сделано качественно и находится в умелых руках, а потому, что обладает некой магической силой, полученной благодаря сложным ритуалам. Так изготовить щит мог лишь сильный шаман, либо его хозяин, получивший необходимые для этого указания во сне либо в видении. Но даже великому шаману из племени шайенов не разрешалось делать больше четырех щитов. Чтобы магическая сила щитов не исчерпалась раньше времени, воины снимали с них покрытие из перьев непосредственно перед сражением [4, с. 252].

Во второй половине XIX века, когда противник был оснащен новыми скорострельными ружьями, функцией щитов осталась лишь их магическая защита. Поскольку щиты были тяжелыми, громоздкими и мешали в рукопашной схватке, индейцы в это время стали брать в поход только покрывку щита, его уменьшенную копию, либо лишь украшение щита. Малую эффективность щита с распространением огнестрельного оружия индейцы объясняли магической силой ружей, а не новыми прогрессивными технологиями [5, с. 97].

Военные действия сопровождалась условностями, которые современному человеку с европейским складом ума могут показаться, по меньшей мере, излишними. Молодые воины из племени апачей в течение первых четырех походов должны были выучить священные слова, относящиеся к военным действиям: обычные слова теряли свою силу, когда племя вступало на тропу войны. Перед тяжёлым сражением они собирались на молитву, на которой призывали небо даровать им силу и ловкость, защитить от засад и вражеских уловок.

У индейцев крик «во главе выступавших из города военных отрядов всегда находился человек, доказавший свою храбрость и отличавшийся ловкостью. Другой, которого называли хобайя (прорицатель), сопровождал эти набег. Это был знаток заклинаний и магических действий, которыми они мог ослабить врага и лишить зрения его воинов. Он также умел предсказывать события и определять, закончится ли рейд или охотничья экспедиция успехом или нет» [1, с. 263].

Военные походы и сражения сопровождалась трудно объяснимыми европейцу ритуалами. Леви-Брюль Л. приводит примечательный пример, характеризующий разительное отличие индейской войны от войны европейской, слепую веру индейцев в неведомые силы, способные привести их к победе. Крик, готовясь к походу на черноногих, прибегли «ко всевозможному фокусничанью и колдовству», обеспечивающие, по их мнению, успех экспедиции. Во главе войска они ставили не умелого и опытного воина, а молодую девушку с завязанными глазами, которая и исполняет обязанности проводника. Поход был трудным: в один день девушка вела отряд в восемьсот человек на север, на другой день — на юг или на запад. Но эти метания для индейцев мало что значили — они считали, что ее направляют маниту войны, и крик день за днем шагали за слепой индианкой. В случае успеха героиня становилась женой самого доблестного воина [1, с. 264].

Примечательно, что подобная практика встречается и у африканского племени боротсе. Лагерь для ночевки индейцы крик устраивали задолго до захода солнца и перед лагерем оставляли большое пространство, обнесенное частоколом, на котором крепили маниту (фетиши), обращенные в ту сторону, куда они собирались идти утром. В течение часа к ним зывали, после чего, заручившись поддержкой духов, спокойно ложились спать под их защитой [1, с. 264–265].

Огромную роль индейцы отводили амулетам. Они были уверены, что удача либо гибель воина в сражении связаны не с его личными качествами, а объясняются силой или слабостью его амулетов, через которые действуют духи покровители. Согласно воспоминаниям Красного пера, знаменитый воин Неистовый конь из племени сиу во время военных походов носил маленький белый камень с отверстием посередине, нанизанный на кожаную нить. Он перебрасывал этот амулет через плечо и благодаря этому был неуязвим в бою [6]. Смерть или ранение обладателя амулета объяснялись их слабостью, неэффективностью, наличием более мощного амулета, а значит и духа-покровителя у противника.

Война и магия были для индейцев неотделимы. Подтверждением данной связи служит, наличие предваряющих поход церемоний, вера в магическую силу оружия и ритуалы, которые сопровождали военные походы. Безусловно, подобные «фокусы и ритуалы», скорее вредили, чем приносили успех. В любой схватке индеец, в первую очередь, стремился продемонстрировать свою отвагу и силу своих амулетов, что очень часто шло в разрез со стратегическими замыслами племени и могло привести к большим потерям среди сородичей. Но не стоит забывать, что индейцы, как и многие народы, относящиеся к традиционным обществам, безгранично верили в магические свойства амулетов, силу ритуалов, постов и поддержку духов-покровителей. Все эти аспекты мировосприятия сильно отличали индейские войны от войн европейских и оказали решающее воздействие на исход столкновения двух цивилизаций.

Литература:

1. Леви-Брюль, Л. Первобытный менталитет / Люсьен Леви-Брюль; пер. с фр. Е. Кальщикова. — СПб.: Европейский дом, 2002. — 400 с.
2. Жизнеописание Джеронимо [электронный ресурс]. URL: <http://www.mesoamerica.ru> (дата обращения 29.08.15).
3. Браун, Д. Схороните моё сердце у Вундед-Ни / Ди Браун. — М.: Прогресс, 1984. — 388 с.
4. Уайт, Д. М. Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура / Д. М. Уайт. — М.: Центрополиграф, 2006. — 252 с.
5. Стукалин, Ю. Хороший день для смерти / Стукалин Ю. — М.: Гелиос, 2005. — 384 с.
6. Воспоминания современников о жизни Неистой лошади [электронный ресурс]. URL: <http://www.mesoamerica.ru> (дата обращения 29.08.15).

Кавказская кухня. Лэкьюм

Райкина Екатерина Николаевна, студент
Кубанский государственный университет

В данной статье будут выдвинуты гипотезы появления такого блюда на Кавказе как Лакумы. Также рассмотрен рецепт и способ приготовления. Вся статья построена на собственных полевых исследованиях.

Ключевые слова: Кавказ, Османская империя, Лакум, кавказская кухня, традиции на Кавказе.

Наша работа практически полностью состоит из собственных наблюдений. Полевые исследования были проведены в период — май 2015 года — 17 марта 2016 года в городе Нальчике, Кабардино-Балкарской Республике.

Основными респондентами выступили Созаева Жансурат Магомедовна, Мурапиева Роза Султановна, Птшихачева Венера Башировна, за что мы приносим им большую благодарность.

Вид изучения — стационарное полевое исследование. Использованный метод — интервьюирование.

Кавказская кухня отличается большим содержанием мясных блюд, молочных продуктов, изделий из теста. Еще с древних времен были известны пшеница, просо, ячмень. Изготавливали обычно кашу — пасту из муки, использовали вместо хлеба. Распространена была животная пища, в основном в холодное время и при тяжелых работах: пахота,

Рис. 1. Созаева
Жансурат Магомедовна

Рис. 2. Мурапиева
Роза Султановна

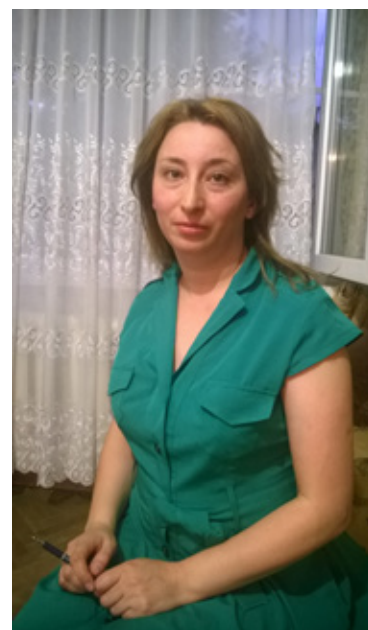

Рис. 3. Птшихачева
Венера Башировна

сбор урожая. Также готовили в тандыре (земляная печка) тонкие лепешки, которые служили тарелкой, ложкой и едой. Молочные продукты имели большое распространение, создавались разнообразные виды блюд из них: супы, варили муку в молоке, а также пекли пироги. В основном, предпочтения в еде зависели от хозяйственной деятельности.

Лакум (каб. — лэкъум, бал. — лукум) — национальное блюдо адыгской кухни; аналог в русской кухне — пышки или свадебные шишки; обычно готовятся на праздники или на похороны: от этого зависит форма лакумов: кабардинцы на праздники готовят квадратные, на похороны — круглые, которые символизируют зонтики для умерших людей, балкарцы — квадратные и ромбовидной формы.

Готовить их могут и в повседневной жизни, о чем рассказывает респондент Созаева Жансурат Магомедовна. Она говорит, что лакумы готовит почти каждую неделю, так как детям они очень нравятся. В прошлом, когда она была сама маленькая, ее мать делала лакумы, отдавала отцу, когда тот надолго уходил в поле. Они не пропадают неделю, так как обжарены в масле. Если их нанизать на палку и подставить над костром, то они становятся как новые, словно только приготовленные.

Скорее всего, данное блюдо, сперва, появилось у балкарского народа, а потом его переняли кабардинцы, проживающие в Кабардино — Балкарской Республике, однако оно давно стало неотъемлемой частью кавказской кухни, поэтому точно сказать чье первенство в создании лакумов нельзя.

В связи с тем, что литературы о данном блюде мы не нашли, то выдвинули несколько теорий появления лакумов на Кавказе:

1. Влияние Турции.

Лакум, или как его называют балкарцы Лукум, с турецкого языка переводится как «удобные кусочки». А так как балкарский язык относится к Алтайской языковой семье, тюркской группе, кыпчакской подгруппе, можно предположить, что название блюда имеет тюркские корни. Также под данным термином понимается сладость из сахара или муки. В действительности, они выглядят, как кусочки, особенно те, что квадратной или ромбовидной формы, и готовят их, добавляя большое количество сахара. Если принять во внимание, что Кавказ являлся зоной интереса России и Турции, был под влиянием со стороны этих стран, а также входил в одно время в состав Османской империи, то возможно предположить, что какую — либо традицию могли народы перенять. По словам моего респондента, Мурапиевой Розы Султановны, лакумы появились еще в период язычества на Кавказе. Если учесть, что на Кавказе принятие Ислама проходило в период 8 века, то 8–10 век можно считать период появления лакумов, когда происходили арабские завоевания в данном регионе.

2. Влияние кочевых племен.

Птшихачева Винара Башировна рассказала о том, что в Японии готовят точно такие же булочки, как кабардинцы. Можно, конечно, предположить, что на Кавказ могли принести данное блюдо кочевые народы, но под собой довод не имеет никаких оснований и не сможет выдержать никакой критики: круглые булочки у японцев на Новый год, а у кабардинцев на похороны.

Лакумы играют важную роль в культуре народов Кавказа. Девушкам говорят: «Не умеешь делать лакумы — замуж не выходи» «Лэкъум пхуэмыщым —

Рис. 4. Раскатывание лакумов

Рис. 5. Правильная толщина лакумов

удэмыкIуэ» (каб.) Рецептов существует масса: сколько семей, столько и способов приготовления.

Рецепт: на 1 литр мин. воды: 2 взбитых яйца, 1 ст. л. погашенной соды, 1 ст. л. соли, 1 ст. л. сахара (кто любит сладкие — 3–4 ложки), 1 ч. л. дрожжей, 0,5 л. молока, мука.

Приготовление теста. К моменту нашего прихода тесто было готово, но респондент Винара Башировна поделилась с нами способом его приготовления.

Смешав все ингредиенты, тесто надо положить в теплое место, чтобы подошло. Раньше, когда не было

дрожжей, тесто клали в пакет и в бочку с водой, оно само доходило, а некоторые, наоборот, убирали в тепло и оно не пропадало.

Затем тесто раскатывают и в зависимости от причины приготовления лакумов, придают им либо квадратную, либо круглую форму. Первые легче жарить.

Лакумы должны быть тонкие, бывают и толстые, в зависимости от предпочтений. Нарезав и придав форму, необходимо тесто раскатать. Часто жарят вдвоем: один раскатывает, другой жарит, однако мой респондент была одна.

Рис. 6. Вид чугунного казана

Приготовление лакумов. После того, как лакумы стали тонкими, необходимо разогреть масло в чугунном казане: он создает вакуум, который наполняет воздухом тесто, поэтому готовить на сковороде нельзя.

Если тесто не встает в масле, по нему стучат. Раньше говорили при этом: «Да что же ты спишь? Давай вставай!» *«Тхээ умыжерэ? Къэтэдж!» (каб.)*

Лакумы должны быть без дефектов (бывает, если тесто долго лежало на воздухе), иначе масло проникнет внутрь и тесто не поднимется.

Быстро переворачиваем, они готовятся не долго, и не должны быть сухими, затем выкладывают на решетку, чтобы стекло лишнее масло.

Впоследствии раздают соседям, раскладывая по тарелкам и докладывая разные конфеты. Количество: по одному на каждого человека.

Традиция приготовления лакумов повлияла на создание фильма по мотивам рассказа О.Генри «Пиминентские блинчики» — «Лакумы по-Чегемски».

Рис. 7. Приготовление лакумов

Таким образом, можно предположить, что лакумы появились на Кавказе в период с 8—10 век. Их могли перенять у тюркских народов, и тогда написание первоначального названия могло выглядеть так: лѣкъум, пе-

редавая мягкость балкарского языка. Мы смогли лишь предположить, откуда появилось данное блюдо на Кавказе, однако останавливаться в своих исследованиях не намерены.

Институт ханской власти в традиционном обществе казахов (историография проблемы)

Тленшина Гульзада Мукашевна, кандидат исторических наук, доцент;

Паршин Иван Александрович, студент

Кокшетауский государственный университет имени Ш.Уалиханова (Казахстан)

Я — патриот каждого обиженного народа.

Мое кредо — возвысить степь, не унижая горы.

Олжас Сулейменов

Прозвучавшие на форуме «Селигер-2014» слова Владимира Путина об отсутствии у казахов государственности были неоднозначно восприняты в Казахстане и вызвали бурную дискуссию [1].

Ответом на это высказывание можно считать заявление президента Н.Назарбаева о том, что «казахской государственности исполняется 550 лет». Такое заявление президент Казахстана сделал во время своей встречи с активом города Астаны 22 октября 2014 г.: «В 1465 году Жанибек и Керей создали первое ханство. История государственности казахов пришла с тех времен. Конечно, в современном смысле этого слова, с авторитетом во всем мире и с такой известностью, оно, возможно, и не было государством. Однако те же слова можно сказать по поводу других государств того времени. Очень важным является тот фактор, что в то время была заложена основа. Мы должны продолжать великие начинания наших предков» [2].

Осенью 2015 г. республика всенародно и широко отметила 550-летие со дня основания Кереем и Жанибеком Казахского ханства. Празднование стало событием большого значения для всех казахстанцев. Как сказал Глава государства, «этот праздник — дань памяти казахским батырам, защищавшим родную землю». Признавая это, мы все же считаем, что должны возвеличивать свою историю глубокими научными исследованиями. Праздник не должен вводиться в пику кому-то, а как восстановление упущенного, как логическая потребность осознания нами великого прошлого.

Казахское ханство имеет богатую предысторию. Оно является наследником более десятка государств и двух империй — древнетюркского и Еке Монгол улуса. На протяжении двух тысячелетий, начиная от эпохи саков кончая Золотой Ордой, народы этих государств оказывали активное влияние на мировое историческое движение.

Согласно сочинению восточнотуркестанского историка Мирзы (Мухаммада) Хайдара Дуглата (1500—1551) «Та-

рих-и Рашиди», Казахское ханство было образовано в 870 г. хиджры, 1465/1466 г.

Приведем это сообщение полностью: «В то время в Дешт-и Кыпчаке властвовал Абулхайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Жанибек-хан и Кирей-хан бежали от него в Могулистан. Есен-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Могустана. В то время как благоденствовали там, Узбекский улус после смерти Абулхайра-хана пришел в расстройство; в нем началась большая неурядица. Большая часть его подданных откочевала к Кирей-хану и Жаныбек-хану, так что число собравшихся около них людей достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название узбеки-казахи. Начало правления казахских султанов — с восьмисот семидесятого года, а Аллах лучше знает» [3]. Новая династия потомков Урус-хана находилась у власти в течение более 350 лет — с 1465 по 1822 г., вплоть до момента законодательной отмены ханской власти российским самодержавием в Среднем жузе.

Н. Я. Бичурин, ссылаясь на данные китайской летописи Гунь Му, утверждает, что должность «хан» в систему государственной власти в истории степных кочевников ввели племена тоба, и она была равноценна должности шаньюй у хуннов [4]. А жужани (жуань-жуани) с целью показать превосходство над правителями хуннов и сяньби-тоба называли своего верховного правителя «каганом» или «ханом всех ханов» [5]. Первый тюркский хан Бумын, чтобы превосходить всех, в 552 г. объявил себя великим каганом [6].

Институт ханской власти кочевниками-казахами был унаследован от предшествующих институтов власти, сформировавшихся у кочевников Могулистана и Восточного Дешт-и Кыпчака, и опирался на сложившуюся в традиционном кочевом обществе систему социальных отношений. Эта система основывалась на многовековой

традиции дифференциации кочевников региона на две основные социально-статусные группы — ак-суйек («белая кость») и кара-суйек («черная кость»). К ак-суйек относились только Чингизиды, которые назывались султанами, и ходжи, которые считались потомками сподвижников пророка Мухаммада. Все остальные группы и прослойки общества составляли кара-суйек. Вот что писал об этом Ш.Уалиханов: «Калмыки и киргиз [-кайсаки] по происхождению разделяются на белую и черную кость. У калмыков и киргизов владельцы (белая кость) и народ (черная кость) по происхождению принадлежат к двум различным началам. К белой кости принадлежат ... султаны — потомки Чингиз-хана (у киргизов); по мнению народа, [они] происходят от солнечного света и, следовательно, благодаря их абсолютной сверхъестественности, божественному прохождению, пользуются властью и уважением.

[У киргизов] народ и бии, родовые их старейшины, как происходящие от смертного человека, составляют черную кость» [7].

Султаны-чингизиды составляли высшее сословие социальной иерархии — ак-суйек (белая кость). Казахские султаны вели свое происхождение от старшей линии потомков Чингиз-хана (джучидов), что находит прямое подтверждение в письменных генеалогических материалах среднеазиатских хронистов-историков и казахских авторов XVI — середины XIX в. [8].

Знатное происхождение торе (султанов) признавалось не только внутри казахского общества, но и среди многих других тюркоязычных народов Евразии, куда их неоднократно приглашали на ханский престол [9].

Указанная система ценностных ориентаций была порождена, по мнению известного казахстанского востоковеда В. П. Юдина, господством идеологии «чингизизма» — всеобщей универсальной модели идеального порядка, созданной Чингиз-ханом и его потомками. «Чингизизм, — писал В. П. Юдин, — освятил право рода Чингиз-хана на верховную власть. Это выразилось в том, что титул «хан» стал исключительной прерогативой чингизидов. Попытка присвоить ханский титул нечингизидом в сознании тюрко-монгольских и других народов отражалась как противоправная и даже аморальная» [10].

Привилегированное положение торе было юридически закреплено в нормах обычного права казахов — «адат». Каждый из султанов имел право возглавлять какую-либо группу клановых подразделений кочевников (эль, улус), а также иметь в своем распоряжении определенную пастбищную территорию (юрт) [11]. За оскорбление султана словами полагался штраф в размере 26 голов скота, а за его убийство — выплата материальной компенсации — куна, равного куну за убийство семи рядовых кочевников «черной кости» [12].

Сословие торе играло огромную роль в социальной, политической и военной жизни казахов. Принадлежность к сословию султанов по праву рождения означала фактическую принадлежность индивидов к господствующему классу и давала ему исключительное право осуществ-

лять регулирование и регламентацию общественных отношений. Султаны имели право осуществлять общее государственное управление, местное управление, улусно-вотчинное управление. Вполне закономерно, что именно из этой привилегированной прослойки тюркоязычных номадов казахское население избирало своих верховных правителей-ханов.

В настоящее время достаточно проработаны вопросы развития традиционных институтов власти в истории Казахстана ханского периода [13]. Имеется ряд интересных работ, рассматривающих в том числе и имперские органы власти в Казахстане [14].

Во втором разделе классического труда С. Г. Кляшторного и Т. И. Султанова [15] освещаются вопросы внутренней истории Казахского ханства XV-XVIII вв., в том числе законы хана Тауке, хозяйство и быт, социальная стратификация общества. Авторы показывают, что казахское общество ханского периода представляло собой иерархически организованную социальную структуру сословных групп и прослоек, находившихся между собой в тесных и неоднозначных связях. Вершину всей социальной иерархии представляло лицо, облеченное титулом хана.

В книге показан механизм передачи и наследования ханской власти у казахов. Согласно обычаю преимущественное право на ханское достоинство имел старший в роде, так, дядя, брат, хана считался старше своих племянников, сыновей хана. Но этот обычай часто нарушался. В действительности, верховная власть переходила от отца к сыну. Но и этот порядок не всегда столь строго соблюдался. Из-за отсутствия строго фиксированных правил о порядке престолонаследия частым явлением была борьба за верховную власть между несколькими султанами, что было причиной смутных времен.

Определены основные права и функции ханской власти:

1. Хан как глава царствующего рода и верховный сюзерен всех казахских племен имел верховное право распоряжаться всей территорией ханства, право, которое было следствием его основной функции — вооруженная охрана страны от внешних врагов.

2. Хану принадлежало право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного руководителя войск.

3. Хану принадлежало верховное право ведения переговоров с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства.

4. Хану принадлежало право убить или помиловать своего подчиненного — право, бывшее следствием его функции верховного судьи.

5. Наконец, хану принадлежало право издавать законы и обязательные для всех членов общества указы — право, бывшее следствием его функции сохранять существующее общественное устройство и порядок.

На основе анализа и сопоставления письменных источников, авторы делают вывод, что власть степного хана не

соответствовала европейскому представлению о правителе. Эта власть лишь в редких случаях достигала той полноты, которая не допускает разделения ее с другими политическими силами внутри государства. Таким редким случаем авторы называют период правления Касым-хана (ум. в 1518 году).

Глубокий анализ природы, структуры и особенностей властных институтов Казахского ханства дан в трудах известного исследователя дореволюционной отечественной истории И. В. Ерофеевой [16].

Характерной чертой функционирования института ханской власти И. В. Ерофеева считает особый тип вертикальных связей между разными субъектами властных отношений: «В условиях обширности ареала кочевания, своеобразной деспотии географического пространства региона..., неразвитости у кочевников институциональных структур политического управления, механизм властного доминирования в кочевом социуме не мог реально функционировать по классической формуле «господство-подчинение», а действовал по принципу патронатно-клиентных отношений» [17]. Основу данной системы автор видит в принципе фактического неравенства возможностей взаимодействующих сторон и их взаимной заинтересованности в обмене ресурсами и услугами.

На основе анализа письменных источников XIX в. И. В. Ерофеева делает вывод о непрочности социального статуса ханов и султанов в системе традиционных властных отношений у кочевников. Исследователь отмечает персонифицированную форму связей между разными структурами политической системы их в некотором роде свободный и необязательный характер. Вследствие этого относительная стабильность высших структур политической власти у казахов определялась степенью согласованности потребностей хана-патрона с интересами влиятельных персон (султанов, старшин, биев, батыров). При попытках верховного правителя изменить этот баланс интересов с целью повышения статуса хана в кочевом обществе казахов усиливались сепаратистские тенденции и затем происходило очередное рассеивание власти.

«Летописец казахского ханства» И. В. Ерофеева показала уникальность института ханской власти: «Политическая система кочевников (а значит, и государство) намного отличалась от классического понимания, которое было принято у нас еще со времен Маркса-Энгельса. Поэтому спор на тему: «Было ли у казахов государство?» — я считаю ненаучным. Разумеется, государство было, только устройство его нельзя сравнивать с европейским. Здесь уместно вспомнить термин «Деспотия пространства», который ввел в оборот выдающийся исследователь кочевников Нурболат Эдигеевич Масанов. Что это такое? Это совокупность многих факторов: огромные территории, небольшая плотность и рассеянность населения, аридный климат, отсутствие длительных и прочных поселений и так далее.

Разумеется, в этих условиях управлять государством так, как было принято в городах или небольших государ-

ствах, невозможно. Представим себе территорию Казахстана в средние века. Хан, скажем, находится в Туркестане, на юге страны. Как он может довести до своего подчиненного (который находится на севере, на другом конце Степи) свою монаршую волю, а за непослушание наказать? Ведь городов в степи не было, тюрем тоже, а кроме того, не было отрядов людей, которые исполняли бы только полицейские функции. Так что отношения в казахском обществе носили патронатно-клиентный характер. Говоря иначе — обмен ресурсами и услугами. Такой уклад и был в основании политического мировоззрения кочевников. Поэтому и форма государственной власти у кочевников сложилась своя, совершенно уникальная. По типу правления это была, в общем-то, монархия с верховным правителем во главе. Но монархия здесь была достаточно условной, потому что ханов было несколько. Параллельно народом управляло от трех до десяти человек, имевших монархический титул» [18].

Научно-исследовательская группа Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова провела исследовательскую работу в рамках проекта «Историческая преемственность в развитии государственности на территории Казахстана в древности и средневековье». В ходе исследования в научный оборот были введены новые источники, написанные на китайском, монгольском, тунгусском, персидском языках. Итогом исследования стала коллективная монография [19].

На основе данных источников авторы монографии показали традиционность и преемственность политических институтов, представленных государствами древности или средневековья, существовавших на территории Казахстана и сопредельных с ним областях Центральной Азии.

Самым главным элементом древней и средневековой государственной структуры кочевников представлена ханская власть. Система ханской власти состояла из семи ступеней: жузами правили младшие ханы, улусами — султаны, племенами — бии, родами — главы родов, аймаками — аксакалы, аулами — их главы. При объединении трех жузов главенствовал старший хан, который единолично руководил страной, обладал военно-административной и третейско-судебной властью. Церемония избрания хана у казахов схожа с традициями тюрков и монголов. Наличие тюркских элементов в казахской государственности объясняется тюркским происхождением казахов, а сохранение компонентов системы монгольского улуса — избранием казахских ханов по наследственности из династии Чингизидов [20].

В монографии отмечено отсутствие строго регламентированного принципа престолонаследия в Казахстане. В государстве сосуществовали и боролись две тенденции престолонаследия: родовая и династийная. Согласно первой преимущественное право быть избранным ханом имел старший в роду Чингизидов. Эта тенденция считалась традиционной. Однако в истории Казахского ханства известно немало случаев, когда верховным правителем становился не самый старший в роду, а сын прежнего правителя.

Авторы показали особенности ханской власти. Хан был верховным правителем и первым лицом в государстве, главным политическим, судебным и военным руководителем. Теоретически хан обладал неограниченной властью, но в действительности прочность его власти от внутреннего и внешнего положения государства. Это четко показывает история правления казахских ханов Бурундука и Тахира. Положение правителей, прочность их власти основывалась на ресурсах их личных владений, в которые входили земли, люди и скот. Также имели свои владения его ближайшие родственники — султаны. Именно они гласно и негласно ограничивали его власть. Тем не менее, во многом авторитет ханской власти зависел от личных качеств хана, его способностей на политическом и военном поприще.

Указаны внешние атрибуты ханской власти — чтение хутбы, специальной молитвы за царствующего повелителя, и чеканка ханом монет.

На основе немногочисленных сведений источников освещена фискальная политика Казахского ханства. Налоговая система для кочевой части населения определялась натуральными видами поставок и взаимных расчетов, а также основывалась на отработочных рентах.

В книге дана характеристика политико-правовых институтов, отмечены законодательные инициативы казахских ханов: законы ханов Касыма, Есима и Тауке.

Авторы коллективной монографии делают вывод, что по характеру Казахское ханство является продолжением древней тюркской государственности, дополненной монгольской улусной государственностью.

Подводя итог краткому историографическому обзору по проблеме института ханской власти, мы пришли к следующим выводам.

Вопросы формирования, эволюции и сущности института ханской власти в Казахстане активно изучаются в отечественной и российской историографии. В полном соответствии с учением о государстве в современной политологии исследователи изучают главные компоненты института ханской власти: систему ее органов и учреждений, систему признанных большинством народа законов, налоговую политику, чеканку монет, роль городов и т. д. [21].

Несмотря на некоторые различия в трактовке отдельных вопросов проблемы, вышеназванные авторы сделали схожие выводы.

Казахское государство появилось не в один момент и не на пустом месте. Оно является усовершенствованным видом государства в казахской степи, созданным путем реформации и трансформации древнетюркских и монгольских улусных систем. Самым главным элементом государственной структуры кочевников является ханская власть. Основными функциями ханской власти в Казахстане являлись координация внеэкономических отношений, регулирование системы землепользования, разрешение межродовых противоречий, военно-политическая и судебная деятельность. Главными функциями ханской власти были вооруженная защита населения и организация военных

набегов в сопредельные регионы. В этой ситуации хану по традиции принадлежали роли верховного командующего казахскими военными дружинами, а также право объявления войны, заключения мира, ведения переговоров с соседями и т. д.

Говоря об исключительных правах и полномочиях хана по отношению к подданным, необходимо отметить, что осуществлявшаяся ими регламентация системы кочевания, судебный арбитраж и контроль имели в целом ограниченный потенциал проникновения в структуру общественных отношений кочевников в силу рассредоточенности последних по географическому пространству региона. Отсюда распределительные, контрольные и судебные функции политической системы кочевников фактически рассеивались между разными субъектами властных отношений (султанами, старшинами, биями и батырами), в результате чего вся структура власти в кочевом обществе носила поверхностный, лабильный и дискретный характер [22].

Тотальный контроль верховных правителей кочевников над территорией Казахского ханства фактически отсутствовал, а власть казахских ханов над зависимыми родоплеменными группами кочевников также отличалась определенной сезонной изменчивостью.

В немалой степени слабость верховной власти и ограниченность мобилизационного потенциала казахских ханов обуславливались отсутствием в кочевом обществе сколько-нибудь развитых институтов политического управления и принуждения: налоговой системы, регулярной армии, городов внутри степей, чиновничества и принудительно-карательного аппарата.

Интеграционные возможности казахских ханов были локальными во времени и социально-территориальном пространстве Казахского ханства и в целом не увенчались успехами в укреплении властной вертикали. Иными словами, концентрация властных полномочий на уровне верховной власти имела у казахов во времени дискретный, пульсирующий и обратимый характер, а потому ханская власть выступала в социально-политической жизни кочевников как переменная величина.

Несмотря на значимые результаты научных изысканий ученых-историков, следует признать наличие «белых пятен» в изучении темы. Многие стороны внутренней жизни населения Казахского ханства остаются неисследованными, например, воспитание и образование султанов, фискальная политика Казахского ханства, роль женщины как политической фигуры в социокультурной системе меж- и внутригосударственных отношений. Для изучения этих вопросов необходимо введение в научный оборот новых источников, которые ждут своих исследователей в отечественных и зарубежных архивах. Одним из таких источников является казахский фольклор.

Введение новых источников позволит в дальнейшем более системно и адекватно осветить политический строй Казахского ханства.

Литература:

1. <http://www.altyn-orda.kz/vladimir-putin-u-kazaxov-ne-bylo-gosudarstvennosti/>.
2. <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/kazakhstan/entry1008231993.html>.
3. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата, 1969 (Далее МИКХ). — с. 314–318.
4. Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших Средней Азии в древние времена. — Алматы, 1998. — с. 179.
5. Там же.
6. Цзэнь Чжунъянь. Туцзюэ цзи ши (Сборник материалов по истории тюрков). — Пекин, 1958. — с. 500. — Цит. по: Ю. А. Зуев. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 338 с. — с. 290.
7. Валиханов, Ч. Ч. Собр.соч. в пяти томах. — Алма-Ата: Том II. 1985. — с. 39.
8. Әбілғазы. Түрік шежіресі. — Алматы: Ана тілі, 1992. — с. 114; Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVIII вв.: Вопросы этнической и социальной истории. М., 1982. — с. 111–121; История Казахстана: народы и культуры: Учебное пособие / Масанов Н. Э. и др. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 608 с. — с. 118.
9. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. М.; Л., 1936. — с. 215–216; Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). — Алма-Ата, 1969. — с. 435–474; Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII-XIX вв.: к истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами. — Ташкент, 1968. — с. 25–34.
10. Юдин, В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая и Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI-XVIII вв. — Алма-Ата, 1983. — с. 114.
11. Султанов, Т. И. Кочевые племена Приаралья. — с. 94.
12. См. История Казахстана: народы и культуры: Учебное пособие / Масанов Н. Э. и др. — с. 119.
13. Зиманов, С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. — Алма-Ата, 1960; Касымбаев Ж. К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.) — Алма-Ата: Білім, 1999. — с. 288.; Султанов Т. И. Поднятые на белой кошке. Потомки Чингиз-хана. — Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2001. — с. 276. Артыкбаев Ж. О. Материалы к истории правящего дома казахов. — Алма-Ата: Ғылым, 2001. — с. 204; Артыкбаев Ж. О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). — СПб.: Мажор, 2005. — с. 320; Бикенов А. Х., Жакин М. С. Принципы передачи ханской власти в традиционном казахском обществе (по материалам XVIII века) // Степной край Евразии: международ. Евраз. форум (III науч. конф.). — Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. — с. 78–79; Мусабалина Г. Институты управления в казахском кочевом обществе // Отан тарихы. Отечественная история. — 2001. — № 1. — с. 141–145; Койгельдиев М. К. Казахская государственность и национальная элита // Отан тарихы. Отечественная история. — 2002. — № 4. — с. 7–16.
14. Абдрахманова, Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. — Астана, 1998. — с. 137; Касымбаев Ж. К. — 1999. Указ. раб.; Касымбаев Ж. К. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой половине XIX вв. — Т. 2: Хан Айшуак (1719–1810). Личность во взаимодействии с кочевым обществом и сопредельными странами — Алма-Ата: Жеті жарғы, 2001; Касымбаев Ж. К. Государственные деятели казахских ханств в XVIII — первой четверти XIX вв. Хан Жанторе (1759–1809) — Т. 3. Алматы: Білім, 2001. — с. 364.
15. Кляшторный, С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. — Алма-Ата: «Рауан». — 1992. — 375 с.
16. Ерофеева, И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. — Алматы, 1999; Ерофеева И. В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. (история, историография, источники). — Алматы, 200; Ерофеева И. В. Титул и власть: к проблеме типологии института ханской власти в Казахстане в XVIII — начале XIX вв. // Казахстан и мировое сообщество. — 1996, № 4. — с. 37–46 и др.
17. Ерофеева, И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. — Алматы, 1999. — с. 48.
18. <http://365info.kz/2015/07/istorik-irina-erofeeva-sredi-kazaxskix>.
19. История казахской государственности (древность и средневековье): Монографическое исследование — Алматы: изд. «Адамар», 2007. — 416 с.
20. Там же, с. 17.
21. См. Кравченко А. И. Политология: Учебное пособие для студ. высш.пед.учеб.заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — с. 51.
22. См. История Казахстана: народы и культуры: Учебное пособие / Масанов Н. Э. и др. — с. 124–125; Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов. — Алма Ата — Москва. — 1995. — с. 151.

Агулы

Февралёв Евгений Александрович, преподаватель, научный руководитель;

Наволокин Руслан Евгеньевич, курсант

Институт водного транспорта имени Г. Я. Седова — филиал Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

Ключевые слова: агулы, селение Фите, агульская женищина, женщины за вязание носков, мужчины в традиционной одежде, традиции и обычаи агулов.

Народ, живущий в сердце Дагестана (Агулы)

Путник в наших аулах в любые ворота,

Не стесняясь, в любую минуту стучи.

Здесь не спросит хозяин: «Откуда ты, кто ты?»

Просто скажет: «Входи!» — дверь откроет в ночи.

Р. Гамзатов. В горах мое сердце

Агулы («жители Агула»). — коренное население Дагестана. В письменных источниках агулы впервые упоминаются в VII веке, среди народов, обращенных арабами в ислам. Но история этого народа намного древнее. На территории Агульского района, близ села Буркихан, сохранились развалины, называемые жителями «Алпан». Алпаном называли главное божество лезгин — бога Солнца, а затем лезгины так стали называть свою страну — Кавказскую Албанию, существующую уже в IV веке до н. э.

В раннем средневековье агулы входили в состав политического объединения «Лакз» (Страна лезгин).

Агулы бережно хранят предания о мужественной борьбе своих предков против нашествий монгольских орды, полчищ Тамерлана и иранского властителя Надир-шаха. Их суть одна: жестокость и бесчеловечность завоевателей, убийства, грабежи и разрушение поселений. Достаточно сказать, что некоторые агульские селения за свою историю были 7 раз разрушены и столько же раз восстановлены.

Из поколения в поколение жители передают рассказ о жестоком столкновении 11 июля 1851 года отрядов князя Аргутинского и знаменитого Хаджи-Мурата. Отряд бесстрашного наиба тогда потерпел поражение. Два кладбища павших в бою мюридов в Агульском районе напоминают о Кавказской войне и называются кладбищами «шахидов», борцов за веру.

В 20-х годах прошлого века встал вопрос о создании агульской письменности. Но из-за отсутствия подготовленных кадров, малочисленности носителей агульского языка и по ряду других причин дело было отложено. Зато в 1935 году постановлением ВЦИК был образован Агульский район, что стало огромным событием в жизни народа.

До 1952 года обучение в агульских школах велось на лезгинском языке, а затем — на русском. Лишь в 1990 году решением Правительства Республики Дагестан была создана агульская письменность. С 1992 года обучение в агульских школах ведется на родном языке. На агульском языке выходит районная газета «Агульский вестник» и даже стали издаваться книги.

Агулы — очень древний народ. Ислам лишь дополнил его культуру, сделав ее богаче, разнообразнее.

Агулы считаются одним из наиболее интернациональных народов Дагестана. Почти все они знают несколько языков, и на своих торжествах исполняют лезгинские, азербайджанские, даргинские, лакские, табасаранские песни и мелодии. Происхождение этнонима агулов можно связать с названием ущелья Агулдерс. Предки этих народностей исторически входили в состав многоплеменного государственного объединения — Кавказскую Албанию, были известны под общим именем леков или албанцев. Численность в Российской Федерации 17,7 тыс. человек. (1989), в т. ч. в Дагестане 13,8 тыс. чел. Общая численность 18,7 тыс. человек. Говорят на агульском языке, имеющем диалекты: тпигский (агульский), керенский (ричинский), кошанский, буркиханский, фитинский, — каждая община — свой говор. Распространены лезгинский, азербайджанский языки. Письменность на основе русской графики. Верующие — мусульмане-сунниты.

Наиболее ранние сведения об Агулах — в армянском источнике 7 в., где они названы *агутака-ни*, о жителях ущелья Кушан-дере 8–9 вв. есть упоминания в арабских источниках. Происхождение этнонима Агулы можно связать с названием ущелья — *Агулдерс*. Возможно, уже к началу нашей эры Агулы составляли самостоятельную этнокультурную общность. Эпиграфический материал свидетельствует о существовании уже в 11–12 вв. ряда населённых пунктов с современным названием (например с Рича), что подтверждает и древнейшая местная хроника «История Абу-Муслима». Процесс распада патриархально-родовых отношений ускорили нашествия арабов (с 7 в.) и монголо-татар (13 в.). В 10–12 вв. происходит укрупнение селений на базе древних территории тухумных поселений. С арабского завоеваниями связано распространение ислама; имеется ряд эпиграфических памятников 13–14 вв. на арабском, языке. В 14–18 вв. Агулы в составе Казикумух-ского шамхальства объединялись по ущельям в союзы сельской общины. По Юлистанскому миру 1813 между Ираном и Россией территории Дагестана отошла к России; усилилось русское присутствие

Рис. 1. Селение Фите

на территории Агулы. В ходе реформ 1860-х гг. Агулы вошли в Кюринский округ. Со 2-й пол. 19 в. Агулы вовлекаются в систему товарно-денежных отношений. С 1921 А. в составе Дагестанской АССР (с 1991 — Республика Дагестан). Живут в центр, части юго-востока. Дагестана в труднодоступных ущельях (Агульский, Курахский р-ны), в городах, в Дербентском р-не (переселенцы 1960-х гг.).

Традиционные занятия — пашенное земледелие и скотоводство. Поля, в основном богарные, — небольшие участки на склонах, частью террасированных. Применяли плодосменные севообороты, удобрённый парников. Ос-

новные культуры: рожь, ячмень, голозерный ячмень, пшеница, конские бобы, горох; со 2-й пол. 19 в. — картофель, морковь, лук, чеснок. Вспашка производилась дважды (до сева и после). Лёгкий плуг (дуруц) в бычьей упряжке — маневренный, чиркающий, одновременно боронующий. Жали серпом и короткой косой для одной руки. Молотильные доски, деревянные, грабли, вилы, лопаты, подносы для веяния, сита — общедагестанского типа. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, ослов, мулов. В 18—19 вв. увеличили поголовье овец в связи с развитием товарно-денежных отношений. Содержание

Рис. 2. Агульская женщина

Рис. 3. Женщины за вязанием носков

овец горно-стационарное. Осенью отары перегонялись с альпийских пастбищ на зимние присельские, где были построены овчарни на 250—300 голов. В овчарнях применяется арочная конструкция с каменным перекрытием и регулируемой вентиляционной системой.

Весной скот передвигался с южных склонов до альпийских пастбищ. Преобладало выгонно-стойлово-паст-

бишное содержание крупного рогатого скота, часть молочного скота летом оставалась в ауле. На летних хуторах заготавливали масло, сыр. Развита были домашние промыслы, кузнечное ремесло. Наиболее распространены обработка кожи, овчины, шерсти (пряжение, изготовление тканей, паласов, безворсовых ковров, мешков для хранения и переноски продуктов, вязание джурабов),

Рис. 4. Улица в селении Фите

резьба по дереву, камню. Женские занятия — уход за детьми и домом, заготовка топлива (кизяка), уход за корами и переработка молочных продуктов, полевые работы: прополка, жатва, перевозка урожая, скирдование, ремонт тока, обработка шерсти и изготовление шерстяных изделий. Мужские занятия: обработка земли, все работы, связанные с мелким рогатым скотом, уход за лошадьми и инвентарем. Коллективно выполняли сенокосение, молотьбу. Торговлей занимались мужчины (продажа мяса, масла, шерсти, сыра). Современное хозяйство многоотраслевое. Около 30 % Агулов живут в городах, значит, число переселилось на равнину, где в составе много-национальных коллективов занимаются овощеводством, виноградарством. Все колхозы и совхозы имеют закрепленные за ними земли в равнинной зоне, используемые под зимние пастбища, зерновые культуры, для заготовки кормов. В горах сохраняются традиции формы хозяйственной деятельности, из домашних промыслов — ковроткачество.

Традиции социального отношения — феодал, переплелись с пережитками патриарха. Сельская община была самостоятельно хозяйственно-территорией единой. Судопроизводство основано на обычно-правовых установлениях (адатах) и нормах мусульманские права

(шариат). Высший орган общины — сельский сход; со 2-й пол. 19 в. выбирался старшина. Во главе суда — кадий. Сохранялись патриарх, кровнородственник, преимущественно эндогамные объединения — тухумы. Преобладающая форма семьи — малая, различные типы неразделенной семьи (15–20 чел.) встречались пережиточно до начала 20 в. Единство семьи основано на коллективной собственности и труде всех взрослых членов; взаимоотношения определялись патриархом, нормами. Дочери, выходя замуж, получали половину земли доли и часть движимого имущества. Женщины в семейных делах обладали большой свободой. Хотя обычаев избегания не придерживались, общение между супругами, особенно, при посторонних, было сдержанным.

Традиционные поселения насчитывали в среднем около 60 хозяйств, занимали территории около 0,5 га и располагались у самой реки, на относительно ровной площадке, ограниченной с двух-трех сторон обрывистой скалой, на значительной высоте по склону горы, на вершинах хребтов. Строили крепостные стены, боевые башни, на дорогах — сторожевые (сигнальные) башни. Башни внутри селений соединялись подземными ходами. Селение (сельской община) состояло из тухумных (мирас) кварталов. Планировка селений: на склонах — ступенчато-терра-

Рис. 5. Мужчины в традиционной одежде

со-образная или беспорядочно-ступенчатая, на ровном месте, на гребне горы — кучевая, характерны комбинации различных типов. Дома примыкают друг к другу, создавая сплошную застройку. Улицы узкие, извилистые, крутые, часто в виде лестницы. Обществ. центр — мечеть и площадь перед ней (годекан). С середины 19 в. в новых кварталах уменьшается традиционная скученность, в современном строительстве преобладает тенденция к свободному расположению построек с приусадебными участками. Планировка переселенческих сел на равнине — квартально-уличная.

Жилище — каменные прямоугольные в плане, с плоской земляной крышей, без усадьбы. Преобладает 2–3-х этажный жилищно-хозяйственный комплекс с одним входом и узкими световыми отверстиями типа бойниц на нижних этажах (дом-крепость). Между этажами — внутренняя каменная лестница. Четырехэтажный комплекс: овчарня-хлев-жилье-жилье. Нижние этажи имеют отдельные входы на разных уровнях склона, в верхний попадают по приставной лестнице. Сеновал в одном из помещений хозяйственного этажа. Перекрытие нижних этажей целиком состояло из каменных плит, покоящихся на арочной конструкции или на каменных опорных столбах. Дверной коробки не было, массивная низкая дверь закреплялась в проеме посредством выступающих пят. Жилище — двух-трехкамерное, размер комнаты 30 м². Жизнь семьи проходила в одной комнате (очажной). Под высоким потолком (3–3,5 м) находилось небольшое окно с толстой ставней, мебель состояла из низких стульев, длинной скамейки-дивана, пол покрывали безворсовыми коврами, сидели на специальных круглых подушках.

Ниши различных размеров использовались для хранения постели, утвари. Центр, место занимал очаг (камин) — символ единства и благополучия. Второе помещение — гостиная, его обставляли по возможности богато, на специальных полках под потолком расставляли парадную посуду, особое внимание уделялось оформлению пристенного камина. Украшением жилища служили наборные камен. пояски («бегунец», «городок», «елочка» и др.), консоли карнизов, орнаментированные резьбой («плетенка», «конический», геометрический, эпиграфический, орнамент) оконные ставни и рамы. Со 2-й пол. 19 в. появились открытые лоджии и балконы, хозяйственные помещения выделяются в самостоятельную постройку. Современное жилище — двухэтажное каменное многокамерное со скатной крышей (железо, шифер), с застекленной верандой, большими окнами, деревянными полами. В интерьере сочетаются традиционные элементы (особенно в очажной комнате) с фабричной мебелью и технической аппаратурой. Сохраняется специализированная печь для выпечки хлеба — хьар.

Традиционная пища растительная, и мясо-молочная. Повседневная еда — хинкалы из пшеничной и ржаной муки, пшеничная лапша, каши из пшеничной муки и крупы. Широко использовали бобовые, из них, смешав с зерновыми, готовили и муку. Хлеб из пшеничной, ржаной, ячменной муки, пресный и на закваске пекли в специальных печах; специфический агульский — особый ажурный хлеб. На праздники готовили слоеный хлеб на молоке, с яйцом, слои смазывали маслом, пироги с различной начинкой. Употребляли дикорастущие травы (св. 15 видов), их сушили и заготавливали на зиму. Любимое блюдо — тонкий

Рис. 7. Традиционный дом

хинкал на мясном бульоне с различными приправами. Распространены пельмени (с мясной начинкой и чесночной подливой, с маслом, сметаной). Из толокна варили кашу, употребляли вместо хлеба с сыром, маслом. Поджаренное зерно (голозерный ячмень) ели, когда не было другой пищи. Зимой варили пшеничное зерно с фасолью и сушеным мясом. Мясо свежим ели осенью, в течение года употребляли вяленным, сушеным (сушеная колбаса). Из овечьего молока готовили два вида брынзы. Молоко шло на приготовление масла, творога, потребляли сыворотку и айран. Из солода и толокна готовили слабоалкогольный напиток. Сласти: халва из масла, муки, меда, из ореха, семян конопли. В современной кухне сохраняются многие традиционные блюда, получили распространение в Европе и вост. кушания, способы консервирования, расширился ассортимент продуктов. Характерны мечети: двухъярусная конструктивно-декоративная система перекрытия из столбов, балок, подбалок, прогонов (селения Арсуг, Тпиг).

Традиции и обычаи агүлов

Юноши и девушки могли встречаться только на праздниках, во время коллективных работ. Девушка не имела

права выходить замуж без согласия родителей, а если их не было, без согласия других близких родственников. Юноша также выбирал невесту только с согласия своих родителей. До свадьбы молодые могли вместе посещать праздники и другие общественные мероприятия.

Об избранной девушке юноша не мог сам сказать своим родителям, а сообщал им об этом через товарища или сестру. Вечером следующего дня мать и отец жениха отправлялись в дом невесты, где в это время собирались все ее родные.

При заключении брака, особенно с девушкой из другого рода, строго учитывалось имущественное положение вступающих в брак, знатность и численность рода.

Получив согласие, сваты тут же дарили невесте кольцо и отрез на платье. В старину калым (выкуп за невесту) выплачивался деньгами. Часто вместо денег давали мелкий и крупный рогатый скот, иногда пахотные или сенокосные участки и медные кувшины. Кроме того, жених был обязан одеть с головы до ног не только свою невесту, но и почти всю ее родню.

«История — это не то, что было, а то, что осталось»! (В. Н. Урсов)

Литература:

1. Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. Редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский, В. М. Макаревич (зам. гл. ред.), В. А. Попов, П. И. Пучков (зам. гл. ред.), Г. Ю. Ситнянский. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998, — 928 с.: ил. — ISBN 5–85270–155–6
2. ФЛНКА
3. Ибрагимов, И. Г. Агулы XVIII — первая половина XIX века. Махачкала, 2008. — 232 с.
4. Булатова, А. Г., Исламгагомедов А. И., Мазанаев Ш. А. Агулы в XIX — нач. XX вв: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
5. Народы Дагестана, Сб. под ред. М. О. Косвена и Х.-М. О. Хашаева, М., 1955.
6. <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/sjurginskij-sojuz-selskih-obwin-v-xviii-pervoj-pолоvine-xix-vv.html>
7. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%D0%B3%D1%83%D0%BB%D1%8B>
8. <http://sergeytsvetkov.livejournal.com/337990.html>
9. <http://yarlnka.ru/lezgin/agul/>

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

К вопросу об источниковой ценности мемуаров Ф. И. Шаляпина

Бабенко Оксана Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Известный русский певец Федор Иванович Шаляпин (1873–1938) оставил после себя немалое литературное наследие, включающие мемуары и письма. Мы анализируем его воспоминания «Маска и душа». К данным воспоминаниям до настоящего времени не применялся серьезный источниковедческий анализ.

Вследствие эмиграции Ф. И. Шаляпин подвергался гонениям в Советской России, поэтому нет ничего удивительного в том, что после кончины великого артиста, 14 апреля 1938 г., московская газета «Известия» писала: «Литературное наследство Шаляпина не представляет ничего интересного для искусства» [6]. Цель нашего исследования — доказать обратное, показать истинное значение мемуаров Шаляпина прежде всего как источника по истории России конца XIX — первой четверти XX вв.

В литературном наследии Ф. И. Шаляпина центральное место занимает книга его воспоминаний «Маска и душа». Она была впервые опубликована в Париже в 1929 г. Со слов Шаляпина ее записал С. Л. Поляков-Литовцев, сотрудник парижской русскоязычной газеты «Последние новости». Книга имела большой успех на Западе, ее перевели на многие европейские языки. Профессор РАТИ В. Н. Дмитриевский полагает, что Шаляпин «убедительно доказал: он способен создать оригинальное литературное произведение» [4, с. 459]. В этой книге певец «опытнее, зреее и как человек, и как художник, шире и свободнее в интерпретации фактов, он дальновидно и глубоко рассуждает о русской истории, о революционных мятежах и их последствиях, о людях, возглавивших новую Россию» [4, с. 459]. При этом в воспоминаниях Шаляпина встречаются рассказы о событиях, которые можно поставить под сомнение, и фактические неточности. Так, профессор В. Н. Дмитриевский категорично утверждает, что певец некоторые факты «присочинил: например, встречу с Лениным в 1905 году в квартире Горького, которой на самом деле не было» [4, с. 459]. Безусловно, артист, как человек творческий, может увлечься своим рассказом и кое-что сочинить, но Дмитриевский не приводит никаких доказательств своему утверждению. Мы не обнаружили рассказа об этой встрече в книге «Маска и душа» 2014 года издания, но он есть в более полной публикации воспоминаний на сайте Дома-музея Ф. И. Шаляпина в Москве [11].

В СССР книга «Маска и душа» считалась антисоветской, была запрещена в первые годы советской власти

и сталинское время. Она подверглась агрессивной и несправедливой критике нового, «просталинского» А. М. Горького — бывшего друга Шаляпина. В. Н. Дмитриевский пишет, что «вплоть до конца 1980-х годов ее считанные экземпляры пылились в отделах спецхрана столичных библиотек» [4, с. 460]. На деле же ее неполный вариант был опубликован в 1957 г. в книге, посвященной эпистолярному и литературному наследию Ф. И. Шаляпина, в связи с «оттепелью» [9]. Подобные варианты этой книги продолжают выходить и в 2000-е годы. Поэтому можно сказать, что с 1957 г. исследователи имели свободный доступ к публикации книги Шаляпина «Маска и душа», а в спецхранах с ней можно было ознакомиться гораздо раньше. В частности, Л. Никулин в своей книге «Федор Шаляпин» 1954 г. цитирует ее, но не указывает названия этой книги и не говорит о том, что это — воспоминания Шаляпина. В целом книга создает положительный образ великого русского артиста, а критика его творчества относится лишь к периоду эмиграции, когда, по мнению Л. Никулина, «все изменилось, и алмаз чистейшей воды уже не имел достойной оправы — артист, великий артист превратился в некую ценность на международном рынке искусства» [8, с. 160].

Воспоминания «Маска и душа» были окончательно завершены Шаляпиным в Париже 8 марта 1932 г. — эта дата значится в воспоминаниях [10, с. 309]. Какие вопросы затрагивает в своих воспоминаниях Ф. И. Шаляпин? Спектр этих вопросов достаточно широк — от жизни русского крестьянина до поведения большевиков в революционный период и годы Первой мировой войны. Особое внимание уделяется различным аспектам существования и развития русского театра. Мемуары пронизаны мыслями о России, которая для певца была неразрывно связана с театром. Вот что он писал об этом: «Магический кристалл, через который я Россию видел, был театр» [10, с. 8]. Нами было использовано издание вышеуказанных мемуаров 2014 года [10].

Говоря о театре, Ф. И. Шаляпин вспоминает свои первые театральные впечатления, в том числе и рождественский балаган с ярмарочным артистом Яковом Ивановичем Мамоновым (Яшкой) — явление народной культуры того времени. Пишет он и о походах в профессиональные театры. А к певческому искусству Федор приобщился «в русской церкви, в церковном хоре» [10, с. 27].

В дальнейшем его подталкивали к пению простые мастеровые люди. В 14—15 лет Федор уже получал маленькие роли в казанском театре. Рассказывая об этом, Шаляпин отвечает на вопрос о том, как простой русский человек приобщался к искусству.

В 21 год Федор Иванович Шаляпин сделался артистом императорских театров. В книге «Маска и душа» он дает их характеристику, пишет о бюрократической рутине в театре. Ф. И. Шаляпин, в частности, отмечает следующее: «Императорские театры, о которых мне придется сказать немало отрицательного, несомненно имели своеобразное величие. Россия могла не без основания ими гордиться. Оно и не мудрено, потому что антрепренером этих театров был не кто иной, как российский император» [10, с. 49—50]. Шаляпин отмечает также материальную сторону постановок: «Постановки опер и балета были грандиозны. Там не считали грошей, тратили широко. Костюмы и декорации были сделаны так великолепно — особенно в Мариинском театре, — что частному предпринимателю это и присниться не могло» [10, с. 50]. Певец положительно отзывался и об оперных исполнителях: «Может быть, императорская опера и не могла похвастаться плеядой исключительных певцов и певиц в одну и ту же пору, но все же наши российские певцы и певицы насчитывали в своих рядах первоклассных представителей вокального искусства. На особенной высоте в смысле артистических сил стояли императорские драматические театры, действительно блиставшие плеядой изумительных актеров, живших в одно и то же время. На очень большой высоте стоял императорский балет» [10, с. 50].

Однако Шаляпин не забывает и про отрицательные стороны императорских театров. Он пишет о своей работе в Мариинском театре следующее: «Я столкнулся с явлением, которое заглушало всякое оригинальное стремление, мертвило все живое, — с бюрократической рутинной» [10, с. 52]. «Что мне прежде всего бросилось в глаза на первых же порах моего вступления в Мариинский театр, — констатирует певец, — это то, что управителями труппы являются вовсе не наиболее талантливые артисты, как я себе наивно это представлял, а какие-то странные люди с бородами и без бород, в вицмундирах с золотыми пуговицами и с синими бархатными воротниками. Чиновники» [10, с. 52].

В воспоминаниях рассказывается также о работе в Частной опере, куда певец перешел в 1896 г. после службы в императорских театрах. Говоря об этом, Шаляпин вспоминает прежде всего свое знакомство с меценатом С. И. Мамонтовым на ярмарке в Нижнем Новгороде. Мамонтов позвал молодого певца в свою труппу, но, как пишет Шаляпин, «у меня же на следующий сезон был контракт с Мариинским театром — контракт с крупной неустойкой» [10, с. 71]. Однако певец имел серьезные художественные и личные мотивы для того, чтобы перейти в Частную оперу. И меценат добился своего. Вот что говорил С. И. Мамонтов художнику Константину Коровину по этому поводу: «А я был прав, Костенька, Шаляпину-то

петь не дают. И неустойка его всего 12 тысяч. Я думаю, его уступят мне без огорчения, кажется, его терпеть там не могут. Скандалист, говорят» [7].

Как мы уже отмечали в одной из публикаций, Ф. И. Шаляпину нравилась атмосфера в театре С. И. Мамонтова [1, с. 374]. Он пишет об этом следующее: «Работа за кулисами шла дружно, незатейливо и весело. Не приходили никакие чиновники на сцену, не тыкали пальцами, не морщили бровей. Приятно поразили меня сердечные товарищеские отношения между актерами. Всякий дружески советовал другому все, что мог со знанием дела посоветовать, сообща обсуждали, как лучше вести ту или другую сцену, — работа горела» [10, с. 68].

Ф. И. Шаляпин характеризует и самого С. И. Мамонтова. Как отмечает артист, Мамонтов «готовился сам быть певцом, прошел в Италии очень солидную музыкальную подготовку и, кажется, собирался уже подписать контракт с импресарио, когда телеграмма из Москвы внезапно изменила весь его жизненный план: он должен был заняться делами дома Мамонтовых» [10, с. 69].

Певец проводит экскурс в историю театра, обозначает проблему отношений театра и власти. Он пишет: «Известно, что русское актерство получило свое начало при Екатерине Великой» [10, с. 123]. Здесь Шаляпин допускает историческую неточность. Известно, что первый русский профессиональный театр был открыт в 1756 г. при императрице Елизавете Петровне, а возглавили его «сначала А. П. Сумароков, а потом Ф. Г. Волков» [3, с. 13]. Однако он дает совершенно справедливую характеристику русским актерам: «Русские актеры были крепостными людьми, пришли в театр от сохи, от дворни — от рабства» [10, с. 123].

Ф. И. Шаляпин пишет и о причинах упадка русского театра рубежа XIX—XX вв. «Что меня отталкивает и глубоко огорчает, это подчинение главного — аксессуару, внутреннего — внешнему, души — погремушке», — с сожалением констатирует певец [10, с. 130]. А рассуждения Шаляпина об отношении молодых актеров к своей профессии достойны того, чтобы привести их полностью. «Кажется мне порою, что растлевающее влияние на театр оказал и общий дух нового времени. Долго наблюдал я нашу театральную жизнь в столицах и не мог не заметить с большим огорчением, что нет уже прежнего отношения актера к театру. Скептики иногда посмеиваются над старомодными словами — «святое искусство», «храм искусства», «священный трепет подмостков» и т. п. Может быть, оно звучит и смешно, но ведь не пустые это были слова для наших стариков. За ними было глубокое чувство. А теперь похоже на то, что молодой актер стал учиться в училищах главным образом только для того, чтобы получить аттестат и немедленно же начать играть Рюи Блаза. Перестал как будто молодой актер задумываться над тем, готов ли он. Он стал торопиться. Его занимают другие вопросы. Весь трепет свой он перенес на дешевую рекламу. Вместо того чтобы посвятить свою заботу и свое внимание пьесе, изображению персонажа, спектаклю, он перенес

свое внимание на театральный журнальчик и на афишу — имя большими буквами» [10, с. 134].

Помимо актеров, немало места в книге уделяется русскому купечеству. Как мы уже отмечали в одной из наших статей, Ф. И. Шаляпин «весьма ярко отразил» сущность российского купца второй половины XIX — начала XX в. [2, с. 508]. Вот что он писал в книге «Маска и душа»: «Что такое русский купец? Это, в сущности, простой российский крестьянин, который после освобождения от рабства потянулся работать в город...» [10, с. 137]. Далее певец продолжает: «А то еще российский мужичок, вырвавшись из деревни смолodu, начинает сколачивать свое благополучие будущего купца или промышленника в самой Москве. Он торгует сбитнем на Хитровом рынке, продает пирожки, на лотках льет конопляное масло на гречишники, весело выкрикивает свой товаришко и косым глазком хитро наблюдает за стежками жизни, как и что зашито и что к чему как пришито. Неказиста жизнь для него. Он сам зачастую ночует с бродягами на том же Хитровом рынке или на Пресне, он ест требуху в дешевом трактире, вприкусочку пьет чаек с черным хлебом. Мерзнет, голодает, но всегда весел, не ропщет и надеется на будущее. <...> А там, глядь, у него уже и лавочка или заводик. А потом, поди, он уже 1-й гильдии купец. Подождите — его старший сынок первый покупает Гогенов, первый покупает Пикассо, первый везет в Москву Матисса» [10, с. 139].

Как замечает Ф. И. Шаляпин, купцов называли «самодурами». «А самодуры тем временем потихоньку накопили чудесные сокровища искусства, создали галереи, музеи, первоклассные театры, настроили больниц и приютов на всю Москву» [10, с. 139]. Певец вспоминает одного из крупнейших представителей московского купечества — Савву Тимофеевича Морозова. Федор Иванович был приглашен в его новый дом на Арбате¹ и заметил в вестибюле изображение эффектного всадника. В ответ на вопрос Шаляпина, любит ли он воинственное, Морозов ответил: «Люблю победу» [10, с. 140]. «Да, любили победу русские купцы, — пишет артист, — и победили. Победили бедность и безвестность, буйную разногласицу чиновных мундиров и надутое чванство дешевого, сюсюкающего и картавящего «аристократизма»» [10, с. 140].

Ф. И. Шаляпин упоминает и гостеприимство русского купечества: «Я редко бывал в гостях у купцов. Но всякий раз, когда мне случалось у них бывать, я видал такую ширину размаха в приеме гостей, которую трудно вообразить. Объездив почти весь мир, побывав в домах богатейших европейцев и американцев, должен сказать, что такого размаха не видал нигде» [10, с. 140].

В то же время артист нелицеприятно отзываясь о молодом поколении купечества: «Насколько мне было симпатично солидное и серьезное российское купечество, создавшее столько замечательных вещей, настолько же мне

была несимпатична так называемая «золотая» купеческая молодежь. Отстав от трудовой деревни, она не пристала к труду городскому. Нахватавшись в университете верхов и зная, что папаша может заплатить за любой дорогой дебош, эти «купцы» находили для жизни только одно оправдание — удовольствия, наслаждения, которые может дать цыганский табор. Дни и ночи проводили они в безобразных кутежах, в смазывании горчицей лакейских «рож», как они выражались, по дикости своей неспособные уважать человеческую личность» [10, с. 141].

Ф. И. Шаляпин много пишет и о творческих людях, с которыми ему приходилось общаться, — композиторах, художниках, писателях. Среди них С. В. Рахманинов, И. Е. Репин, В. А. Серов, Л. Н. Толстой, А. М. Горький и др. Шаляпин в своих воспоминаниях попытался выступить не только как историк, но и как настоящий художник слова. Достаточно привести его рассказ о совместном посещении им и С. В. Рахманиновым Л. Н. Толстого. 9 января 1900 г. они получили приглашение посетить писателя в его доме в Хамовниках. Гостей радушно встретили супруга и сыновья Толстого. «Нам предложили, конечно, чаю, — пишет Шаляпин, — но не до чаю было мне. Я очень волновался. Подумать только, мне предстояло в первый раз в жизни взглянуть в лицо и в глаза человеку, слова и мысли которого волновали весь мир. До сих пор я видел Льва Николаевича только на портретах. И вот он живой! Стоит у шахматного столика и о чем-то разговаривает с молодым Гольденвейзером (Гольденвейзеры — отец и сын — были постоянными партнерами Толстого в домашних шахматных турнирах). Я увидел фигуру, кажется ниже среднего роста, что меня крайне удивило, — по фотографиям Лев Николаевич представлялся мне не только духовным, но и физическим гигантом — высоким, могучим и широким в плечах... Моя проклятая с л у х о в а я (так написано в книге. — О.Б.) впечатлительность (профессиональная) и в эту многозначительную минуту отметила, что Лев Николаевич заговорил со мною голосом как будто дребезжащим и что какая-то буква, вероятно, вследствие отсутствия каких-нибудь зубов, свистала и пришепetyвала!».. [10, с. 146]. Шаляпин спел Толстым балладу Рахманинова «Судьба» и песню Даргомыжского на слова Беранже «Старый капрал». Певец заметил, что Толстой с интересом за ним следил, а во время исполнения «Старого капрала» прослезился. «Когда я кончил петь, — пишет артист, — присутствующие мне аплодировали и говорили мне лестные слова. Лев Николаевич не аплодировал и ничего не сказал» [10, с. 147]. В данном случае перед нами довольно точная и яркая характеристика поведения Л. Н. Толстого.

Не менее справедливыми представляются нам рассуждения Шаляпина о театральной жизни Москвы и Петербурга. «В отличие от Москвы, — пишет певец, — где жизни давали тон культурное купечество и интеллигенция,

¹ Здесь Шаляпин допустил ошибку: С.Т. Морозов приобрел дом не на Арбате, а на Спиридоньевской улице. — *Прим. авт.*

тон Петербургу давал, конечно, двор, а затем аристократия и крупная бюрократия» [10, с. 160]. Далее Шаляпин анализирует отношение российских императоров к театру. «Высокие «антрепренеры» императорских театров, — отмечает он, — в общем, очень мало уделяли им личного внимания. Интересовалась сценой Екатерина Великая, но ее отношение к столичному театру было приблизительно такое же, какое было, вероятно, у помещика к своему деревенскому театру, построенному для забавы с участием в нем крепостных людей. Едва ли интересовался театром император Александр I. Его внимание было слишком поглощено театром военных действий, на котором выступал величайший из актеров своего времени — Наполеон...» [10, с. 160–161]. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что певец опустил рассказ об отношении к театру Павла I. Ф. И. Шаляпин, вероятно, не имел широких познаний в области истории русского театра. Тем не менее он написал, пусть даже поверхностно, о Николае I, Александре II и Александре III. «Из российских императоров, — замечает артист, — ближе всех к театру стоял Николай I. Он относился к нему уже не как помещик-крепостник, а как магнат и владыка, причем снисходил к актеру величественно и в то же время фамильярно. Он часто проникал через маленькую дверцу на сцену и любил болтать с актерами (преимущественно драматическими), забавляясь остротами своих талантливейших верноподданных» [10, с. 161].

По рассказу Шаляпина, «Александр II посещал театры очень редко, по торжественным случаям. Был к ним равнодушен. Александр III любил ходить в оперу и особенно любил «Мефистофеля» Бойто» [10, с. 162]. О Николае II певец пишет, что он «не снисходил до того, чтобы прийти на подмостки сцены к актерам, как Николай I, но зато иногда в антрактах приглашал артистов к себе в ложу» [10, с. 162]. Николай II «любил театр преимущественно за замечательные балеты Чайковского, но ходил и в оперу, и в драму. Мне случалось видеть его в ложе добродушно смеющимся от игры Варламова или Давыдова», — отмечает Шаляпин [10, с. 162]. В этом утверждении вызывает сомнения большая любовь императора к балетам П. И. Чайковского. В «Дневнике» Николая II под 7-м января 1896 г. записано: «После обеда отправились в театр, где шел красивый, но скучнейший балет Чайковского «Лебединое озеро» [5, с. 123].

В связи с эпохой Николая II певец вспоминает и о великих князьях — любителях театра. Он пишет, как после окончания одного из торжественных вечеров великий князь Сергей Михайлович преподнес ему шампанское в стакане из венецианского стекла от имени императора. Шаляпин, решив оставить чудесное изделие себе, сказал великому князю: «Прошу ваше высочество, передайте государю императору, что Шаляпин на память об этом знаменательном случае стакан взял с собой домой» [10, с. 164].

В книге «Маска и душа» рассказывается также о жизни русского крестьянина и вообще простого человека, под-

черкивается социальное неравенство в дореволюционной России. Шаляпин пишет следующее: «В городе мне впервые стала очевидна разница между богатыми и бедными людьми. Я видел, что богатый купец производил на городского большее впечатление, чем сапожник Сашка. Даже причастие в церкви отпускалось священником купцу Суслову с большим вниманием, чем нашему брату Исаакию» [10, с. 170]. Правда, молодому Шаляпину неравенство казалось чем-то естественным, «от Бога». Он не осознавал, что жизнь можно изменить в лучшую сторону даже тогда, когда узнал «горькие и мучительные лишения, бродяжничества на Волге и на Кавказе — труд без смысла, ночи без крова, дни без пищи...» [10, с. 171].

Особое внимание в воспоминаниях Ф. И. Шаляпина уделяется революционному времени. Говоря о нем, артист пишет, что события 1905–1917 гг. представляются ему «чем-то цельным — цепью, каждое звено которой крепко связано с соседним звеном» [10, с. 176]. О революционных событиях певец рассуждает так: «Революционное движение стало заметно обозначаться уже в начале нашего столетия. Но тогда оно носило еще, если можно так сказать, теплый характер. Оно бродило в университетах среди студентов и на фабриках среди рабочих. Народ казался еще спокойным, да и власть чувствовала себя крепкой. Печать держали строго, и политическое недовольство интеллигенции выражалось в ней робко и намеками» [10, с. 177]. По справедливым соображениям Шаляпина, «более смело звучали революционные ноты в художественной литературе и в тенденциозной поэзии. Зато каждый революционный намек подхватывался обществом с горячей жадностью, а любой стих, в котором был протест, принимался публикой с восторгом независимо от его художественной ценности» [10, с. 177].

Как пишет Ф. И. Шаляпин, «в 1904 году стало ясно, что революционное движение гораздо глубже, чем думали. Правительство, хотя оно и опиралось на внушительную политическую силу, шаталось и слабело. Слабость правительства доказывала, что устои его в стране не так прочны, как это представлялось на первый взгляд, и это сознание еще больше углубило брожение в народе. Все чаще и чаще происходили беспорядки. То закрывались университеты из-за студенческих беспорядков, то рабочие бастовали на заводах, то либеральные земцы устроили банкет, на котором раздавались смелые по тому времени голоса о необходимости обновления политического строя и введения конституции. То взрывалась бомба и убивала того или иного губернатора или министра» [10, с. 180]. «И в эту тревожную пору, — продолжает певец, — неожиданно для русского общества разразилась война с Японией. Где-то там далеко, в китайских странах, русские мужики сражались с японцами. В канцеляриях говорили о великодержавных задачах России, а в обществе громко шептались о том, что войну затеяли влиятельные царедворцы из-за корыстных своих целей, из-за какой-то лесной концессии на Ялу, в которой были заинтересованы большие сановники. Народ же в деревнях вздыхал безнадежно. Мужики

и бабы говорили, что хотя косоглазого и можно шапками закидать, но зачем за этим к нему идти так далеко?» [10, с. 180].

Ф. И. Шаляпин анализирует и революционные события, настроения в целом. После рассказа о русско-японской войне он пишет следующее: «Революционное движение усилилось, заговорило громче. Либеральное общество уже открыто требовало конституции, а социалисты полуоткрыто готовились к бою, предчувствуя близкую революцию. В атмосфере явно ощущалась неизбежность перемен. Но правительство еще упиралось, не желая уступить тому, что официально именовалось крамолой, хотя ею уже захвачена была вся страна. В провинции правительственные чиновники действовали вразброд. Одни, сочувствуя переменам, старались смягчить режим; другие, наоборот, стали сильнее кусаться, как мухи осенью. У них как бы распухли хрусталики в глазах, и всюду мерещились им «революционеры»» [10, с. 181].

В это сложное время за концертами Шаляпина начали строго следить цензоры. «А время шло, — пишет певец. После ликвидации восстания в Москве, после успешных карательных экспедиций в деревне, после бурного периода 1-й и 2-й Дум наступило внешнее затишье. Правительство как будто победило. Люди знающие говорили, что благосостояние страны в эти годы поднялось, что сильно развивалась промышленность; биржа, во всяком случае, процветала, и столицы увидели многих ловких людей, наживших большие состояния и ослеплявших публику блеском своей девственной, но шумной роскоши... Однако в глубине народных масс, в особенности крестьянских, бродили все-таки опасные пары придушенного недовольства. Глухая борьба между властью и революционерами не прекращалась. То революционерам удавалось убить министра, то властям удавалось зацапать и посадить в тюрьму какого-нибудь опасного революционера. Не сдавалась и либеральная оппозиция в Государственной думе» [10, с. 184].

С революционным брожением совпала по времени Первая мировая война, которой Шаляпин уделяет большое внимание. В начале войны он находился за границей и слышал о большом патриотическом подъеме в Петербурге. «Я приехал значительно позже, — пишет артист, — и не заметил ни энтузиазма, ни уныния. Все шло как будто своим чередом. Магазины торговали, кареты разъезжали, дуговые фонари освещали Морскую. Театры работали весело и были переполнены. И только иногда те или иные слухи волновали общество. То это были официальные и громкие известия о победах, то из уст в уста шепотом передавались проникавшие в столицу известия о несчастьях армии. Говорили о гибели в Мазурских озерах двух корпусов, а то становилось известным, что в каких-то лесах в двухдневном бою было уничтожено несколько десятков тысяч русских солдат... В газетах об этих несчастьях сообщали деликатно, и десятки тысяч перedelывались в простые сотни» [10, с. 187].

В связи с этим артист рассуждает о патриотизме — подлинном и ложном. «Несомненно, много доблести и кре-

пости проявляли русские на многочисленных фронтах, — продолжает Шаляпин. Несомненно и то, что и в тылу война пробудила в людях много благородных чувств жалости и жертвенности. Но, как это всегда бывает, довольно широко разлился в столицах и отвратительный, бахвальствующий словесный патриотизм, нередко пьяный» [10, с. 187].

Далее певец пишет о событиях последовавших за вступлением в войну Румынии: «А русские солдаты в это время брали Перемышль и Львов, теряли их и снова наступали. Война затягивалась и приобретала удручающую монотонность. С каждым месяцем становилось все яснее, что немец силен, что воевать с ним победоносно не очень-то легко. Я изредка видал солдат и беседовал с ними. Дело в том, что, желая так или иначе быть полезным и оправдать мое отсутствие в траншее, я открыл два госпиталя — один в Москве, другой в Петербурге. В общем на 80 человек, которых во все время войны я кормил и содержал на личные мои средства. Мне в этом отношении пошли великодушно навстречу мои друзья, врачи, которые денег у меня за работу в госпиталях не брали. Больных перебывало у меня за годы войны очень много. Я посещал их и иногда развлекал пением. Из бесед с солдатами я вынес грустное убеждение, что люди эти не знают, за что, собственно, сражаются» [10, с. 188].

Шаляпин делится с читателями некоторыми историческими фактами: «Кажется, в 1916 году я узнал, что во время последнего наступления на Варшаву немцами сброшено было много бомб с аэропланов, что разрушения велики и что особенно сильно страдает бедный люд от отсутствия крова. Мне страшно захотелось как-нибудь помочь этим бедным людям. Я решил немедленно поехать в Варшаву и дать концерт в их пользу. Я сознавал, что это будет каплей в море нужды — но что же делать? Мои милые приятели, братья Кедровы, тогда так же, как теперь, распевавшие квартетом, охотно согласились поехать со мною и принять участие в концерте. Над городом рвались бомбы, но наш концерт в Филармонии тем не менее прошел блестяще при переполненном зале. Польское общество в лице своих князей и графов, а в особенности — дивных своих актеров, оказало мне и моим товарищам необыкновенно горячий прием. Особенно меня тронули национальные польские ленты, прикрепленные к лавровому венку, мне поднесенному на концерте. Я долго хранил их вместе с другими сувенирами, близкими моему сердцу» [10, с. 189]. В данном рассказе, так же, как и в предыдущем, обращает на себя внимание тот факт, что Шаляпин не забывает про собственную благотворительную деятельность и даже подчеркивает ее. Певец, действительно, помогал другим людям, но при этом много и с пафосом писал о своих заслугах.

Что же касается его рассказа о годах Первой мировой войны, то певец не обходит и некоторые дипломатические встречи. Он пишет: «В Петербурге и Москве между тем с каждым днем становилось все скучнее и унылее. Для поддержания, должно быть, духа и бодрости в Пе-

тербург приехали выдающиеся представители союзной Франции — Рене Вивiani и Альбер Тома. Петербург встретил их с особенной теплотой. Отношения между обществом и властью были в то время чрезвычайно напряжены. Для успешного ведения трудной войны необходимо было «единение царя с народом», как тогда говорили. Дума билась из всех сил, чтобы это единение наладить. А где-то в высших сферах темные интриги близоруких царедворцев пропасть между царем и народом все больше углубляли. И Вивiani, и Тома принадлежали к левому крылу французских политических деятелей. Их участие в правительстве Франции служило как бы предметным уроком нашему двору. Вот смотрите, как едина Франция! В Петербурге, помнится, поговаривали даже, что одной из целей приезда французских министров является желание повлиять в этом духе на наше правительство в интересах войны. Как бы то ни было, французов приняли восторженно» [10, с. 191]. Этот рассказ свидетельствует о том, что певец все-таки отчасти интересовался политикой и некоторые события тогдашней политической жизни ему хорошо запомнились.

Ф. И. Шаляпин пишет и свои мысли по поводу исхода Первой мировой войны: «С каждым днем становилось между тем яснее, что Россия войну проигрывает. Все чувствовали, что надвигается какая-то гроза, которую никто не решался называть революцией, потому что не вязалось это никак с войной. Что-то должно произойти, а что именно — никто не представлял себе этого ясно. В политических кругах открыто и резко требовали смены непопулярного правительства и призывали к власти людей, пользующихся доверием страны. Но как назло, непопулярных министров сменяли у власти министры еще более непопулярные» [10, с. 191–192].

Свои размышления о политике Шаляпин продолжает следующим образом: «В городе стали говорить, что война неудачна потому, что при дворе завелась измена. Любимца двора, странного человека Григория Распутина, молва признала немецким агентом, толкающим царя на сепаратный мир с Германией. Раздражение было так велико, что молва не пощадила самоё царицу. Насчет этой больной и несчастной женщины распространялись самые нелепые рассказы, которые находили веру. Говорили, например, что она сносится с Вильгельмом II «по прямому проводу» и выдает ему государственные тайны. Солдаты на фронте считали дурной приметой получать из рук царицы георгиевский крестик — убьет немецкая пуля...» [10, с. 192].

Некоторый интерес представляет рассказ Шаляпина о внимании к нему Григория Распутина. Описываемый случай относится к разгару Первой мировой войны. «В это время, — пишет Шаляпин, — пришел однажды в мой дом секретарь Распутина с поручением от «старца». Не застав меня дома, он передал моей жене, что Распутин желает со мною познакомиться и спрашивает, как мне приятнее — приехать к нему или принять его у себя? Желание Распутина меня очень удивило. Что ему от меня нужно было, я не понимал. Он, должно быть, считал просто неудобным,

что такие две знаменитости, как он и я, между собой незнакомы... Так как я слышал, что этот человек бывает груб в обращении даже с высокопоставленными людьми, то знакомство это меня не прельщало. Скажет он мне какую-нибудь грубость или что-нибудь обидное, я ведь скажу ему что-нибудь еще полновеснее, и дело, пожалуй, кончится дракой. <...> От встречи я под каким-то предлогом отказался» [10, с. 193].

Желание «божьего человека», а по сути своей шарлатана, Григория Распутина, познакомиться с Шаляпиным вызывает некоторые сомнения. Человеку, оказывавшему заметное влияние на царскую семью, вряд ли надо было знакомиться с артистом, далеким от политики. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что Шаляпин называет здесь себя «знаменитостью» и ставит на один уровень с Распутиным. Это говорит о том, что певцу была присуща гордость и, может быть, даже хвастовство. Однако нельзя однозначно утверждать, что факт стремления Распутина познакомиться с Шаляпиным был придуман певцом. Григорий Распутин, конечно, не посещал театров, но находился в одной связке с представителями правящих кругов, увлекавшихся искусством. Он мог выразить желание встретиться с Шаляпиным из чистого любопытства, чтобы узнать, каков известный бас.

Вскоре Г. Распутина жестоко убили. Шаляпин пишет об этом так: «Вероятно, этот факт еще более укрепил мнение народа, что при дворе таится измена: ее, дескать, заметили, признали и за нее отомстили люди, близкие к царю. Значит, все, что рассказывали — правда!» [10, с. 193].

Далее Шаляпин продолжает рассказ о своих наблюдениях за происходящим в стране: «События стали разворачиваться со страшной быстротой. В столице не хватало продовольствия, образовались хвосты, в которых люди заражали друг друга возмущением. Заволновались солдаты в казармах. Какой-то солдат застрелил в строю офицера. Вышел из повиновения весь полк. Не стало императорской армии. Выпал один кирпич, и все здание рухнуло. Не очень крепко, значит, оно держалось» [10, с. 193]. Здесь же Шаляпин приводит свои личные наблюдения за тем, что происходило возле его дома в Петербурге: «Из окна моего дома я увидел огромнейшие клубы дыма. Это горел подожженный толпой Окружной суд. Началась революция. Народ, представители армии, флотские люди потянулись к Государственной думе, где приобщались к революции. С царем разговаривал фронт. Столицы зашумели в невообразимом нервном напряжении» [10, с. 193].

Певец пишет и о том, как революционная ситуация отразилась на театральной жизни: «Скоро политика, образцы которой мы видели на Невском проспекте, ворвалась в Петербургские театры. Во время спектаклей в театрах начали появляться какие-то люди — между ними бывал и Троцкий — и прерывали действия на сцене речами к публике. Они говорили, что пора кончать радостные зрелища, что пора прекратить праздные забавы. Народ на фронте, а столицы поют и пляшут» [10, с. 196].

«Началось брожение и в императорских театрах, — продолжает Шаляпин. Старая дирекция во главе с Теляковским была Временным правительством сменена. Бедный Теляковский был арестован и уведен в Государственную думу» [10, с. 196]. В то же время Шаляпин признает необходимость перемен в театре: «При всей моей симпатии и при всем моем уважении к прекрасному человеку, каким был В. А. Теляковский, я не могу отрицать, что в смене дирекции была, может быть, известная логика, да и сам Теляковский разделял это мнение. Императорские театры были переименованы в государственные, должны были сделаться национальными. Дирекция, проникнутая дворцовым духом, была неуместна в новых условиях» [10, с. 196–197].

Ф. И. Шаляпин проводит также параллели между политической ситуацией в стране и положением в театрах. Он пишет, что «двоевластие, бывшее тогда модным во всем государстве, восторжествовало и в государственных театрах. Была новая дирекция и художественный совет, как бы «Временное правительство», и наряду с ним утвердился за кулисами как бы «Совет рабочих депутатов» — из хористов, музыкантов и рабочих, вообще из театрального пролетариата» [10, с. 197].

«А революция «углублялась», — продолжает певец. Все смелее подымали голову большевики. Я жил на Каменноостровском проспекте, и мой путь из дому в театр Народного дома лежал близко от главного штаба большевиков, который помещался во дворце знаменитой танцовщицы Мариинского балета М. Ф. Кшесинской. Большевики захватили самовластно дворец и превратили его обширный балкон в революционный форум. Проходя мимо дворца, я останавливался на некоторое время наблюдать сцены и послушать ораторов, которые беспрерывно сменяли друг друга» [10, с. 201].

Шаляпин, по его же признанию, осознавал, что Временное правительство доживает свои последние дни. И это, как он сам пишет, понимали даже в кругах, близких к Временному правительству. В связи с этим певец вспоминает петербургский обед с друзьями-политиками, который многое ему прояснил. «Обед был устроен депутатом М. С. Аджемовым, видным деятелем кадетской партии и другом Временного правительства, в честь наших общих друзей В. А. Маклакова и М. А. Стаховича. Оба они только что были назначены Временным правительством на важные дипломатические посты: Маклаков — послом в Париж, Стахович — послом в Мадрид. На следующий день они покидали родину, и дружеская встреча за прощальным обедом носила очень сердечный характер. Остроумный Аджемов как хозяин дома давал тон веселой беседе. <...> Но сквозь веселье, смех и юмор прорывалась внутренняя печаль. Очень уж грустны были наши шутки: говорили о том, как по частям и скопом Временное правительство будет скоро посажено в тюрьмы Лениным и Троцким, приближение которых уже чувствовалось в воздухе» [10, с. 202]. Запомнились Шаляпину и прощальные слова Маклакова, относившиеся к послед-

ствиям революции: «Не будет ни одного человека, совершенно ни одного, кто бы избегнул в будущем страданий» [10, с. 202]. Артист знал, что Маклаков уезжает из России тайно, как контрабандист. «Правительство опасалось, что если об отъезде «империалиста» Маклакова на пост посла в Париже узнает революционная чернь, то она его так же задержит на вокзале и не позволит ему уехать, как до этого задержала на Финляндском вокзале бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова, назначенного российским послом в Лондон...» [10, с. 203].

Говоря о периоде после свержения Временного правительства, Шаляпин пишет прежде всего о фигуре В. И. Ленина. Певец признается в своей невежественности и аполитичности: «О людях, ставших с ночи на утро властителями России я имел весьма слабое понятие. В частности, я не знал, что такое Ленин. Мне вообще кажется, что исторические «фигуры» складываются либо тогда, когда их везут на эшафот, либо тогда, когда они посылают на эшафот других людей» [10, с. 205]. Ленин был тогда для Шаляпина мало замечен, он больше знал о Троцком. «Насчет Ленина же, — пишет певец, — я был совершенно невежественным и потому встречать его на Финляндский вокзал я не поехал, хотя его встречал Горький, который в то время относился к большевикам, кажется, враждебно» [10, с. 205]. За приездом Ленина последовало неприятное для артиста событие — у него конфисковали автомобиль. «Я рассудил, что мой автомобиль нужен «народу», и весьма легко утешился», — пишет певец [10, с. 205].

В первые дни после революции, как справедливо замечает Шаляпин, «столица еще не отдавала себе ясного отчета в том, чем на практике будет для России большевистский режим. И вот первое страшное потрясение. В госпитале зверским образом матросами убиты «враги народа» — больные Кокошкин и Шингарев, арестованные министры Временного правительства, лучшие представители либеральной интеллигенции» [10, с. 205].

В это время произошли изменения в социальном составе театральной публики. Вот что пишет об этом Шаляпин: «Обычная наша театральная публика, состоявшая из богатых, зажиточных и интеллигентных людей, постепенно исчезла. Залы наполнялись новой публикой. Перемена эта произошла не сразу, но скоро солдаты, рабочие и просто народье уже господствовали в составе театральных зал» [10, с. 208]. Однако певец не связывает это со стремлением простого народа приобщиться к культуре. «Но напрасно думают и утверждают, что до седьмого пота будто бы добивался русский народ театральных радостей, которых его раньше лишали, и что революция открыла для народа двери театра, в которые он раньше безнадежно стучался. Правда то, что народ в театр не шел и не бежал по собственной охоте, а был подталкиваем либо партийными, либо военными ячейками» [10, с. 208].

Тем не менее, как отмечает Шаляпин, новые власти относились к театру благосклонно. «Как бы то ни было, театры и театральные люди были у новой власти в некотором

фаворе. Потому ли это было, что комиссаром народного просвещения состоял А. В. Луначарский, лично всегда интересовавшийся театром, то есть чисто случайно; потому ли, что власть желала и надеялась использовать сцену для своей пропаганды; потому ли, что актерская среда, веселая и общительная, была приятна новым властителям как оазис беззаботного отдыха после суровых «трудов»; потому ли, наконец, что нужно же было вождям показать, что и им не чуждо «высокое и прекрасное...» [10, с. 209].

Тем временем «революция шла полным ходом. Власть обосновалась, укрепилась как будто и окопалась в своих твердынях, оберегаемая милиционерами, чекистами и солдатами, но жизнь, материальная жизнь людей, которым эта власть сулила счастье, становилась все беднее и тяжелее» [10, с. 211]. Жить с каждым днем становилось все труднее. «В России то здесь, то там вспыхивала гражданская война. От этого продовольствие в столицах делалось скудным, понижаясь до крайнего минимума. Была очень трудна и работа в театре. Так как были еще в России кое-какие города на юге, где хлеба было больше, то многие артисты, естественно устремились туда, где можно не голодать. Другим как-то удалось вырваться за границу» [10, с. 213].

Представители новой власти начали считать Ф. И. Шаляпина «буржуем». «В качестве такового я стал подвергаться обыскам, — пишет певец. Не знаю, что искали у меня эти люди. Вероятно, они думали, что я обладаю исключительными россыпями бриллиантов и золота. Они в моей квартире перерывали все ковры» [10, с. 215]. «Начальство» все меньше и меньше нравилось Шаляпину. «Я заметил, что искренность и простота, которые мне когда-то так глубоко импонировали, в социалистах последнего выпуска совершенно отсутствуют. Бросалась в глаза какая-то сквозная л ж и в о с т ь (выделено в книге. — О.Б.) во всем. Лгут на митингах, лгут в газетах, лгут в учреждениях и организациях. Лгут в пустяках и так же легко лгут, когда дело идет о жизни невинных людей» [10, с. 220].

Почти одновременно с великими князьями в Петербурге были арестованы два друга Шаляпина — бароны Стюарты. Он познакомился с братьями, когда они только что закончили лицей. «Это были добродушнейшие и очень тонко воспитанные молодые люди. Когда пришла революция, один из них, Володя, ни капли не стеснясь, надел полушубок, валяные сапоги и пошел работать грузчиком на железной дороге. Другой брат, Николай, окончивший затем медицинский факультет Харьковского университета, старался как-нибудь практиковать, но по натуре был больше театрал и мечтатель, чем врач-натуралист» [10, с. 220]. Стюарты совершенно не занимались политикой, но «они были бароны, отец их служил в Государственном архиве, а в старые времена был где-то царским консулом» [10, с. 220]. На этом основании друзей Шаляпина арестовали и расстреляли.

Певец столкнулся с неприятностями и в театре, где новое руководство решило переправить богатые столичные репертуары в провинцию «на помощь неимущим» [10, с. 230].

Для того, чтобы оставить в Петрограде костюмы и декорации, Шаляпин встречался с Лениным в Кремле. Владимира Ильича он описывает так: «...фигура татарского типа с широкими скулами, с малой шевелюрой, с бородкой» [10, с. 231]. По воспоминаниям певца, Ленин был любезен и понятлив. Он сказал артисту: «Поезжайте в Петроград, не говорите никому ни слова, а я употреблю влияние, если оно есть, на то, чтобы ваши резонные опасения были приняты во внимание в вашу сторону» [10, с. 231]. Певец пишет, что у Ленина, видимо, было влияние, «потому что все костюмы и декорации остались на месте и никто их больше не пытался трогать» [10, с. 231].

Тем временем работа в театре становилась для Шаляпина и других артистов все тяжелее и неприятнее. В театр «приходили какие-то другие передовые политики — коммунисты, бывшие бутафоры, делали кислые лица и говорили, что вообще это искусство, которое разводят оперные актеры, — искусство буржуазное и пролетариату не нужно. Так, зря получают пайки актеры» [10, с. 232]. По поводу сокращения пайков певец встречался с наркомом Л. Д. Троцким и просил его прибавить паек артистам. На это Троцкий ответил Шаляпину: «Неужели вы думаете, товарищ, что я не понимаю, что значит, когда не хватает хлеба? Но не могу же я поставить на одну линию солдата, сидящего в траншеях, с балериной, весело улыбающейся и танцующей на сцене» [10, с. 233]. Шаляпин считал его доводы резонными.

Тем не менее, продолжает певец, «после большевистского переворота русский театр оказался облепленным всякого рода «деятелями революции», как мухами. И за несколькими исключениями это были именно мухи; слоны были слишком грузны и важны, слишком заняты делом, чтобы развлекаться хождением по кулисам или посещением актеров на дому. Поводились ко мне ходить разные партийцы. <...> Среди моих «надоедателей» преобладали люди малокультурные, глубоко по духу мне чуждые, часто просто противные» [10, с. 248].

Дух советского режима в театрах, по глубокому и справедливому ощущению Шаляпина, «убивал и замораживал ум, опустошал сердце и вселял в душу отчаяние» [10, с. 252]. То же самое происходило и в российском обществе в целом. Шаляпин видел, что в основе большевистского движения лежало стремление к переустройству жизни на более справедливых началах, но он не мог не заметить, чем обернулось это стремление в реальности. Как пишет певец, «произошло то, что все «медали» обернулись в русской действительности своей оборотной стороной. «Свобода» превратилась в тиранию, «братство» — в гражданскую войну, а «равенство» привело к принижению всякого, кто смеет поднять голову выше уровня болота. Строительство приняло форму сплошного разрушения, и «любовь к будущему человечеству» вылилась в ненависть и пытку для современников» [10, с. 253]. В связи с этим Шаляпин делает следующий вывод: «Большевистская практика оказалась еще страшнее большевистских теорий. И самая страшная, может быть, черта

режима была та, что в большевизм влилось целиком все жуткое российское мещанство с его нестерпимой узостью и тупой самоуверенностью. И не только мещанство, а вообще весь русский быт со всем, что в нем накопилось отрицательного. Пришел чеховский унтер Пришибеев с замечаниями о том, кто как живет, и пришел Федька-каторжник Достоевского со своим ножом» [10, с. 254].

Жестокая реальность, в которой оказался после революции Ф. И. Шаляпин, заставила певца в 1922 г. навсегда покинуть Родину. «С жадной радостью вдыхал я воздух Европы. После нищенской и печальной жизни русских столиц все представлялось мне богатым и прекрасным», — напишет певец в эмиграции [10, с. 269].

Таким образом, мемуары Ф. И. Шаляпина являются интереснейшим источником по истории России конца XIX — первой четверти XX вв. В них певец выступает как историк, писатель и человек, обладающий огромным жизненным опытом и большой наблюдательностью. Иногда Шаляпин позволял себе фактические неточности, но не ошибался в оценках событий, свидетелем которых он был. С одной стороны, мы видим стремление певца представить себя в лучшем свете, назвать «знаменитостью», но с другой стороны, он не отрицает, к примеру, своей политической невежественности. Тем не менее особое внимание обращают на себя его удивительно точные наблюдения за событиями 1917-го года и последующего времени.

Литература:

1. Бабенко, О. В. К вопросу об истории русского оперного театра конца XIX — начала XX вв. / О. В. Бабенко // Молодой ученый. — 2015. — № 5. — с. 371–377.
2. Бабенко, О. В. Музыка и театр в жизни московского купечества второй половины XIX — начала XX вв. (по воспоминаниям П. А. Бурныкина и Н. П. Вишнякова) / О. В. Бабенко // Молодой ученый. — 2014. — № 20. — с. 508–510.
3. Дмитриев, Ю. А. Государственный академический Малый театр. Очерки / Ю. А. Дмитриев. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 663 с.
4. Дмитриевский, В. Н. Шаляпин / В. Н. Дмитриевский. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 543 с.
5. Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. / Ред. А. С. Бурдыкин. — М.: Изд-во «Полистар», 1991. — 306 с.
6. Известия. — 1938. — 14 апреля.
7. Коровин, К. «Воспоминания о Федоре Шаляпине». — Режим доступа: <http://kgorovin.ru/shalyapin.php>
8. Никулин, Л. Федор Шаляпин. Очерк жизни и творчества. — М.: Гос. изд-во «Искусство», 1954. — 192 с.
9. Федор Иванович Шаляпин: В 2 т. / Под ред. Е. А. Грошевой. — М.: Гос. изд-во «Искусство», 1957.
10. Шаляпин, Ф. И. Маска и душа / Ф. И. Шаляпин. — М.: АСТ, 2014. — 320 с.
11. Шаляпин, Ф. И. Маска и душа. — Режим доступа: <http://www.shalyapin-museum.org/content/category>

Отражение проблем современных российско-американских отношений в российской интернет-периодике

Белых Ольга Александровна, соискатель
Иркутский государственный университет

Сетевая периодика русскоязычного сегмента Интернета, являясь частью российских средств массовой информации, ориентирована на отображение актуальных событий внутри страны и в мировом масштабе. После трансформации биполярного мироустройства российско-американские отношения были переориентированы с двустороннего формата на взаимодействие в условиях многополярности. Однако, провозглашенное окончание холодной войны и произошедшие на мировой арене изменения не катализировали процессы укрепления глобальной безопасности и международной стабильности. Череду кризисов и конфликтов, присутствующих на постоянной основе во взаимоотношениях России и США, ставят под сомнение факт завершения

российско-американского противоборства. Причиной любого конфликта А. В. Костров справедливо называет борьбу «за контроль над пространством (географическим, социальным, экономическим, культурным, политическим), имеющим свою ресурсную насыщенность» [7, с. 84].

Растущее количество нерешенных вопросов (размещение систем противоракетной обороны США в Европе, ядерный фактор, сокращение стратегических вооружений, позиции по урегулированию региональных и локальных конфликтов), состояние которых все чаще отягощается конфронтационными шагами, заметно осложняет российско-американские отношения, что актуализирует их изучение [1; 6].

Не только расширение геополитического противоборства до сферы информационных технологий обуславливает необходимость изучения всех субъектов телекоммуникационного пространства. Закрепление приоритета массовости коммуникаций в жизни общества способствовало становлению нового вида электронных СМИ — интернет-периодики как самостоятельного информационного источника.

В контексте исследования наибольший интерес представляют публикации, посвященные современным российско-американским отношениям и их исторической проблематике.

Характерным для российской сетевой периодики является внимание к ключевым аспектам российско-американских противоречий, основанных на инерции холодной войны. После крушения малайзийского самолета Boeing 777 последовало заявление начальника Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США генерала Мартина Демпси, в котором указывалось, что изучаются «имеющиеся в нашем распоряжении модели возможных действий, которые не рассматривались нами в течение последних 20 лет, честно говоря, это касается базирования военных, развертывания коммуникационных линий и морских коммуникаций» [2].

Стоит отметить, что резонансные события, особенно трагичные, часто приводят к образу внешнего врага и обоснованию необходимой борьбы с ним, что определяет увеличение финансирования на нужды военно-промышленного комплекса. Как верно указывает В. А. Родионов: «Цели и задачи, которые преследуются при создании того или иного образа, во многом определяют содержание самого образа» [12, с. 155]. Обуславливая опасность определенного события или явления необходимо привлечь внимание широких общественных кругов. Нагнетание обстановки по конкретному факту возможно силами любых средств массовой информации, но формат интернет-изданий позволяет наиболее эффективно преподнести информацию благодаря характеристикам интернет-периодики — мультимедийности, гипертекстуальности и оперативности. Кроме того, формы интерактивного общения (форумы, комментарии читателей) на страницах интернет-изданий способны аккумулировать реакцию аудитории.

В выступлениях представителей военно-политического руководства, в первую очередь отражаемых в сетевой прессе, очевидно использование риторики холодной войны [4; 10; 14]. Тем самым в медиасреде, в частности на страницах интернет-периодики, наблюдается стремление к переосмыслению исторических проблем взаимоотношений России и США и их отражению в современной геополитической реальности. Этому способствуют интерактивы на страницах публикаций, в рамках которых проходят дискуссии по обсуждению происходящих событий, протекающие в разных ключах — от оживленного до ожесточенного.

Огромное внимание уделяется трансформации понимания итогов и последствий окончания холодной войны,

поиску путей для современных российско-американских отношений. Сопоставление исторических фактов и происходящих событий преобразовалось в тенденцию, связанную с пересмотром итогов биполярного противостояния и переосмыслением места России на мировой арене в настоящие дни. Все чаще стали появляться мнения о том, что «Америка и Россия в обозримом будущем обречены на взаимное дистанцирование, ограниченную геополитическую конкуренцию и региональное соперничество» [3].

Вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений, являются значимым блоком во взаимоотношениях России и США. Ядерный фактор до сих пор является рычагом воздействия в российско-американских отношениях. М. Маликов отмечает, что «когда речь заходит о нашей стране, фигурирует дежурная фраза: Россия — единственная страна, способная за тридцать минут уничтожить Соединённые Штаты. Из этого положения проистекает вся разоруженческая политика США в отношении России» [9]. На фоне конфликта на Украине показательно высказывание министра обороны США Эштона Картера, заявившего, что «бряцание ядерным оружием» со стороны России делает необходимым для США разработку современных систем вооружений и модернизацию своих ядерных вооружений [15].

Относительно состояния современных российско-американских отношений на страницах интернет-изданий встречаются публикации о том, что «две страны прошли по пути от холодных отношений к холодным и отмена встречи президентов только приближает ситуацию к новой холодной войне» (относительно отмены встречи в Москве Б. Обамы и В. Путина в 2013 г.) [17], «отношения с США сейчас близки к «холодной войне»» [16], «прогноз развития российско-американских отношений, скорее негативный» [5]. Подобные заявления не только снижают эффективность перезагрузки российско-американских отношений, но и отражают присутствие инерции противостояния в отношениях России и США. События, связанные с ядерной программой Ирана, урегулированием сирийского кризиса, ситуацией на Украине являются «лакомыми бумажками», проявляющими уровень напряженности в российско-американских отношениях.

Особое внимание к России со стороны США объяснимо не только необходимостью взаимодействия по таким злободневным кризисным вопросам, как борьба с терроризмом и ближневосточное урегулирование. Уполномоченные органы США на постоянной основе изучают модели развития России и оценивают возможные сценарии российско-американских отношений. Так, американские эксперты обозначают три сценария развития событий:

- Россия станет партнером Запада на основе расчета, а не общих ценностей;
- Россия вступит в противоречивые отношения с другими державами;
- Россия превратится в «доставляющую серьезные неприятности страну», которая стремится использовать военное превосходство для запугивания соседей [11].

На публикации, размещенные на страницах интернет-изданий, распространяются характерные для российской периодики тенденции вовлечения в информационный сегмент риторики противостояния при освещении актуальных российских и мировых событий [8; 13]. Использование тематики холодной войны направлено на переосмысление причин, итогов и последствий советско-американского противостояния, а также на подкрепление проводимой политики соответствующими аргументами в сфере современных отношений России и США.

Нагнетание обстановки, чрезмерное акцентирование внимания аудитории на конкретных событиях и частое обращение к образу внешнего и внутреннего врага является отражением политической конъюнктуры и характерно как для российского, так и для западного информационного пространства.

Возможности изложения информации с помощью текста, фотоизображений, видеофрагментов определяют характер российской сетевой прессы как комплексного исторического источника по изучению истории и современности российско-американских отношений.

Являясь зеркалом политической обстановки, интернет-периодика России отображает взгляды российского военно-политического руководства, поэтому в материалах интернет-изданий проявляется инерция и риторика противостояния, сопутствующая российско-американским отношениям на современном этапе.

Российская интернет-периодика относительно «молодой» исторический источник. Ее развитие на протяжении двух десятилетий проходило разными темпами. В некоторой степени данный факт определен особенностями становления интернет-периодики в России, которая в отличие от сетевой прессы США, где развитие интернет-технологий было основано на мощных военных разработках, укреплялась по мере развития интернет-технологий в гражданской сфере.

Прогресс в области наукоемких технологий, расширение интернет-покрытия и широкополосного доступа к ресурсам всемирной паутины в совокупности с растущим социальным охватом и востребованностью электронных изданий у читателей ускоряет дальнейшее развитие российской интернет-периодики.

Литература:

1. Белых, О. А. Русский вопрос в западной интернет-периодике / О. А. Белых. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 187 с.
2. В НАТО «сдувают пыль» с планов двадцатилетней давности на фоне украинского конфликта [Электронный ресурс] // NEWSru.com: сайт. 2014. 25 июля. URL: <http://www.newsru.com/world/25jul2014/nato20years.html> (дата обращения: 25.03.2016).
3. Злобин, Н. О пользе «холодной войны» [Электронный ресурс] // Рос. газ.: сетевое изд. 2008. 28 мая. URL: <http://www.rg.ru/2008/05/28/russia-usa.html> (дата обращения: 26.03.2016).
4. Злодоров, Д. Американский генерал заявил, что только Россия может уничтожить США [Электронный ресурс] // РИА Новости: сетевое изд. 2015. 02 нояб. URL: <http://ria.ru/world/20151102/1312694527.html> (дата обращения: 25.03.2016).
5. Как поссорились Владимир Владимирович с Бараком Хуссейновичем [Электронный ресурс] // Noteru.com: сетевое изд. 2015. 4 сент. URL: <http://noteru.com/post/view/13099> (дата обращения: 25.03.2016).
6. Костров, А. В. Геополитика: Учебно-методическое пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 119 с.
7. Костров, А. В. Геополитический фактор в истории Кавказского региона. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7(21). Ч. III. с. 84–86.
8. Люлько, Л. Россия — США: война выгоднее мира [Электронный ресурс] // Правда.Ру: сайт. 2013. 09 янв. URL: <http://www.pravda.ru/world/northamerica/usacanada/09-01-2013/1141178-russia-0/> (дата обращения: 26.03.2016).
9. Маликов, М. Нерукопожатая Америка [Электронный ресурс] // Свободная пресса: электрон. периодич. изд. 2013. 17 авг. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/72692/> (дата обращения: 26.03.2016).
10. Песков о ролике Трампа: Американские политики демонизируют Россию [Электронный ресурс] // REGNUM: сетевое изд. 2016. 17 марта. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2099592.html> (дата обращения: 25.03.2016).
11. Полунин, А. Страна, доставляющая серьезные неприятности [Электронный ресурс] // Свободная пресса: электрон. периодич. изд. 2012. 12 дек. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/61904/> (дата обращения: 26.03.2016).
12. Родионов, В. А. Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии (2000–2013 гг.) / В. А. Родионов // Вестн. Бурятского гос. ун-та. — 2014. — № 8–1. — с. 152–155.
13. Романов, А. Холодная война между Россией и США перешла на биологический уровень [Электронный ресурс] // KM.ru: электрон. периодич. изд. 2013. 19 июля. URL: <http://www.km.ru/world/2013/07/19/siriiskii-krizis/716195-kholodnaya-voina-mezhdu-rossiei-i-ssha-pereshla-na-biologic> (дата обращения: 26.03.2016).
14. Российский МИД рассказал о «мощной мине», заложенной США под двусторонние отношения [Электронный ресурс] // NEWSru.com: сайт. 2014. 19 дек. URL: <http://www.newsru.com/russia/19dec2014/mina.html> (дата обращения: 25.03.2016).

15. США: Чтобы Россия не «бряцала ядерным оружием», мы будем громче бряцать своим [Электронный ресурс] // Накануне.RU: сетевое изд. 2015. 08 нояб. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2015/11/8/22419745> (дата обращения: 25.03.2016).
16. FT: Россия ухудшает отношения сразу с несколькими странами [Электронный ресурс] // газета.ru: сетевое изд. 2013. 4 сент. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2013/09/04/n_3158417.shtml (дата обращения: 26.03.2016).
17. Huffington Post: отношения США и России будут только ухудшаться [Электронный ресурс] // газета.ru: сетевое изд. 2013. 13 авг. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2013/08/13/n_3107969.shtml (дата обращения: 26.03.2016).

Потенциал проекта экскурсионного маршрута по зданиям и памятным сооружениям, связанным с историей иркутской чаеоторговли

Кожухарь Андрей Игоревич, преподаватель
Иркутский государственный университет путей сообщения

В статье рассматривается востребованность и перспективы реализации экскурсионного маршрута по памятникам, связанным с историей чайной торговли в Иркутске, а также его значение для развития музейно-туристической сферы региона. Оценивается целевая аудитория и даются рекомендации по содержательному наполнению данной экскурсии, анализируются возможные проблемы в осуществлении проекта и способы их решения.

Ключевые слова: Чайный путь, Иркутск, чаеоторговля, экскурсии, музеи, туризм

В настоящее время одним из наиболее актуальных направлений развития музейно-туристической сферы иркутского региона является популяризация историко-культурного наследия, относящегося к чаеоторговой истории Иркутска. Словосочетание «Чайный путь» стало брендом, привлекающим внимание как внутренних, так и внешних туристов. В связи с этим, представляется значительным упущением фактическое отсутствие профессионально разработанных на основе современных исследований в данном направлении городских экскурсионных маршрутов, включающих здания и памятные сооружения, связанные с историей иркутской чайной торговли. Вместе с тем, не менее десятка таких памятников, взаимное расположение которых удобно для последовательного посещения, могут стать основой экскурсии, которую можно назвать «Иркутск на чайном пути» или, более наукоёмко, «История иркутской чаеоторговли второй половины XIX — начала XX вв.». Выбранные хронологические рамки обосновываются тем, что в середине XIX в. таможня была перенесена из Кяхты в Иркутск, а иркутские купцы, благодаря изменениям в законодательстве, смогли проникнуть на внутренний китайский рынок, освоив полный цикл чайного производства. Таким образом, именно вторая половина XIX в. стала периодом расцвета для иркутской чаеоторговли.

Целевой аудиторией данного маршрута могут стать:

— туристы и туристические группы, ориентированные на ознакомление с историей Иркутска и Восточной Сибири в целом;

— представители административно-деловой сферы при включении экскурсии в программы экономических и дипломатических мероприятий;

— научные сотрудники, студенты, аспиранты, докторанты, работающие над темами, связанными с историей торговли в восточносибирском регионе;

— работники учреждений образования, науки, культуры в рамках тематических программ повышения квалификации;

— жители Иркутска, интересующиеся историей родного города, региона, страны, отношений России со странами Востока.

Предполагаемый маршрут охватывает центральную часть города, проходя по улицам Декабрьских событий, К. Маркса, Сухэ-Батора, огибая сквер им. Кирова и по ул. Ленина вновь возвращаясь на ул. К. Маркса. Таким образом, маршрут проходит по главным улицам и не вызывает координационных затруднений. Его логичным началом может стать историко-архитектурный комплекс на пересечении улиц Ф. Энгельса и Декабрьских событий, в котором расположен *Музей чая (ул. Декабрьских событий, 77)*. Он существует в рамках Музея городского быта, филиала Музея истории города Иркутска. Опыт проведения обзорных экскурсий по постоянной экспозиции Музея чая в 2011–2013 гг. показал, что она является весьма информативной для знакомства с чаеоторговой историей Иркутска, Восточной Сибири и России в целом. Она включает в себя сведения о торговых контактах со странами Востока и их влиянии на иркутский

быт, местных традициях приготовления и употребления чайных напитков, крупных фигурах чаоторгового купечества. Осмотр данной экспозиции выступает как в качестве самостоятельной экскурсии, так и в качестве продолжения осмотра Музея городского быта, находящегося в соседнем здании. Также посещение Музея чая может выполнять функцию вводной части более обширной экскурсии, повествуя о становлении российской чайной торговли и предпосылках выделения Восточной Сибири как ее ключевого региона. Однако при возникновении затруднений с включением посещения Музея чая в общий маршрут, вводная часть может быть опущена, а маршрут без ущерба для содержания начат со следующей точки.

От Музея чая предполагаемый маршрут продолжается по ул. Декабрьских событий. При этом справа по ходу движения, на пересечении с ул. Тимирязева можно обратить внимание на *здание бывшей Преображенской церковно-приходской школы, построенной на деньги Н. Л. Родионова (формально здание имеет адрес — пер. Волконского, 2)*, одного из основателей (совместно с И. С. Хаминовым) крупной чаоторговой компании. Н. Л. Родионов и И. С. Хаминов первые среди иркутских купцов основали в Китае собственные чайные плантации. Для информационного наполнения данного этапа экскурсии можно воспользоваться опубликованными биографическими материалами о Н. Л. Родионове [2, с. 264–265].

С ул. Декабрьских событий маршрут экскурсии поворачивает на ул. К. Маркса, непосредственно на перекрестке минуя *здание бывшего клуба Иркутского общества приказчиков (ул. К. Маркса, 47)*. Имеются опубликованные материалы об истории Общества приказчиков и роли в его создании иркутского купечества, в том числе, чаоторгового [9].

На ул. К. Маркса находится несколько зданий, в которых во второй половине XIX в. размещались крупные чаоторговые магазины. Первым по ходу движения маршрута является бывший *дом С. И. Тельных (ул. К. Маркса, 35)*, в котором наряду с жилыми помещениями был расположен его магазин. Чаоторговая реклама С. И. Тельных публиковалась в Сибирском торгово-промышленном календаре [8]. Биографические сведения об С. И. Тельных могут быть почерпнуты из публикаций [2, с. 285]. Далее маршрут проходит мимо бывшего *чайного магазина Н. П. Полякова (ул. К. Маркса, 21)*, который в рамках своей торговой деятельности занимался поставками не только чая, но и других китайских товаров. Биографическая информация о нем также опубликована [2, с. 253].

Миновав здание магазина Н. П. Полякова, маршрут экскурсии поворачивает на ул. Сухэ-Батора. Здесь внимание экскурсантов может быть обращено на бывшее *здание «Торгового дома Щелкунова и Метелева» — крупной фирмы, занимавшейся, среди прочего, транспортниковой и продажей чая (ул. Сухэ-Батора, 17)* [7]. Далее, на перекрестке у выезда на сквер им. Кирова, объектом показа должно стать бывшее *здание*

женской гимназии, построенной и содержавшейся уже упомянутым крупным чаоторговцем И. С. Хаминовым (ул. Желябова, 2), сделавшим чрезвычайно весомый вклад в городское развитие [1; 2, с. 300–302].

Объезжая сквер им. Кирова, экскурсионный маршрут выходит на ул. Ленина, по которой возвращается на ул. К. Маркса. Следующей точкой маршрута является бывшая *усадьба купца Я. Е. Метелева (ул. К. Маркса, 3)*, в которой располагалась его известная на весь город *чайная* [7], имевшая безупречную репутацию и пользовавшаяся вниманием высокопоставленных лиц. Привлечь биографические подробности к рассказу о Я. Е. Метелеве позволяют опубликованные материалы [2, с. 221–222].

Завершается экскурсия у бывшего *здания ВСОРГО (ныне Отдел истории Иркутского областного краеведческого музея, ул. К. Маркса, 2)*, посещение которого также может быть включено в маршрут в качестве обобщающего итогового рассказа о вкладе чаоторгового купечества в развитие краеведения, участия в исследовательских этнографических экспедициях и иных процессах межкультурной коммуникации, сопровождавших чайную торговлю. Также необходимо обратить внимание экскурсантов на проходящую по противоположному берегу р. Ангары железную дорогу, строительство которой изменило направление транспортно-торговых путей, а также, среди прочих факторов, привело к окончанию периода расцвета иркутской чаоторговли. После этого экскурсантам может быть предложен дальнейший самостоятельный осмотр популярных иркутских туристических зон (бульвар Гагарина, 130-й квартал, зона вокруг Драматического театра и др.) или возвращение к начальной точке маршрута произвольным путем без дополнительных остановок.

Однако необходимо отметить, что реализация этого экскурсионного маршрута имеет два проблемных аспекта. Во-первых, по пути следования от сквера им. Кирова до ул. К. Маркса вдоль ул. Ленина отсутствуют значимые для истории иркутской чаоторговли здания и памятные сооружения, что приводит к необходимости информационного заполнения возникающей паузы в повествовании. Во-вторых, в связи со значительной удаленностью от пролегания маршрута, в него не включены памятники, относящиеся к деятельности видных иркутских чаоторговцев: П. А. Пономарева (например, *здание школы № 10 — одного из бывших пономаревских училищ по адресу ул. Шевцова, 16*) [3] и династии Белоголовых (например, *усадьба одной из ветвей Белоголовых по адресу ул. Декабрьских событий, 11*) [4]. Но эти проблемы вполне решаемы. Информация о Белоголовых может быть представлена в рассказе об Обществе приказчиков, в здание которого А. А. Белоголовый вложил финансово наряду с И. С. Хаминовым и др. [9, с. 25–26]. Информация о П. А. Пономареве представляется настолько значимой для истории развития города в целом, что именно ей можно заполнить повествовательную лауну маршрута при движении по ул. Ленина, вне зависимости от удаленности иллюстрирующих этот рассказ памятников. Де-

тельность П. А. Пономарева [6] настолько всесторонне охватывает все аспекты развития иркутской купеческой чаеоторговли в XIX в., что способна выступать в качестве суммирующего элемента экскурсии, делая логичным переход к изменениям в чаеоторговой истории Иркутска начала XX в. при возвращении маршрута на ул. К. Маркса в его финальной части.

Также в маршрут не входят несколько памятников, относящихся к истории иркутской чайной торговли более раннего периода: *усадьба В. Н. Баснина (ул. Свердлова, 35)* и *здание конторы Российско-Американской компании (ул. Сурикова, 24)*. Во-первых, рассказ о них выходил бы за выбранные хронологические рамки повествования; во-вторых, о здании РАК имеет смысл го-

ворить в рамках отдельной тематической экскурсии [5], а усадьба В. Н. Баснина сохранилась лишь частично, и в силу нынешней ведомственной принадлежности здания его посещение затруднено.

Тем не менее, данный экскурсионный маршрут имеет богатый просветительский потенциал и органично вписывается в современные тенденции в музейно-туристической сфере Иркутской области. Таким образом, его реализация может стать полезной не только для укрепления позиций иркутских музеев в изучении, сохранении и популяризации историко-культурного наследия, связанного с местом Иркутска на Чайном пути, но и для развития ключевых направлений внутреннего и внешнего туризма в регионе.

Литература:

1. Гаврилова, Н. И. Иван Степанович Хаминов // Земля Иркутская. 1997. № 9. с. 49–56
2. Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011: биограф. справочник / авт.-сост. А. В. Петров, М. М. Плотнокова; отв. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2011. 400 с.
3. Гурова, А., Кравченко М. «Листая страницы...» (к 108-ой годовщине Иркутской школы № 10) // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: мат-лы всероссийской науч.-теорет. конф., посвященной памяти профессора В. И. Дулова. В 2-х кн. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2007. Кн. 1. с. 163–174
4. Кожухарь, А. И. Некоторые представители купеческой династии Белоголовых в материалах фондов Музея истории города Иркутска // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2 (3). Ч. 2. с. 145–149
5. Кожухарь, А. И. Потенциал проекта экскурсионного маршрута по зданиям и памятным сооружениям, связанным с деятельностью Российско-Американской компании в Иркутске // Современное российское общество: экономика, политика, культура: Материалы межвузовской научно-практической конференции. (Иркутск, 22 апреля 2011 года). Иркутск: Вост.-Сиб. гос. акад. образ., 2011. с. 136–140
6. Медведев, С. «Мысль моя — посвятить жизнь мою на пользу людям...» (о Павле Андреевиче Пономареве) // Земля Иркутская. 1994. № 2. с. 52–58
7. План-панорама Иркутска. Центральная часть. Памятники истории и культуры. Иркутск: Центр по сохранению историко-культурного наследия, 2002
8. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1897 г. Томск: Изд. Ф. П. Романова, 1897
9. Терновой, И. В. Иркутское общество приказчиков // Ежегодник Музея истории города Иркутска. 2008 / под ред. И. И. Терновой. Иркутск: Оттиск, 2009. с. 18–41

Роль источников по униформологии и фалеристике в изучении истории Вооруженных сил СССР в 1945–1991 гг.

Соловьев Рустам Арсланович, аспирант

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Закрытый характер большей части информации, связанной с деятельностью Вооруженных сил СССР в 1945–1991 гг., стал причиной того, что на сегодняшний день их становление после окончания Великой Отечественной войны остается малоизученной темой.

Важным источником для изучения истории Вооруженных сил СССР 1945–1991 гг. могут быть работы по униформологии и фалеристике.

Стремительное развитие в нашей стране униформология и фалеристика получили с начала 1990-х гг. на волне интереса к военной истории в целом и к истории наград и военного костюма в частности. В этот период стали выходить многочисленные работы по униформе Русской и Красной (Советской) армий, развитию наградной системы в Российской империи и СССР [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Материалы о наградах и развитии военной формы одежды регулярно публиковались в военной периодической печати.

Например, в журнале «Советский воин» в 1990–1991 гг. вышел цикл статей В. Дурова, посвященных наградам Российской Империи и Советского Союза. В «Военно-историческом журнале» в 1990 году также были опубликованы материалы об орденах Российской империи под авторством С. Серкова. В журнале «Военные знания» было опубликовано несколько статей В. Шпаковского о развитии военной формы одежды с древнейших времен до конца 1980-х гг.

В это же время начали издаваться журналы, посвященные униформологии и фалеристике: «Орел», «Цейхгауз» (с 2008 года — «Старый Цейхгауз»), «Сержант», «Петербургский коллекционер». Значительно позднее вышел в свет журнал «Нумизматика и фалеристика» и электронный журнал «Мундир».

Появилась целая плеяда авторов, которые основываясь на многолетнем опыте изучения военной формы одежды и наградной системы СССР стали регулярно публиковать в периодической печати материалы по униформологии и фалеристике, которые интересны не только коллекционерам, но и всем тем, кто интересуется историей отечественных Вооруженных сил в 1940–1990 гг.

Так, например, А. Степанов в своих статьях, описывающих разновидности погон Маршалов Советского Союза, Маршалов родов войск и генералов армии, приводит полный список тех, кто был удостоен указанных воинских званий. Списки оформлены в табличной форме, где указаны: фамилия, имя, отчество, воинское звание и должность на момент присвоения звания, сведения о дальнейшем повышении или снижении воинского звания [7, 8]. В статье посвященной погонам адмиралов флота затрагивается и проблема взаимоотношений в высшем военном руководстве СССР в 1960-х гг. [9]

Статья А. Сорокина «Погоны обр. 1969 г. курсантов военно-учебных заведений ВС СССР» [10] может служить справочником по военно-учебным заведениям СССР в 1960–1970 гг., причем сведения о некоторых из них в официальных справочниках не публиковались [11, 12].

Как справедливо отмечают многие исследователи значительные изменения в военной форме одежды в 1945–1991 гг. диктовались субъективными взглядами военного руководства СССР [13, с. 141–142]. Это прекрасно показано в статьях К. Цыпенкова и А. Степанова [14, 15, 16].

Изменения формы одежды нередко проводились в рамках проведения воспитательной работы. Например, в 1982 году в качестве одной из мер усиления борьбы с неуставными взаимоотношениями было отменено ношение нарукавных нашивок по годам службы солдатами и сержантами срочной службы, что также нашло отражение в работах по униформологии [17, с. 41].

Особые отличия в форме одежды военнослужащих отдельных родов войск связаны и с изменениями приоритетов в развитии Вооруженных сил СССР (примерами могут служить форма авиации и танковых войск в 1930–1940-х гг., форма воздушно-десантных войск с 1960-х гг.). А отсутствие отличий в форме военнослужащих войск

ПВО и РВСН (солдаты, прапорщики и офицеры имели на форме одежды нарукавные знаки и эмблемы артиллерии) лишней раз демонстрируют повышенную секретность службы в таких войсках. Эти тенденции наглядно проиллюстрированы в публикациях по униформологии.

Существенное влияние на элементы полевого обмундирования и снаряжения практически всех категорий военнослужащих Советской Армии в 1950–1980-х гг. оказали изменения в теории военного искусства и уровень оснащения боевой техникой (в связи с предположительным применением ядерного оружия в будущей войне укоренилось мнение, что боевые действия будут вестись преимущественно на танках и бронетранспортерах). По этой причине военное руководство не видело необходимости в экономических затратах по обеспечению армии полевой формой с преобладанием высоких тактических характеристик (удобство, свобода действий, маскировочные свойства). В результате элементы полевого обмундирования и снаряжения практически всех категорий военнослужащих несли в себе конструкцию и детали повседневной формы одежды, по своим характеристикам неадекватным условиям военного времени [13, с. 161].

В 2011 году в журнале «Старый цейхгауз» была опубликована статья К. Цыпенкова, посвященная особенностям погон военнослужащих состоящих в запасе и в отставке в 1946–1955 гг. В статье показано как менялось отношение к отставным офицерам и генералам в 1940–1950 гг., в том числе и в существовании для них особых отличительных знаков на форме одежды, а также приводятся выдержки из законодательных актов, регулирующих социальное обеспечение военнослужащих в указанный период [18].

Совместная работа А. Кибовского, А. Степанова и К. Цыпенкова «Униформа Российского военно-воздушного флота» стала настоящей хрестоматией по военной форме одежды в СССР. В двухтомном издании содержится большое количество информации о развитии отечественных Вооруженных сил в 1940–1990 гг. Например, при описании формы одежды учащихся специальных средних школ Военно-воздушных сил, приводятся ранее неизвестные данные о том, что в 1946 году прорабатывался вопрос о преобразовании указанных учебных заведений в авиационные подготовительные училища [19, с. 323].

Р. Потапов в своих многочисленных статьях об особенностях формы одежды курсантов военно-медицинских учебных заведений в 1940–1990 гг. кроме описания элементов униформы достаточно подробно описывает организационную структуру Военно-Морской Медицинской Академии и Военно-Медицинской Академии им. С. М. Кирова [20, 21].

В журналах «Петербургский коллекционер» и «Сержант» периодически публикуются статьи посвященные истории воинских частей и военно-учебных заведений. Среди них отдельный Кремлевский полк, Почетный эскорт КГБ СССР, комендантская служба Вооруженных

сил СССР, Военная комендатура Москвы, отдельный батальон противодиверсионной борьбы РВСН, Училище морской пехоты, Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище им. В. И. Ленина, Ленинградское высшее общевойсковое командное им. С. М. Кирова, Киевское военно-морское политическое училище, Рижское нахимовское военно-морское училище и многие другие.

В журнале «Старый Цейхгауз» была опубликована серия статей посвященных форме одежды воспитанников военно-морских спецшкол и военно-морских подготовительных училищ [22, 23, 24]. В статьях приводятся не только уникальные фотографии и образцы элементов формы одежды, но и приведены сведения об организационных изменениях в указанных учебных заведениях, подкрепленные копиями архивных документов. Что особенно ценно, учитывая, то незначительное внимание, которое уделяется в современной историографии подготовительным училищам.

Большой интерес в качестве источников по истории Вооруженных сил СССР в 1945–1991 гг. представляют работы А. Масликова [25, 26, 27, 28, 29], который определил сферой своих научных интересов практику награждения советскими орденами и медалями после окончания Великой Отечественной войны.

Еще одним важным источником могут служить наградные листы. Значительная их часть отложилась в фондах Государственного архива Российской Федерации.

В соответствии с установленной формой, в наградном листе помимо биографических данных, описания подвига или заслуг представляемого к награде приводятся сведения о его должности, действительном наименовании воинской части в которой он проходит службу. Систематизация подобных сведений позволяет получить достоверные сведения об участии тех или иных частей и подразделений в боевых действиях, а также в выполнении других специальных задач.

Не меньшее значение имеет и изучение законодательных актов регулирующих наградную политику.

Например, анализируя документы касающиеся внесения изменений в «Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении Грамоты Президиума Верховного Совета СССР воину-интернационалисту» и в «Инструкцию о порядке вручения Грамоты Президиума Верховного Совета СССР воину-интернационалисту и знака

к ней» можно хронологически проследить как в нашей шел процесс признания участие военнослужащих Советской армии в локальных конфликтах на территории других государств. Первоначально Грамота предназначалась для награждения «военнослужащих Вооруженных Сил СССР за выполнение интернационального долга в Республике Афганистан». Позднее после признания руководством СССР участия советских военнослужащих в боевых действиях в Анголе, Алжире, Вьетнаме, Египте, Йемене, Сирии, Эфиопии и в Афганистане до официального ввода войск (до 1 декабря 1979 года) Грамота стала вручаться и этой категории граждан. В дальнейшем Грамота вручалась участникам боевых действий в Испании в 1936–1939 гг. и Монголии в 1939 году [30, Л. 5].

Ценность современных источников по фалеристике и униформологии заключается прежде всего в том, что их авторы используют в качестве источников для своих статей исторические формуляры воинских частей, которые недоступны большинству исследователей, а также материалы из «закрытых архивов» Министерства обороны, МВД и других спецслужб.

Однако следует отметить, что существенным недостатком источников по фалеристике является то, что большинство из них ориентированы прежде всего на коллекционеров и поэтому содержат в основном специфическую информацию (размеры и вес наград, разновидности изготовления знаков, способы нанесения номеров и т. п.) [31, 32, 33, 34, 35, 36]. Практика награждения орденами и медалями, особенно в послевоенные годы в таких работах остается практически не освещенной.

Таким образом, работы по униформологии и фалеристике являются ценным источником в изучении развития Вооруженных сил СССР после окончания Великой Отечественной войны. Их комплексное изучение не только позволяет повысить степень объективности и достоверности при выявлении общих закономерностей и тенденций процесса развития Вооруженных сил Советского Союза в 1945–1991 гг., но и выделить его особенности, понять явление, не укладывающиеся в рамки системы.

Наградные знаки и военная униформа не просто предметы коллекционирования или объект исследований для узкого круга специалистов в них неизменно отражаются особенности конкретного исторического периода в истории нашей страны и Вооруженных сил.

Литература:

1. Форма одежды медицинского состава армии и флота советского периода: справ.-кат. / Сост. Босенков С. В., Винокуров Г. И. СПб.: Военно-медицинский музей, 1995.
2. Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917–1990-е годы). М.: Воениздат, 1999.
3. Дуров, В. А. Русские и советские боевые награды. М.: Внешторгиздат, 1990.
4. Дуров, В. А. Награды Великой Отечественной. М.: Издательство «Русская книга», 1993.
5. Кузнецов, А. А. О белой армии и ее наградах. 1917–1922 гг. М.: Издательство «Столица», 1991.
6. Шепелев, Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М.: Наука, 1991.
7. Степанов, А. Погоны генералов армии 1943–1991 // Цейхгауз. 2001. № 4. с. 36–41.
8. Степанов, А. Погоны маршалов родов войск. 1943–1994 // Цейхгауз. 2002. № 1. с. 38–48.

9. Степанов, А. Погон для Адмирала флота // Старый Цейхгауз. 2008. № 2. С. — 40–41.
10. Сорокин, А. Погоны обр. 1969 г. курсантов военно-учебных заведений ВС СССР // Петербургский коллекционер. 2015. № 2. с. 102–106.
11. Камков, И. А., Конопляник В. М. Военные академии и училища. Справочник для поступающих в военные учебные заведения. М.: Воениздат, 1974.
12. Муцак, В. М. Твоя профессия — военный. Киев: «Радянська школа», 1978.
13. Бардыго, Н. С. Деятельность органов советского государственного и военного управления по созданию и совершенствованию формы одежды армии в 1918–1991 гг.: дис. канд. ист. наук. М., 2003.
14. Степанов, А. «Жуковская форма». Несостоявшаяся реформа обмундирования 1957 года // Цейхгауз. 2002. № 3. с. 44–48.
15. Степанов, А. Нарукавные знаки (штаты) ВМФ. 1961–1994 // Старый Цейхгауз. 2014. № 6. с. 75–81.
16. Цыпленков, К. Тень дубовых листьев. По следам неутвержденного шитья 1957 г. // Цейхгауз. 2002. № 4. с. 33–37.
17. Степанов А. Нарукавные знаки Вооруженных сил СССР. 1920–1991. М.: Цейхгауз, 1999. с. 41.
18. Цыпленков, К. Погоны для состоящих в запасе и в отставке. 1946–1955 // Старый Цейхгауз. 2011. № 5. с. 64–77.
19. Кибовский, А. В., Степанов А. Б., Цыпленков К. В. Униформа Российского военно-воздушного флота. В 2 т. М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2005. Том 2, часть 2.
20. Потапов, Р. Погоны курсантов Военно-Морской Медицинской Академии. 1940–1956 гг. // Петербургский коллекционер. 2014 № 5. с. 88–91.
21. Потапов, Р. Погоны курсантов Военно-Медицинской Академии имени С. М. Кирова, 1969–1991 гг. // Петербургский коллекционер. 2014 № 2. с. 90–93.
22. Степанов, А. Военно-морские спецшколы. 1940–1944 // Цейхгауз. 2003. № 1. с. 37–41.
23. Степанов, А. Военно-морские подготовительные училища. 1943–1951 // Старый Цейхгауз. 2010. № 1. с. 64–69.
24. Степанов, А. Военно-морские спецшколы. Дополнительные материалы // Старый Цейхгауз. 2013. № 2. с. 60.
25. Масликов, А. Награждения орденами Отечественной войны за Венгрию // Петербургский коллекционер. 2013. № 6. с. 59–61.
26. Масликов, А. Награждения орденами Отечественной войны за выполнение воинского долга // Петербургский коллекционер. 2014. № 3. с. 64–65.
27. Масликов, А. Кавалеры Красной Звезды — участники Берлинского кризиса в 1961 году // Петербургский коллекционер. 2014. № 6. с. 74–75.
28. Масликов, А. Дважды награжденные. Вручение орденов Отечественной войны в 1946–1951 гг. // Старый Цейхгауз. 2014. № 6. с. 88–90.
29. Масликов, А., Кузнецов С. Практика награждений медалями «За отвагу» в 1964-г. // Петербургский коллекционер. 2016. № 2. с. 94–96.
30. Российский государственный военный архив Ф. 41131. Оп. 1. Д. 101.
31. Боев, В. А. Шемеляк Ю. Р. Разновидности ордена Красного Знамени (часть первая). Киев: ЧПП, 2005.
32. Бойко, В. Д. Государственные награды СССР. Орден Отечественной войны I и II степени. Киев: Издательство ЧП «Март», 2007.
33. Дуров, В. А., Стрекалов Н. Н. Орден Красного Знамени. М.: Collectors book, 2006.
34. Лазаренко, В. Юбилейный орден Отечественной войны II степени // Петербургский коллекционер. 2015. № 3. с. 87–88.
35. Музалевский, М. В., Шишков С. С. Ордена и медали СССР. 1918–1991. Днепропетровск: АРТ-Пресс, 2005.
36. Каталог-определитель советских орденов и медалей // Аверс. 2003. № 6.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

IV Международная научная конференция
Казань, май 2016 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Издательство «Бук», г. Казань

Подписано в печать 24.05.2016. Формат 60х90 ¹/₈.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 16,23. Уч.-изд. л. 11,52. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»

420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.